

СТИХОТВОРЕНІЯ ЯЗЫКОВА.

Wer das Dichten will verstehen
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.

Г О Т Т Е .

1822 — 1830.

Н. Ермаков,

род. 1803 г. умерь 1846 г.

Языков, Николаѣ Михайловичѣ, 1803-71

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. М. ЯЗЫКОВА.

ПРИ НИХЪ ПРИЛОЖЕНЫ ЕГО ПОРТРЕТЪ, FAC-SIMILE, СВѣДѢНІЯ
О ЕГО ЖИЗНИ И ЗНАЧЕНІИ И НАПИСАННОЕ О НЕМЪ ВЪ РАЗНЫХЪ
ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1858.

891.78

I 12

1858

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи
представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 мая, 1857 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

61-107978

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы имѣемъ три изданія стихотвореній Языкова: 1833, 1844 и 1845 годовъ; всѣ они явились еще при жизни поэта и нынѣ составляютъ библиографическую рѣдкость. Но до и послѣ этихъ изданій многія піесы его печатались въ журналахъ, альманахахъ и сборникахъ. Полнаго же собранія сочиненій Языкова доселѣ не было, хотя почитатели его таланта и любители отечественной литературы настоятельно того желали.

Нынѣ желаніе ихъ исполняется: предлагаемое изданіе содержитъ въ себѣ не только всѣ прежде напечатанныя піесы, но и нѣсколько рукописныхъ, сообщенныхъ намъ роднымъ братомъ поэта Александромъ Михайловичемъ Языковымъ. Піесы расположены нами въ хронологическомъ порядкѣ; имъ

предпосланы краткія замѣтки о жизни и значеніи поэта и всѣ статьи, разновременно появлявшіяся о немъ въ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того приложены портретъ Языкова, въ 1829 писанный художникомъ Хрипковымъ, и снимокъ съ его почерка.

Т. Тверевской.

24 ноября, 1857 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	СТР.
Предисловіе	v
Николай Михайловичъ Языковъ.....	1
Изданія стихотвореній его	xiii
Написанное (литература) о Н. М. Языковѣ :	
I. Московскій Телеграфъ. Ст. Кс. Полеваго.....	xiv
II. Dorpater Jahrbücher für Literatur. — Borg.....	xxi
III. Телескопъ, издав. Надеждинымъ. Y — z.....	xxvii
IV. Сѣверная Пчела № 74	xli
V. Literarische Bilder aus Russland, herausgegeben von König	xliii
VI. Отечественныя Записки. В. Бѣлинскій.....	xlv
VII. Библіотека для Чтенія.....	lxiv
VIII. Москвитянинъ. Погодинъ.....	lxxiii
IX. Московскій Городскій Листокъ. Ст. Шевыревъ.	lxxviii
X. Ярославскій литер. сборникъ. С. Николаевскій.	xciii
XI. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Гоголь	cvi
XII. Санктпетербургскія Вѣдомости. Кн. Вяземскій.	cxii
XIII. Примѣчанія къ полной Русской Хрестоматіи, А. Галахова.....	cxxxiii
XIV. Стихотворенія Языкову. — I. II. III. Пушкина.	cxxxiv
IV. Барона Дельвига.....	cxxxvi
V. Арбузова.....	cxxxvii
—	
1822 г. Посланіе къ А. Н. Очкину. (Новости Литер. 1822 г. кн. XV стр. 29).....	1
Къ А. М. Языкову, при посвященіи ему стиховъ моихъ. (Нов. Лит. 1822 г. кн. XXIII. ст. 156).....	3

Моя родина.* (Новости Литер. 1822 г. кн. XXVI. стр. 204, но въ изданіи Стихотвореній 1833 піеса эта почему-то отмѣчена 1824 г. Д.).....	стр. 5
1823 г. Мое уединеніе. (Нов. Лит. 1823 г. кн. XX. стр. 108.)	7
Пѣсня Короля Регнера.* (Новости Литер. 1823 г. кн. XXXIII. ст. 110, съ P. S. Прощу стихи мои простить и проч., но въ изданіи 1833 г. отмѣчена 1824 г. Д.).....	12
Чужбина. (Нов. Литер. 1823 г. кн. XXII. стр. 189.)	14
Пѣснь баяна при началіи войны. (Новости Литер. 1823 г. кн. VI.).....	16
Пѣснь барда во время владычества Татаръ въ Россіи. (Нов. Лит. 1823 г. кн. XLVI. стр. 94.).....	17
Усладъ. (Но въ Новостяхъ Литер. 1823 г. кн. LI. ст. 188 озаглавлено Баянъ. Отрывокъ изъ большой поэмы).....	19
Баянъ къ Русскому воину при Дмитріи Донскомъ, прежде знаменитаго сраженія при Непрядвѣ. (Новости Литер. 1824 г. іюль, стр. 42.).....	24
Элегія. О деньги, деньги!.....	26
Элегія. Не улетай, не улетай. (Нов. Литер. 1824 г. кн. VIII. стр. 16.).....	27
Евпатій.* (Новости Литер. 1824 г. кн. VIII, посвящено А. И. Т—ву.).....	27
Муза. (Соревнов. Просв. 1824. № VI.).....	29
1824 г. Къ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой.....	30
Родина.....	31
Элегія. Зачѣмъ божественной Хариты. (Новости Литер. 1825 г. августъ, стр. 112.)..	32
Катинькѣ Моіеръ.*.....	33
Элегія. Она меня очаровала. (Нов. Литер. 1825 г. стр. 132. Написано къ NN.).....	34
Видѣніе.....	35

	СТР.
Молитва.* (Новости Литер. 1825 г.).....	36
Ала (отрывокъ). (Сѣв. Цвѣты 1826 г. стр. 5. безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1833 г. отмѣчено 1824 г. Д.).....	36
Элегія. Счастливъ, кто съ юношескихъ дней, (Нов. Литер. 1825 г. и Соревн. Просвѣщ. 1825 г. № VII.).....	39
Три элегіи. (Соревнов. Просвѣщ. 1825 г. № VII, безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1833 г. отмѣчено 1824 г. Д.)...	40
Прощаніе съ элегіями.....	41
Ливонія.*.....	42
Элегія. Прощай красавица моя!.....	43
Элегія. Меня любовь преобразила.....	43
Воспоминаніе.....	44
Въ Альбомъ. Ш. К.	46
Въ Альбомъ. Ш. К.	47
Къ Петру Николаевичу Дириву. (Альціона, барона Розена 1831 г.).....	48
Н. Д. Киселеву.....	48
Маръѣ Ник. Дириной. (Невскій Альманахъ Алады- на 1828 г., стр. 15.).....	50
Пѣсня. Кто за покаломъ не поетъ,.....	51
Меченосецъ Аранъ. Отрывокъ. (Нов. Лит. 1825, май, стр. 141.).....	52
Разбойники. (Отрывокъ).....	56
Элегія. Любовь, любовь! веселымъ днемъ.....	58
Слава Богу. (Сѣв. Цвѣты, 1826 г. стр. 34.).....	59
Элегія. Скажи, воротись ли ты.....	59
Поэтъ.....	60
1825 г. Двѣ картины.* (Сѣв. Цвѣты. 1826 г. стр. 125, безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1833 отмѣчено 1825 г. Д.).....	61
Геній.* (Новости Литер. 1826 г. кн. XV, стр. 39.)..	62
Къ Шепелеву. (Невск. Альманахъ Аладына 1827 г. Подпись имени автора замѣнена треми звѣздочками.).....	63

	СТР.
Къ А. Н. Вульфу	64
Аделаидѣ	65
Военная Новгородская пѣсня 1170 г.	66
Къ Н. Д. Киселеву. (Отчетъ о любви).....	67
Элегія. Поэту радости и хмѣля.....	70
1826 г. Къ Музѣ.*.....	71
Тригорское. (Посвящено П. А. Осиповой).....	72
Вечерь.*	81
Олегъ.*	81
Къ Вульфу, Тютчеву и Шенелеву.* (Невск. Альма- нахъ, Аладьина, 1827, съ надписью «друзьямъ».).....	85
Къ нянѣ А. С. Пушкина. (Сѣв. Цвѣт. 1828, стр. 43, безъ означенія года и мѣста, но въ издан. 1833 г. отмѣчено 1826 г. Д.).	89
Сомнѣніе	90
Къ А. Н. Вульфу.....	90
Къ Пельцеру. (Невск. Альман. Аладьина, 1828 г. Вмѣсто подписи имени автора—три звѣздочки.).....	91
Къ В. Ю.....	92
Ужь я не то, что былъ я встарь.....	93
Элегія. Моя Камена ей пѣвала. (Нов. Литер. 1826 г. Февраль, стр. 93.).....	94
Элегія. Свободенъ я: уже не трачу. (Тамъ же ст. 94.)	95
Элегія. Я зналъ живое заблужденъе. (Тамъ же мартъ, стр. 150.).....	95
Т — ву. (Нев. Альманахъ 1832 г., стр. 117).....	96
1827 г. Ручей. (Альманахъ Аладьина. 1829.).....	96
Ночь*.....	97
Кудесникъ.* (Невск. Альм. Аладьина, 1828 г.).....	98
Къ Прасковьѣ А. Осиповой.....	100
Къ * * * *	102
Къ Вульфу.....	104
Къ Вульфу.....	105
Пѣсня.* Изъ страны, страны далекой.....	106

	стр.
Катенькѣ Моіеръ.....	107
Правоучительныя четверостишія. 1. Равновѣсіе.	
2. Удѣлъ генія. 3. Вѣрное предска-	
заніе. 4. Справедливость пословицы.	
5. Мстительность. 6. Непоколеби-	
мость. 7. Сила и слабость. 8. Лебедь	
и Гусь. 9. Мартышка. (Невск. Альм.	
1827 г. ст. 167.).....	108
1828 г. Элегія. Вы не сбылись, надежды милой. (Невск.	
Альм. 1828, стр. 212.).....	110
Развалины. * (Невск. Альм. Аладына. 1829 г.)....	111
А. Н. Степанову. (Невск. Альм. Аладына 1829 г.	
Вмѣсто имени автора — три звѣз-	
дочки.).....	112
Графу Д. И. Хвостову.....	114
Къ А. Н. Вульфѣ. (Невск. Альм. Аладына 1829 г.	
Вмѣсто имени автора — три звѣз-	
дочки.).....	116
Къ А. Н. Вульфѣ. (Сѣв. Цвѣты 1829, съ подписью	
1828 г., сентября 25, но въ изданіи	
1833 подписано 1829. Д.).....	117
Къ А. Очкину. (Невск. Альм. 1828. стр. 201.).....	119
1829 г. Дѣва noci. (Невск. Альм. Аладына. 1829 г. Вмѣсто	
имени автора — три звѣздочки.)....	119
Пловець*.....	121
Элегія.* Ты восхитительна! (Невск. Альм. Алады-	
на 1830 г.).....	122
Памяти А. Д. Маркова. (Невск. Альм. Аладына.	
1830 г.).....	123
А. В. Тихвинскому.....	124
Каролинѣ Карловнѣ Янищъ.....	126
Отъѣздъ.....	126
Барону Дельвингу. (Сѣв. Цвѣты 1829 г. стр. 134)..	131
Элегія. Языкъ души краспорѣчивой.....	133
Пѣсня.* Когда умру, смиренно совершите.....	133
А. Н. Тютчеву.....	134

	СТР.
Пѣсня.* Разгульна, свѣтла и любовна.....	135
Элегія. Тотъ не поэтъ, въ комъ не пробудить....	136
А — Ъ. (Невск! Альм. 1829 г. стр. 238.).....	136
Романсъ. Конрадъ одѣвается въ латы. (Нев. Альм. 1829 г., стр. 248.).....	137
Зима пришла. (Нев. Альман. 1829 г. стр. 334.)....	139
Прощальная пѣсня*. (Нев. Альм. Аладьяна. 1830 г.)	140
А. И.* (Денница Максимовича 1831, и написано Ангѣ Ивановнѣ.).....	141
Графу Д. И. Хвостову.....	142
Къ А. Н. Тютчеву.....	144

Примѣч. 1. Звѣздочками означены тѣ изъ піесей, которыя въ 1844 году были изданы самимъ поэтомъ въ числѣ 56, какъ избранныя.

2. За исключеніемъ піесей: «Элегія — зачѣмъ божественной хариты — Разбойники, Пловецъ, Элегія — Ты восхитительна — Памяти Маркова, Элегія — Языкъ души краснорѣчивой — А. Н. Тютчеву — Графу Д. Н. Хвостову, элегія — Тотъ не поэтъ — «написанныхъ въ Симбирскѣ, и піесы» К. К. Янишъ, писанной въ Москвѣ, всѣ остальные написаны въ Дерптѣ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ, и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями,
Онъ красоту боготворилъ душой.

1803 — 1829.

Мѣсто и годъ рожденія Языкова. Его воспитаніе и дерптская жизнь. Успѣхи его въ литературѣ и безуспѣшность въ университетѣ.

Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ 4 марта, 1803 года, воспитывался въ С. Петербургѣ въ Институтѣ Горныхъ Инженеровъ, куда былъ отданъ по 12-му году (1814). Выборъ мѣста воспитанія былъ рѣшенъ вовсе не потому, чтобы въ немъ замѣтили особенныя наклонности или способности къ горному дѣлу, но такъ... случайно, вѣроятно потому, что тамъ уже воспитывались два его старшіе брата. Результатъ такого выбора вышелъ далеко не желанный: оказалось, юный питомецъ института къ математическимъ

наукамъ рѣшительно не имѣлъ никакой охоты, а при-
неволивать себя не умѣлъ, и шести-лѣтній институт-
скій курсъ Къ счастью еще, онъ порученъ былъ
особенному наблюденію учителя русской словесности
А. Д. Маркова, человѣка съ *блистательнымъ умомъ,*
самообытнымъ просвѣщенемъ и поэтическимъ огнемъ.
Почтенный Алексѣй Дмитріевичъ, любившій Языкова,
какъ сына, прилагалъ все свое стараніе къ развитію
его способностей, заставлялъ его читать и изучать Ло-
моносова и Державина, и, можетъ-быть въ этихъ-то на-
чальныхъ занятіяхъ угадывая призваніе своего ученика,
ласково встрѣчалъ первые его опыты, нѣжно лелѣялъ
его поэтическія стремленія. Признательный нашъ поэтъ
всю жизнь хранилъ искреннюю благодарность къ свое-
му наставнику и свято чтить его память *. Въ 1820 году
Николай Михайловичъ кончилъ курсъ въ институтѣ и
поступилъ въ Инженерный корпусъ, но для чего и по-
чему, сказать не можемъ. Занятія сего послѣдняго за-
веденія еще менѣе соответствовали потребностямъ его
души; оттого черезъ годъ онъ вышелъ оттуда (1821).
и на свободѣ предался своимъ любимымъ литератур-
нымъ занятіямъ. Онъ-то, вѣроятно, и расположилъ мо-
лодаго Языкова къ рѣшенію отправиться въ Дерптъ,
чтобы поучиться въ тамошнемъ университетѣ. Снаб-
женный рекомендательными письмами А. Ѳ. Воейкова —
который первый изъ литераторовъ привѣтствовалъ та-
лантъ его — Языковъ въ концѣ 1822 г. прибылъ въ
Дерптъ, и сталъ посѣщать университетскія лекціи.

Здѣсь, въ кругу сверстниковъ-товарищей по душѣ,
началась собственно и развивалась поэтическая дѣятель-
ность Языкова. На студентскія пирушки и бесѣды поэтъ

* См. Памяти Маркова, ч. I стр. 123. .

являлся съ своими пѣснями; дружные товарищи хѳромъ пѣли ихъ съ одушевленіемъ, — даже нынѣ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ, оставшіеся изъ нихъ помнятъ наизусть удаляя его стихотворенія и любятъ повторять ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ: такъ для меня останется навсегда памятнымъ тотъ вечеръ прошлой зимы, когда одинъ изъ товарищей Языкова, Вульѳъ посѣтившій меня, читалъ съ увлеченіемъ многія изъ его пьесъ, — припоминая случаи ихъ сочиненія — и между прочимъ слѣдующую, мнѣ неизвѣстную ни по рукописнымъ, ни по печатнымъ собраніямъ стихотвореній Языкова :

Всему человѣчеству
 Заздравный стаканъ,
 Два полныхъ — отечеству
 И славъ Славянъ.
 Свободѣ божественной,
 Делѣющей насъ,
 Кругомъ и торжественно
 По тронцѣ въ разъ!

Поэзіи сладостной
 И міру наукъ,
 И буйности радостной,
 И удали рукъ,
 Труду и бездѣлю,
 Любви пировать,
 Вину и веселію
 Четыре да пять!

Очамъ возмутительнымъ
 И персямъ живымъ,
 Красоткамъ чувствительнымъ,
 Красоткамъ лихимъ.
 Съ природою пылкою
 Съ дешевой красой,

Послѣдней бутылкою
И всё изъ одной!

Кружится, склоняется
Моя голова,
Но духъ возвышается
Но громки слова!
Восторгами нѣжными
Разнѣжился я:
Стучите стаканами
И пойте, друзья!

Съ переѣзда же Языкова въ Дерптъ, именно въ 1823 году, начали появляться въ печати разныя его стихотворенія, воспѣвавшія харитъ, вино, дружбу, покой и — изрѣдка родину. При самомъ первомъ появленіи они были замѣчены и отличены Жуковскимъ и Пушкинымъ по ихъ бойкой силѣ, яркой живописи и юношескому разгулу. Славные поэты почтили молодого пѣвца лестнымъ, радушнымъ привѣтомъ; особенно Пушкинъ высоко цѣнилъ талантъ Языкова, и еще въ 1824 году желалъ съ нимъ лично познакомиться, какъ видно изъ этого неизданнаго стихотворенія* :

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Привози ко мнѣ съ собой,
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ,
(Не михайловскій прикащикъ)
Привезетъ намъ право кладъ,
Что? бутылочкѣ полный ящикъ.

* Стихотвореніе это взято нами изъ собственноручнаго пушкинскаго письма къ А. Н. Вульфу отъ сентябр. 20, 1824 г.

Запируемъ ужъ, молчи!
 Чудо — жизнь Анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта,
 Дни любви посвящены;
 Ночью царствуютъ стаканы;
 Мы же то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

Впрочемъ личное знакомство поэтовъ тогда не состоялось, а по чему-то отсрочилось до 1826 года. Въ этомъ году Языковъ цѣлое лѣто гостилъ у Пушкина въ Тригорскомъ. Время, проведенное въ обществѣ Пушкина, искренно воспѣто имъ въ замѣчательномъ стихотвореніи «Тригорское», и всю жизнь было самымъ свѣтлымъ и отраднымъ его воспомнаніемъ. «Я вопрошалъ, пишетъ Языковъ къ Вульфѣ въ 1827 г. отъ 17 февраля, совѣсть мою и внималъ отвѣтамъ ея — и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіяты золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца — нежели лѣто 1826 года!» Черезъ 20 лѣтъ (1846 г.) онъ съ такимъ увлеченіемъ вспоминалъ Тригорское: «Вези писалъ онъ тому же Вульфѣ (17 сент. 1846), вези мой поклонъ и почтеніе въ Тригорское всѣмъ и каждому, кто меня помнитъ, и всѣмъ мѣстамъ, кои я помню о сию пору и никогда не забуду.»

Въ короткое время имя Языкова, какъ поэта, стало общеизвѣстно: стихи его съ увлеченіемъ читала образованная публика, а въ особенности восхищалась ими молодежь. Блестящи были успѣхи Языкова въ обществѣ, какъ поэта, — но далеко не таковы были успѣхи его въ университетѣ, какъ студента. Для университета онъ работалъ неусидчиво, а такъ порывами, по

временамъ: *не могъ* — выражусь его собственными словами — *впитъся въ занятія сухія, скучныя, прозаическія, но необходимыя*, даже не умѣлъ совладать съ методическими серьезными приготовленіями къ экзамену. «Въ моемъ положеніи внѣшнемъ и внутреннемъ, — откровенно сознавался онъ Вульфу* — все идетъ прежнимъ порядкомъ или, вѣрнѣе, безпорядкомъ: приготовленія къ экзамену можно признаться, не начались, потому что мнѣ совѣстно назвать симъ почтеннымъ именемъ обыкновенное чтеніе, справки и выправки учебныя — безъ системы, какъ въ голову придетъ, безъ цѣли близкой». — Годъ за годъ, а приготовленія къ экзамену не подвигались впередъ; кончилось тѣмъ, что онъ такъ-таки и не приготовился къ нему въ теченіи цѣлыхъ шести лѣтъ, и въ концѣ 1829 года оставилъ Дерптъ студентомъ *бездипломнымъ*.

1829 — 1846.

Жизнь въ Москвѣ и деревнѣ. Опредѣленіе на службу и отставка. Намѣреніе основаться на постоянное житье въ деревнѣ. Препятствіе — болѣзнь. Ея усиленіе и продолжительность. Лѣченіе за границую. Возвращеніе въ Москву. Новая болѣзнь. Кончина. День и мѣсто погребенія его. Значеніе его въ литературѣ.

Изъ Дерпта Языковъ переѣхалъ на житье въ Москву: съ 1829 по 1832 годъ прожилъ въ ней безвыѣздно. Цвѣтущій здоровьемъ и красотой, съ независимымъ состояніемъ, онъ жилъ въ Москвѣ *чрезвычайно удивленно: безвыходно, даже безвыѣздно сидѣлъ дома и въ полной власти собственнаго своего произвола***. Въ эту

* Письмо 1827, 18 декабря.

** Пис. къ Вульфу 1832 г., іюля 30.

пору онъ рѣшился поступить на службу: 12 сентября, 1831 годѣ, состоялось его опредѣленіе въ Межевую Канцелярію. Служба однакожь не заняла и не завлекла его: почти при самомъ вступленіи въ должность, онъ сталъ смотрѣть на нее, какъ на помѣху его занятію, которое шутливо между друзьями называлъ *стихотписаниемъ*. Такой взглядъ на службу скоро перешелъ въ убѣжденіе, а убѣжденіе не замедлило перейти въ дѣло: 18 ноября, 1833 г., видимъ Языкова уже уволеннымъ отъ службы *по прошенію въ чинъ коллежскаго регистратора*. Главнымъ побужденіемъ къ такому поспѣшному выходу изъ службы было сильное, рѣшительное желаніе Языкова навсегда поселиться въ деревнѣ, усѣсться на одномъ мѣстѣ, чтобы вполне и свободно предаться своимъ любимымъ занятіямъ: по его понятію, кочевая жизнь не благопріятствуетъ поэтической дѣятельности въ Россіи; по его убѣжденіямъ, необходимо имѣть осѣдность, быть уединенно-поэтической и много другаго. *чтобы муза его вовсе предалась своей милой страсти, принесла плоды многіе, и прославилась славно*. Этому благородному плану однакожь не суждено было исполниться: болѣзнь, открывшаяся въ 1831 году слабыми, незначительными припадками, въ 1833 г. начала усиливаться довольно значительно; боли отъ солитера, разстройства спинной кости и печени увеличались уже до того, что нужно было серьезно подумать о лѣченіи; и постоянная жизнь въ деревнѣ оказывалась несбыточною мечтою. Для облегченія страданій онъ нашелся вынужденнымъ бывать часто въ Москвѣ, сѣздить въ Пензу къ славившемуся тамъ гомеопату Петерсону. Во дни облегченія отъ недуга, Языковъ брался за свое дѣло, замышлялъ большіе труды; дѣятельно участвовалъ въ Московскомъ Наблюдателѣ, на страницахъ кото-

раго помѣщено между прочимъ и его возвышенное посланіе къ Д. В. Давыдову (ч. II, стр. 56). Въ эту пору, именно въ 1836 году, онъ льстилъ себя надеждою на продолжительную дѣятельность: «да, я опять росписался, — говорилъ онъ своему товарищу Вульффу, и теперь кажется надолго. Принимаюсь и за большіе труды. Полно мнѣ такъ сказать, мелочничать. Впрочемъ, да не смущается сердце твое — посланія у меня всегда будутъ писаться — только что они будутъ уже незначительны — вотъ главное! Теперь жизнь моя чрезвычайно благопріятна стихописанію: уединенная, какъ нельзя больше, тихая, привольная и сельская — и хвала за то Провидѣнію, хозяйство мое такъ хорошо устроено и такъ долго шло хорошо, что я совершенно независимо могу предаваться любви своей.» Такъ думать и располагалъ въ душѣ Языковъ въ апрѣлѣ 1836 года, но не такъ случилось на дѣлѣ: коренная постоянная болѣзнь его еще болѣе стала усиливаться, и осенью 1837 г. къ ней присоединилась новая — сильная простуда, отъ которой онъ пролежалъ на одрѣ болѣзни до мая 1838. Съ трудомъ перевезли его въ Москву, гдѣ медики присовѣтовали ему путешествіе въ Маріенбадъ. Оправившись отъ простуды, Языковъ въ августѣ выѣхалъ изъ Москвы на маріенбадскія воды. Тамъ пробылъ онъ почти два мѣсяца, *пилъ брунъ*, купался въ водѣ и грязяхъ, но все безъ пользы; по окончаніи курса, отправился въ Ганау къ знаменитому доктору Копу. Копъ обѣщалъ поставить его на ноги и сдѣлать молодцомъ къ осени 1839 года; но какъ и на сколько оправдались смѣлыя, утѣшительныя обѣщанія добродушнаго врача, тому лучшимъ доказательствомъ служить вся заграничная пятилѣтняя жизнь Языкова, проведенная, по его же словамъ, подъ верулою медицины, полная тягостными переѣздами отъ

одного мѣста къ другому, томительными пережиданіями и отдыхами отъ одного лѣкарства до другаго. За границей, состояніе здоровья его порою было таково, что онъ не могъ порядочно пройти по комнатѣ, взойти на лѣстницу безъ провожатаго, прочесть страницы и написать пяти строкъ, не почувствовавши одышки; но были дни, хотя и рѣдко, когда болѣзнь уступала искуснымъ успіямъ врача и благому дѣйствію цѣлебныхъ водъ: въ такіе счастливые дни тоскующій по роднѣ поэтъ охотно принимался за стихи. Къ этому періоду жизни относится замѣчательная его пьеса «къ Рейну» и нѣсколько элегій, изъ которыхъ въ одной ясно выказалась поколебавшаяся его надежда на выздоровленіе отъ заграничнаго лѣченія:

«Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался,
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся
Мнѣ утѣшеня нѣтъ какъ нѣтъ!
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.»

Да, черный день его не разгулялся, втунѣ пять лѣтъ скитался онъ по чужимъ странамъ: изможденнымъ, слабою же, но еще болѣе усилившеюся болѣзнію воротился онъ въ Москву въ августѣ 1843 г. Здѣсь онъ поручилъ себя наблюденію своего стараго деритскаго товарища, профессора Иноземцева. Искусство знаменитаго московскаго врача съ трудомъ поддерживало разрушавшееся здоровье поэта, который улаждалъ горечь своихъ страданій религіозными размышленіями, чтеніемъ священнаго писанія и отечественной исторіи, бесѣдами съ близкими и друзьями. Плодомъ этихъ думъ,

занятій и бесѣдъ остались нѣсколько посланій и прекрасныя религіозныя стихотворенія «*Землетрясеніе и Сампсонъ.*»

Въ половинѣ декабря 1846 года Языковъ простудился; къ застарѣвшей 15-лѣтней болѣзни присоединилась горячка. Онъ счелъ ее за предзнаменованіе своей близкой смерти. Напрасно друзья старались разувѣрить его въ такомъ печальномъ убѣжденіи; онъ былъ непоколебимъ, и серьезно сталъ готовиться къ смерти: пригласилъ священника совершить послѣдній долгъ христіянина, сдѣлалъ нужныя, похоронныя распоряженія, назначилъ даже кого пригласить на свои похороны, и заказалъ блюда для похороннаго обѣда.

26 декабря къ общему прискорбію оправдалось грустное его предчувствіе смерти; въ шестомъ часу вечера Языкова не стало: онъ скончался тихо и незамѣтно для его окружающихъ. 30 декабря, родные, друзья и почитатели похоронили его въ Даниловомъ Монастырѣ между могилами двухъ памятныхъ нашихъ людей — Венелина и Валуева.

На память объ Языковѣ остались для насъ его стихотворенія, изъ которыхъ многія (Двѣ картины, Ливонія, Вечеръ, Пловецъ, Чужбина, Землетрясеніе, Сампсонъ, Подражаніе псалму хiv, Жаръ-Птица и др.) блещутъ истинной красотой, исполнены художественности, за которыя онъ, какъ самобытный талантъ, займетъ по праву видное и почетное мѣсто въ ряду литературныхъ дѣятелей пушкинскаго періода, и съ которыми имя его будетъ всегда жить въ исторіи нашей словесности. Печатавшіяся при жизни поэта то въ періодическихъ изданіяхъ, то отдѣльными книгами, они не разъ были предметомъ и восторженныхъ, преувсепенныхъ похвалъ, и ѣдкихъ, саркастическихъ порицаній; нынѣ, издавае-

мыя воплѣ, почти 11 лѣтъ спустя послѣ смерти автора, они, конечно, найдутъ судъ болѣе безпристрастнѣй и справедливѣй; предохранятъ цѣнителей - читателей и отъ чрезмѣрной выпренности льстивыхъ похвалъ и отъ жолчи безпощадныхъ порицаній.

Въ полномъ собраніи сочиненій Языкова, за исключеніемъ пьесъ «Жарь-Птица», «О пастухѣ и дикомъ вепрѣ», «Отрокъ Вячко», «Сержантъ Сурминъ», «Странный случай», «Встрѣча Новаго года», всѣ остальные пьесы принадлежатъ роду лирическому; слѣдовательно на судъ публики Языковъ предстаетъ, какъ *поэтъ лирическій*.

Что же и какъ пѣлъ Языковъ въ своихъ лирическихъ пѣсняхъ? — На эти вопросы, думасмъ, всего лучше отвѣчать его же собственными словами. Языковъ самъ называлъ себя *голосистымъ пѣвцомъ пировъ, хмеля, прелести суеты, пѣвцомъ вина, дружбы, прохлады и шалостей любви нескромной*: дѣйствительно, больше всего и чаще всего онъ воспѣвалъ счастливыми стихами харитъ, вино, дружбу и покой. Стало-быть, поэзія юности была вдохновительницею его пѣсенъ, была главнымъ мотивомъ его стихотвореній; такой строй лиры слышится особенно въ піесахъ дерптскаго періода жизни поэта. Отсюда понятно, почему между его стихотвореніями въ такомъ обиліи встрѣчаются пѣсни анакреонтическія и дружественныя посланія. Но сколько бойкости, живости, силы и разгула блещетъ въ его стихотвореніяхъ анакреонтическихъ (Къ А. И. Вульфъ ч. I, стр. 116. Пѣсня, тамже стр. 106, Пѣсня 135.)! Какою теплотою, искренностью проникнуты его посланія, и какъ часто въ нихъ, кромѣ своихъ личныхъ отношеній къ друзьямъ, поэтъ умѣетъ высказать намъ многое, что составляетъ не уединенный, исключительный интересъ кружка, но

интересъ общій, важный для всѣхъ и каждаго (Къ Д. В. Давыдову ч. II, стр. 56. Вульфъ ч. I, стр. 117)! Но этою ли одною сферою ограничивалась поэтическая дѣятельность Языкова? Конечно нѣтъ. Съ переселенія изъ Дерпта въ Москву, во время его странствій по цѣлебнымъ водамъ, въ годы тяжелыхъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религій. И эти патріотическія и религиозныя пѣснопѣнія ближе знакомятъ насъ со всею силой могучаго таланта Языкова, и невольно заставляютъ грустить о его ранней смерти. Какимъ могучимъ словомъ поэтъ дѣлился въ нихъ своими священными думами (Самсонъ, Землетрясеніе, Подражаніе псалмамъ и др.)! Къ сожалѣнію, количество стихотвореній въ этомъ родѣ слишкомъ незначительно; они составляютъ самую малую ихъ часть: оттого въ глазахъ цѣнителей много проигрываетъ поэтическая дѣятельность Языкова, по преимуществу сосредоточенная въ пьесахъ анакреонтическихъ и дружескихъ посланійхъ. Ограничиваясь такою неширокою областью, поэзія Языкова не представляетъ намъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своемъ содержаніи: это — ея существенный недостатокъ. За то, внѣшняя сторона ея — стихъ, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Языкова. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышатся всюду въ его твореніяхъ: это признаютъ за нимъ всѣ единогласно, даже порицатели его. Чтобы ни избралъ предметомъ своего стихотворенія — разгульную ли пирушку, картину ли природы, историческое событіе или священную былинну, — Языковъ вездѣ является

чуднымъ мастеромъ стиха и великимъ художникомъ слова. «И недаромъ,— заключимъ справедливыми словами Гоголя,— пришлось ему имя Языковъ. Владѣеть онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно и заключитъ такъ, что остановившійся пораженный.»

ИЗДАВІЯ СТИХОТВОРЕНІЙ ЯЗЫКОВА.

Собранія стихотвореній Языкова появлялись нѣсколько разъ, а именно:

I. Стихотворенія Н. Языкова. Спб. 1833. Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ. Стр. 308. IX. въ 12 д. Изящное это изданіе вмѣстало 116 піесъ.

II. ѿ Стихотвореній Н. М. Языкова. Москва. 1844 г. Въ типографіи А. Семенова при Императорской Медико-Хирургической Академіи. Стр. 94 и II. въ 18 д. Здѣсь помѣщены піесы избранныя изъ прежняго изданія съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ.

III. Новые Стихотворенія Н. Языкова. Москва. 1845 г. Въ Университетской типографіи. Стр. 332 и IV. въ 12 д. Тутъ напечатано 62 піесы, между которыми находятся IV отрывка «Жаръ-Птицы».

НАПИСАННОЕ (ЛИТЕРАТУРА) О Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

I. МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ 1833, № VI. МАРТЪ.

Стихотворения Н. Языкова. Спб. 1833.

Г-нъ Языковъ писалъ только въ лирическомъ родѣ. Воображеніе его, порывистое, яркое, живое, укладывается только въ лирическую форму. Мицкевичъ прекрасно сравниваетъ поэта съ волною моря, которая хлынувъ на берегъ, убѣгаетъ назадъ и оставляетъ послѣ себя перлы и драгоцѣнности, хранимыя въ таинственной глубинѣ моря. Можно сравнить и дѣятельность творческой силы съ дѣятельностью моря, которое наконецъ образуетъ цѣлыя гряды пѣз своихъ послылокъ землѣ. Мгновенные восторги лирическаго поэта также образуютъ наконецъ нѣчто цѣлое, полное своею разнообразною общностью, и даютъ тогда средство судить о свойствахъ стихии, породившей сіе явленіе. Такъ изъ отдѣльныхъ, мѣлкихъ стихотвореній г-на Языкова, составилось наконецъ цѣлое собраніе образовъ, чувствованій, картинъ. Можно и должно сказать о немъ свое мнѣніе. и болѣе другихъ намъ, которыхъ иногда упрекали не въ безпристрастіи къ г-ну Языкову. Настоящій разборъ покажетъ. справедливо ли это обвиненіе.

Лирическая поэзія дѣйствительно есть слѣдствіе вдохновеній мгновенныхъ, не столь продолжительныхъ, какъ вдохновенія поэзіи эпической или драматической. Эпикъ и драматикъ приходятъ въ восторгъ отъ идей, объемлющихъ собою цѣлое, такъ сказать событіе продолжительное, разнообразное, многостороннее, и вдохновеніе ихъ должно быть также долговременно, ибо выразить какую-нибудь огромную идею нельзя безъ нѣкотораго труда, безъ продолжительной дѣятельности, безъ преодоленія многихъ трудностей. Вдохновеніе поэта лирическаго, напротивъ, есть одинъ пламенный взглядъ, одна мысль, часто одинъ образъ, вставленные въ изящную оправу. Стихи и гармонія стиховъ для него необходимы, ибо въ лирической поэзіи музыка не отдѣлится отъ словъ. Первоначальное выраженіе ея въ пѣсни и самое названіе пѣвца всего приличнѣе тому поэту, у котораго самый родъ поэзіи получилъ свое названіе отъ лиры. Потому-то и всякое лирическое произведеніе непременно выливается въ стихахъ, въ звукахъ гармоническихъ, и бываетъ кратко, пѣвуче, какъ пѣснь. Не достанетъ никакой груди для пѣнія продолжительнаго: не достанетъ ни вдохновенія, ни предмета лирическаго для произведенія объемнаго, каковы поэма и драма.

Но одушевляясь восторгами краткими, увлекая и своихъ читателей только на мгновенія, поэтъ лирическій, разумѣется, истинный поэтъ, всегда бываетъ вѣренъ самому себѣ, то есть одушевляется въ одномъ направленіи, въ одной сферѣ, одинакимъ образомъ, ибо онъ всегда остается одинъ и тотъ же человекъ. Переменяются образы и предметы, переменяется и состояніе духа въ самомъ поэтѣ, но его душа, его воображеніе, его природа — неизмѣнны. Эта неизмѣнимость его есть вѣрный признакъ силы и дарованія, ибо она по-

казываетъ нестоимость воображенія и могущество души, всегда одинаково пріемлющихъ впечатлѣнія. Это — употребимъ слово не русское, непріятное для слуха, но здѣсь необходимое — индивидуальность поэта, ибо сего свойства не выражаетъ ни русская самобытность, ни варварски-выкованная особность. Индивидуальность есть собственная принадлежность поэта лирическаго, ибо драматикъ и эпикъ бываютъ скрыты въ своихъ произведеніяхъ, между тѣмъ какъ лирикъ всегда выражаетъ себя — и только себя. Онъ не думаетъ осуществлять идеи какойнибудь страсти, какогонибудь характера или событія; онъ сказываетъ намъ только свои впечатлѣнія, при взглядѣ на предметъ. Представляя какоенибудь лицо и заставляя говорить его, онъ всегда ставитъ себя на мѣсто его и высказываетъ намъ свои мысли.

Другое свойство, необходимое въ поэтѣ лирическомъ, есть современность, ибо кромѣ того что онъ человѣкъ, онъ еще сынъ какойнибудь земли и гражданинъ какогонибудь вѣка. Берегитесь тѣхъ лирическихъ поэтовъ, которые не знаютъ ни отечества, ни времени: это самозванцы. Человѣкъ не можетъ вдохновляться тѣмъ, чего онъ не видитъ и не понимаетъ, и потому восторги его при такихъ предметахъ всегда показываютъ поддѣльность дарованія. Человѣкъ, въ наше время трепещущій отъ восторга при имени Аполлона и девяти музъ, рѣшительно жметъ на себя, или говоритъ шутя. Русскій, желающій быть Грекомъ, Римляниномъ или Итальянцемъ въ лирической поэзіи — не поэтъ, ибо онъ идетъ вслѣдъ и подражаетъ поэтамъ чужеземныхъ народовъ, а подражатель не знаетъ вдохновенія. Это ремесленникъ, копирующій чужой рисунокъ, а не самъ созданный его. И наоборотъ, человѣкъ, не одушевляющійся

при взглядѣ на свою природу, на могилы и дѣянія своихъ предковъ, не волнуемый идеями своего времени, своей судьбы, своихъ согражданъ, есть существо слабое, себялюбивое, мѣлкое, ничтожное, ибо только собственную особу видитъ онъ во всей природѣ, во всемъ мірѣ, во всемъ отечествѣ своемъ. Не впечатлѣнія предметовъ на душу свою хочетъ онъ передать намъ, а только мѣлкія требованія своего самолюбія.

Если мы зададимъ себѣ вопросъ: какое чувство преимущественно выражаютъ стихотворенія г-на Языкова? то будемъ приведены въ большое затрудненіе. Если спросимъ себя также: какія идеи господствуютъ въ звучныхъ стихахъ г-на Языкова? отвѣтъ будетъ не менѣе затруднителенъ. Но все еще скорѣе можно отыскать индивидуальность у сего поэта (ибо она должна быть, болѣе или менѣе, у всякаго пишущаго), нежели открыть какія нибудь идеи во стѣ шестнадцати напечатанныхъ его стихотворенійхъ. Господствующее чувство у него—какая-то живость, разгульность; но воображеніе его не поражается глубоко ничѣмъ и довольствуется впечатлѣніями легонькими, поверхностными. При этомъ стихъ г-на Языкова закаленъ громомъ и огнемъ Русскаго языка. Немногіе изъ стихотворцевъ Русскихъ умѣли такъ счастливо пользоваться богатствомъ выраженій и неожиданностью оборотовъ нашего могучаго языка! Замѣтимъ, что это достоинство важно въ стихотворцѣ, а не въ поэтѣ. Конечно, поэтъ, и особенно лирическій, долженъ быть равно превосходенъ и въ наружной отдѣлкѣ, и во внутреннемъ смыслѣ своихъ произведеній; но это же самое показываетъ, что одно изъ сихъ свойствъ, безъ другаго, есть уже несовершенство. Безъ господствующаго чувства, безъ индивидуальности нѣтъ лирическаго поэта, ибо отсутствіе ин-

дидивуальности показываетъ слабость воображенія, которое у поэта должно глубоко и пламенно отражать то, что незамѣтно скользитъ по душевнымъ фибрамъ людей обыкновенныхъ. Предметы существуютъ для всѣхъ равно, но различно отражаются въ душахъ. Въ этомъ отношеніи поэтъ подобенъ зеркалу, которое ясно и вѣрно показываетъ все, что приходитъ въ оптическую точку его. Но поверхность тусклая, или слабо отполированная, представляетъ намъ всѣ предметы невѣрно и неясно: таково свойство и людей обыкновенныхъ. Напротивъ, тѣсняя въ душу поэта, всѣ впечатлѣнія становятся ясны и разительны, ибо поэтъ, такъ сказать, сосредоточиваетъ въ одинъ фокусъ разбѣгающіеся лучи и передаетъ ихъ въ семъ новомъ, преображенномъ видѣ толпѣ, жадной и готовой принимать все, чего не можетъ она создать собственными силами. Но этого-то свойства нѣтъ въ г-нѣ Языковѣ. Всѣ впечатлѣнія скользятъ по душѣ его. У него нѣтъ той индивидуальности, которая пламенѣетъ яркимъ огнемъ и отражается миллионами радужныхъ переливовъ въ стихотвореніяхъ Державина, всегда сильныхъ, разительныхъ и остающихся въ душѣ; у него нѣтъ глубины впечатлѣній Пушкина, передаваемыхъ въ образахъ ясныхъ и свѣтлыхъ, но отбѣненныхъ какою-то поэтическою грустью; нѣтъ веселости, нѣтъ самозабвенія Батюшкова, прославляющаго вино и забавы не потому что они туманятъ голову, но потому что онъ узналъ непрочность и невѣрность всего поддуннаго, узналъ какъ поэтъ, и доказываетъ намъ это каждымъ своимъ стихотвореніемъ; у него нѣтъ и стремленія въ лучшей міръ, столь плѣнительнаго въ грустныхъ и веселыхъ вдохновеніяхъ Жуковского. Однимъ словомъ, у г-на Языкова нѣтъ впечатлѣній, которыя показали бы намъ его душу, нѣтъ

индивидуальности поэтической. Онъ говоритъ, какъ толпа современной молодежи, только сопровождаетъ слова вой звуками гармонической лиры.

Искать ли у него идей и вдохновеній народныхъ, русскихъ, или современныхъ, всемірныхъ? Трудъ будетъ напрасенъ. Г-нъ Языковъ не подражаетъ никому: въ этомъ должно отдать ему справедливость; но за то онъ глядитъ и на всѣ предметы равнодушно. Никакое событіе, никакое явленіе, никакое чудо природы не поражаетъ его. Онъ холоденъ ко всему, кромѣ немногихъ, можно сказать домашнихъ своихъ отношеній. Главный предметъ пѣснопѣній его — студенческая жизнь въ Дерптѣ. Она заставила его написать довольно посланій къ товарищамъ, къ друзьямъ, довольно описаній празднествъ и подвиговъ студенческихъ. Любовь — чувство непонятное для г-на Языкова. Онъ прославляетъ розовыя ланиты, пурпурныя уста, утѣхи любви; но любовь истинная, любовь Мицкевичей, Петраркъ, Шиллеровъ, неизвѣстна ему. Еще важный отдѣлъ занимаетъ у г-на Языкова воспоминаніе о знакомствѣ съ Пушкинымъ. Когда-то случилось Дерптскому поэту съѣздить въ Тригорское и погостить тамъ у Пушкина. Сколько вдохновенія доставили ему проведенные тамъ часы! Старая няня, завтраки, пуншъ новаго изобрѣтенія, шаткіе столпки и бревенчатые мостики, словомъ, всѣ достопамятности Тригорскаго воспѣты г-мъ Языковымъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Кажется, это самое живое впечатлѣніе жизни его, передъ которымъ уничтожается даже Дерптская жизнь, хотя о ней писалъ онъ гораздо больше.

Что еще найдемъ мы у г-на Языкова? Нѣсколько альбомныхъ стихотвореній, очень мпыхъ; нѣсколько поэтическихъ воспоминаній о старой Руси; нѣсколько

посланій, задумчивыхъ, прелестныхъ. Намъ кажется даже, что г. Языковъ не рожденъ быть поэтомъ веселія, хотя особенно ему жертвовалъ онъ на алтарѣ музъ. Миѣніе сіе не покажется страннымъ, если сообразимъ, что лучшія стихотворенія его, какъ-то: «Ливонія,» «Повець,» «Воспоминаніе объ А. А. Воейковой, и нѣкоторыя Элегіи, принадлежатъ не къ тѣмъ, въ которыхъ поэтъ старался выразить буйство разгула, и которыя часто приторны и несносны. Даруй Богъ, чтобы лѣта охладили прививные восторги поэта, и обратили его на истинный путь дарованія — на неподдѣльность мыслей и чувствъ.

Впрочемъ, всегдашнимъ, лучшимъ перломъ стихотвореній г-на Языкова останется выраженіе оныхъ. Въ этомъ онъ часто бываетъ прекрасенъ и плѣнителенъ. Вотъ изображеніе вечера:

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ,
Звѣздами убранный, лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
И трелилъ, и вздыхалъ, и целкалъ соловей. [ч. I. с. 81.]

Какая роскошь и вѣрность въ этой картинѣ! Для противоположности, представимъ очеркъ совсѣмъ другаго рода:

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
То люди выходятъ изъ кievскихъ вратъ:
Князь Игорьъ, его воеводы,
Дружина, свои и чужіе народы
На берегъ днѣпровскій, въ долину спѣшатъ;
Могильнымъ общественнымъ пиромъ
Отправитъ Олегу почетный обрядъ,
Великому *браню* и миромъ. [тамъ же.]

Эти стихи, мужеством своим напоминают *Олега Пушкинского*. Но всего лучше у г-на Языкова пылкие, удалые стихи его. Приведемъ въ примѣръ маленькое посланіе къ *А. Н. Вульффу*. (Здѣсь рецензентомъ оно выписано вполнѣ, но мы ограничимся только указаніемъ страницы: см. ч. I, стр. 64.)

Мы высоко уважаемъ дарованіе г-на Языкова, и отдаемъ справедливость всѣмъ свѣтлымъ сторонамъ его поэзіи, можетъ быть болѣе нежели самые ревностные его хвалители. Но это самое уваженіе заставило насъ сказать откровенно все, что думаемъ мы о стихотвореніяхъ его, изданныхъ нынѣ въ книгѣ. Пояснивъ самый родъ поэзіи, которымъ исключительно занимается онъ, указавъ на особенныя свойства лирической поэзіи, и представивъ требованія искусства, мы искали въ его стихотвореніяхъ красоту, замѣчая въ то же время и недостатки. Что нашли мы? Односторонность и какуюто холодность чувства; мало индивидуальности поэтической, но за то самобытность, или лучше сказать незамысленность картинъ; мы не нашли въ немъ никакихъ глубокихъ, многообъемлющихъ идей, но замѣтили языкъ и выраженіе истинно-поэтическіе. Достоинства г-на Языкова можно выразить тремя словами: онъ поэтъ выраженія. Не у многихъ есть и это.

Кс. Полевой.

II. DORPATER JAHRBÜCHER FÜR LITERATUR, STATISTIK UND KUNST, besonders Russland's, herausgegeben von Profess. Dr. *Blum*, Dr. *Bunge*, Dr. *Goebel*, Dr. *Neue*, Dr. *Struve*, v. d. *Borg*, Dr. *Fridlaender*, Dr. *Kruse*, Dr. *Rathke*, Dr. *Walter*. 1833. 1 ч. стр. 509 — 514.

Russische schöne Literatur.

Стихотворенія Н. Языкова, d. i. Gedichte von N. Jasykow. St. Petersburg 1833. Mit dem Motto von Goethe.

Wer das Dichten will verstehen,
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.

Wenn wir, bei den neuesten poetischen Produkten mancher Nationen, nur zu oft veranlasst werden, mit schmerzlichem Gefühle von der Gegenwart zu einer schöneren Vergangenheit zurückzuschauen: so gewährt es dagegen eine besondere Erquickung, bei einer in frischer Jugend aufkeimenden Litteratur zu verweilen, welche ihre Blüthenzeit erst erwartet, diese jedoch bereits ahnden lässt. Es ergreift uns da ein ähnliches Gefühl, wie im Frühlinge, wo die Hoffnung uns die Schönheiten der Zukunft im verklärten Lichte vorführt, — während auch die schönsten Tage des Herbstes unser Herz mit einer — wenn auch süßen — Wehmuth erfüllen. Noch mehr muss dies aber der Fall sein, wenn der einer jugendlichen Litteratur angehörende Dichter zugleich selbst ein jugendlicher ist: dann tritt uns aus seinen Werken ein doppelter Frühling entgegen, welcher die erheiternde Wirkung auf unser Gemüth nicht verfehlen kann.

Referent gesteht, dass ihn ein solcher Frühlingsduft erfreuend aus den vorliegenden Gedichten angeweht hat, welche für diese Jahrbücher noch ein besonderes Interesse dadurch erhalten, dass der jugendliche Verf. derselben einige Jahre der Dorpater Universität angehörte, und ihr seine höhere Bildung verdankt. Auch sind diese Gedichte grösstentheils während seines Aufenthalts in Dorpat entstanden, oder enthalten Erinnerungen an diesen Aufenthalt. Sie gehören fast durchaus zur lyrischen Gattung, und zwar ist die Mehrzahl derselben, — wie ja auch fast alle Volkslieder der nordischen Völker, besonders der Slavischen — im elegischen Tone gehalten. Aber auch gesellige

und erotische Lieder sind nicht ausgeschlossen, und einige derselben vorzüglich gelungen. Ueberhaupt sind Vaterland, Liebe, Freundschaft und das Beisammenleben fröhlicher Jugend die Gegenstände, bei denen unser Dichter am liebsten verweilt, und die er am häufigsten zum Stoff seiner poetischen Ergüsse wählt. Fast alle seine Gedichte sprechen durch eine gewisse Frische und Naivität der Empfindung an, und Ref. wüsste in der That keines derselben, das schlechthin verfehlt zu nennen wäre. Ein besonderer Reiz liegt in seiner Sprache, die sich durch Neuheit, ja Keckheit des Ausdrucks, so wie seine Versification durch seltenen Wohlklang, auszeichnet. Fügen wir nun noch hinzu, dass sich in diesen wohlklingenden Versen überall ein edler Sinn und ein für alles Schöne und Grosse begeistertes Gemüth aussprechen: so werden wir genug gesagt haben, um diese Poesien allen denen zu empfehlen, die dem Fortschreiten der Russischen Litteratur theilnehmend folgen.

Es bleibt nun noch übrig, aus den einzelnen Gedichten, welche diese Sammlung enthält, diejenigen herauszuheben, welche uns vorzüglich angezogen haben, und sodann, zum Beleg unseres Urtheils, ein Paar Proben nebst Deutschen Nachbildungen mitzutheilen, bei denen wir jedoch im Voraus um Nachsicht bitten müssen, da es uns wohl schwerlich gelungen sein dürfte, den Originalen, namentlich in Beziehung auf Wohlklang, auch nur nahe zu kommen.

Am gelungensten scheinen uns, wie wir schon oben angedeutet, die elegischen Gedichte, namentlich die Elegien Th. I. S. 32, 34, 43*; Мое уединение (meine Einsamkeit), S. 7; Чужбина (die Fremde), S. 13; Отъѣздъ (die Abreise), S. 126; ferner die Balladen: Олегъ (Oleg), S. 81;

* Въ статьѣ Борга указанія на страницы поставлены нами не по изданію 1833 г., но по новому: чѣмъ принято за правило и въ другихъ статьяхъ.

Кудесникъ (der Zauberer), S. 98; und endlich das Abschiedslied S. 140. Doch gestehen wir gern, dass hierbei viel von subjectiver Auffassung und Empfindung abhängt, und wollen daher dem Urtheil Anderer über den relativen Werth irgend eines einzelnen Gedichtes hiermit keinesweges vorgegriffen haben.

Als Probe möge hier zuvörderst das vorerwähnte elegische Gedicht (S. 13) stehen, welches während des Aufenthalts unseres Dichters in Dorpat entstanden ist, und in welchem eine wehmüthige Erinnerung an die Heimath vorherrscht.

DIE FREUDE.

Wo die Wolga schimmernd waltet
 Stolz an grünen Fluren hin,
 Längs den Ufern widerhallet
 Froher Schiffer Melodie'n;
 Gleich dem Nil, dem Segenspender,
 Reichthum den Gefilden theilt,
 Dort sind meiner Heimath Länder,
 Dorten meine Liebe weilt!

Längst bin ich von dir entwichen,
 Unvergessliches Gebiet!
 Unter fremden Himmelsstrichen,
 Meiner Jugend Lenz verblüht.
 Aber nicht im Sturm der Zeiten,
 In des Lebens Lärm und Drang —
 Nie entrauscht des Dichters Saiten
 Ein der Heimath fremder Klang.

Du bist diesem Ort gewogen,
 Freiheitsfreundinn, Muse, Du!
 Legen rings Gestad' und Wogen
 Unter Nebeln sich zur Ruh';
 Geht, ein Schild vor Kampfes Toben,
 Auf der goldne Mond so klar:

Mild begeistert dann von oben,
Eine leichtbeschwingte Schaar,

In äther'scher Ruhe, steigen
Aus der Zauberei Revier
Träume nieder, und sie neigen
Trost verkündend sich zu mir:
Und vor meinem Blick belebt sich
Alter Tage Glanz und Lust;
Heller wird das Aug', es hebt sich
Süss ersuczend meine Brust!

Das bist du, o Heimath-Erde,
Wo das junge Leben mir
Frühlingsblüthen einst bescheerte!
Schöne Fluren, — das seid ihr!
Wo mir jedes Tages Schimmer,
Wie ein lust'ger Traum entschwand,
Wo ein jeder Tag mich immer
Glücklich liess und glücklich fand!

Hügel, Wälder, Fluren, Schlüfte,
Und ihr üpp'gen Uferhö'n,
Und ihr alten Hügelgrüfte,
Kühner Ahnen Mausoleen, —
Die, verschont vom Sturm der Zeiten,
Ihr als Siegeszeichen steht:
Euch, mit unverstellten Saiten,
Euch begrüset der Poet!

In der Fremd' eu'r Sänger waltet,
Einsam in der Jugend Drang,
Lange, lange nicht erschallet
Ihm der Wolgafischer Sang.
Lange schweift er hin und wieder
Durch das ferne Land voll Harm:
Lange währt es, eh' er Lieder
Singt der Freunde frohem Schwarm.

Die du Göttergluth entzündest
 In den Herzen immerdar,
 Schmückend Blütenkränze windest
 In des jungen Sängers Haar,
 Komm', o Muse du der Leier,
 Freiheitfreundin, Lebens Glück!
 Rufe mir in Traumes Schleier
 Die verlor'ne Zeit zurück!

Schön, o Muse der Gesänge,
 Bist du, und so theuer mir;
 Von der Leidenschaft Gedränge
 Und der Welth flieh' ich zu dir.
 Stolz auf deinem Antheil blick' ich;
 Du bist's, die mein Leben schönst;
 Und, bin früh' versäumt vom Glück ich,
 Klag' ich nicht: mein Lied ertönt!

Zum Schluss ein Liedchen (S. 135), seiner Kürze
 der Popularität wegen, die es bereits erlangt hat:

L I E D.

Die Flammen der Liebe, sie heben
 Die Brust mir, an Wonne so reich:
 Marie, die Holde, soll leben, —
 Ihr Füßchen, ihr Händchen zugleich!
 Wie Morgens hellrosiges Prangen,
 Wie schimmernder Schnee auf den Au'n,
 Sind ihre jungfräulichen Wangen,
 Der Sammet des Busens zu schau'n.
 Wie nächtlicher Sterne Gefimмер,
 Wie lockender Nachtigallsang —
 Der Augen entzückender Schimmer,
 Der Stimme bezaubernder Klang.
 Beglückt, wer im Traum sie umschlossen,
 Und träumend sein Mädchen sie nennt;
 Beglückter, als Edens Genossen,
 Ist der ihr gefällt, der Student!

C. v. d. Borg.

III. ТЕЛЕСКОПЪ, ИЗД. Н. И. НАДЕЖДИНЫМЪ. 1834 № 3, 4.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ Г. ЯЗЫКОВА *.

Тому два года, французскій журналъ Преній торжественно объявилъ Европѣ, что въ Россіи скончался одинъ изъ первокласныхъ ея поэтовъ г. *Державинъ*. — Въ концѣ прошедшаго года издано во Франціи Собраніе русскихъ повѣстей, выбранныхъ изъ *Булгарина, Карамзина и другихъ* (Le Conteur Russe, par Bulgarine, Karamsin et autres....)

Скажите, что страннѣе: говорить о русской литературѣ, не зная Державина, или ставить вмѣстѣ имена Булгарина, Карамзина и *другихъ*? Который изъ двухъ примѣровъ доказываетъ бѣльшее незнаніе нашей словесности?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно имѣть особенно тонкую проницательность, которою я не смѣю гордиться, и потому предоставляю это дѣло моимъ читателямъ. Но во всякомъ случаѣ кажется мнѣ несомнѣннымъ одно, что Русская литература извѣстна во Франціи почти столькожъ, сколько Персидская или Татарская.

И мысль, что ни одна тѣнь нашей мысли, ни одинъ звукъ нашего голоса не дойдутъ до народовъ образованныхъ, — это тяжелая мысль; и кромѣ грусти, она

* Изд. получилъ сію статью при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Если вы найдете статью мою достойною помѣщенія въ вашемъ журналѣ, то прошу васъ напечатать ее безъ примѣчаній; это будетъ вамъ тѣмъ легче, что говоря о литературѣ прошедшаго года, вы, вѣроятно, скоро должны будете изложить свое мнѣніе о Языковѣ и, слѣдовательно, читатели ваши не приишутъ вамъ тѣхъ мыслей изъ моей статьи, съ которыми, можетъ быть, вы не согласны.

Имѣю честь и пр.

У — з.

должна имѣть еще другое вредное вліяніе на нашихъ писателей. Литераторъ нашъ невольно стѣсняетъ кругъ своей умственной дѣятельности, думая о своихъ читателяхъ, между тѣмъ какъ писатель французскій, при мысли о печатаніи, расширяетъ свои понятія; ибо при каждомъ счастливомъ движеніи ума, при каждомъ чувствѣ поэтически самобытномъ, при каждомъ словѣ удачно сказанномъ — является ему надежда, вдохновительная надежда на сочувствіе со всѣмъ, что въ мірѣ есть просвѣщеннаго и славнаго.

Вотъ почему каждое покушеніе познакомить образованныхъ иностранцевъ съ нашею словесностью должно встрѣчать въ насъ отзывъ благодарности и возможно вѣрную оцѣнку.

Но между всѣми переводчиками съ Русскаго языка три особенно замѣчательны удачею своихъ переводовъ: *Бауринъ*, который одинъ изъ трехъ былъ оцѣненъ и можетъ быть даже перецѣненъ иностранными и русскими критиками; *Карлъ фонъ деръ Боргъ*, котораго переводы имѣютъ безъ сравненія большее достоинство, но который не смотря на то извѣстенъ весьма немногимъ и еще ни въ одномъ журналѣ не нашелъ себѣ справедливаго суда; и наконецъ *Каролина фонъ Янишъ*, которой замѣчательная книга явилась на послѣдней Лейпцигской ярмаркѣ и обнаруживаетъ, кажется, талантъ еще превосходнѣйшій*.

Но, какъ ни утѣшительно это начало дружескаго сближенія нашей словесности съ литературою Нѣмецкою, признаюсь, однако, что мнѣ было больше досадно, чѣмъ пріятно видѣть, какъ одного изъ первокласныхъ

* Das Nordlicht, Proben der neueren russischen Literatur, von *Caroline von Janisch*.

поэтовъ нашихъ лучше всѣхъ русскихъ понялъ и оцѣнилъ — писатель нѣмецкій!

Г. фонъ деръ Боргъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Дерптскихъ Лѣтописей * въ нѣсколькихъ строчкахъ сказалъ больше справедливаго о сочиненіяхъ Языкова, нежели сколько было сказано о нихъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ и не періодическихъ изданіяхъ. Впрочемъ и то правда, что до сихъ поръ у насъ еще не говорили объ Языковѣ, а только вскрикивали. Одинъ Телеграфъ высказалъ свое мнѣніе, и тотъ, судя о Языковѣ, не былъ, кажется, свободенъ отъ такихъ предубѣжденій, съ которыми истина не всегда уживается.

При началѣ статьи своей г. фонъ деръ Боргъ жалуется на тяжелое чувство, которое возбуждаютъ въ немъ новѣйшія поэтическія произведенія Европы и при этомъ случаѣ говоритъ о томъ утѣшеніи, которое доставляетъ ему созерцаніе *Литературы свѣжей, юношеской, которая еще не достигла времени своего полного процвѣтанія, но уже даетъ его предчувствовать.*

Кто не раздѣлитъ съ г. Боргомъ того ощущенія, которое возбуждаетъ въ немъ современная поэзія Европы? но что касается до особеннаго утѣшенія, которое доставляетъ ему литература русская, то въ этомъ случаѣ — почему намъ не повѣрить г. Боргу на слово? можетъ-быть со стороны такъ и должно казаться.

«Это утѣшительное чувство, продолжаетъ г. Боргъ, «похоже на то, которое возбуждаетъ въ насъ весна, «когда надежда еще рисуетъ намъ будущее въ лучшемъ свѣтѣ, — между тѣмъ какъ самые прекрасные дни осени внушаютъ невольную грусть... Когда же «поэтъ, принадлежащій юношеской литературѣ, самъ

* Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst. См. в. изд. стр. xxi — xxviii.

«еще находится въ порѣ юности и надежды, тогда изъ
«созданій его навѣваетъ намъ двойною весною, такъ,
«что ея дѣйствіе на душу становится уже неотразимымъ.

«Такое дыханіе весны встрѣтилъ я въ сочиненіяхъ
«Языкова, которыя для Дерптскихъ Лѣтописей имѣютъ
«еще тотъ особенный интересъ, что молодой поэтъ
«нѣсколько лѣтъ принадлежалъ Дерптскому Универси-
«тету и ему обязанъ своимъ высшимъ образованіемъ.
«Къ тому же и стихотворенія его написаны бѣльшею
«частію во время его жизни въ Дерптѣ, или наполнены
«воспоминаньями объ этой жизни. Онѣ принадлежатъ
«почти исключительно лирическому роду и бѣльшею
«частію сложены въ тонѣ элегическомъ.... Впрочемъ
«и застольныя и эротическія пѣсни не исключены изъ
«собранія, и многія изъ нихъ особенно счастливы. Оте-
«чество, любовь, дружба и братское житіе веселыхъ
«юношей-товарищей — вотъ любимые предметы поэта.
«Вообще стихи его плѣняютъ какою-то свѣжестью и
«простодушіемъ, и врядъ ли есть одно стихотвореніе,
«которое бы можно было назвать неудавшимся. Но осо-
«бенная прелесть заключена въ его языкѣ, отличаю-
«щемся силою, новостью и часто дерзостью выраженій,
«между тѣмъ какъ стихъ его исполненъ самой рѣдкой
«благозвучности. Если же мы прибавимъ къ сказанному
«еще то, что въ этихъ гармоническихъ стихахъ выра-
«жается чувство всегда благородное, душа вся проник-
«нутая любовью къ прекрасному и великому, то конеч-
«но возбудимъ любопытство всѣхъ, принимающихъ уча-
«стіе въ уснѣхахъ Русской Словесности*.

* Въ подтвержденіе своихъ словъ г. ф. д. Боргъ приводитъ
нѣсколько (??) стихотвореній Языкова вмѣстѣ съ своимъ перево-
домъ Переписываемъ одно изъ нихъ Die Fremde — Чужбина

Таково мнѣніе г. Борга. Оно показалось намъ особенно замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ рецензентовъ Языкова до сихъ поръ, одинъ онъ достигнулъ поэтическую и нравственную сторону тѣхъ изъ стихотвореній поэта, которыя у насъ навлекли ему столько странныхъ упрековъ.

Слыша безпрестанные упреки Языкову, я всегда вспоминаю одного русскаго барина, который ѣздилъ отдавать своего сына въ какой-то нѣмецкій университетъ; но встрѣтивъ на улицѣ студента безъ галстука и съ длинными волосами, тотчасъ же понялъ изъ этого всю безнравственность нѣмецкихъ университетовъ и возвратился домой воспитывать своего сына въ Саратовѣ.

Вообще многіе изъ насъ еще сохранили несчастную старообрядческую привычку: судить о нравственности болѣе по наружному благочинію, чѣмъ по внутреннему достоинству поступка и мысли. Мы часто считаемъ людьми нравственными тѣхъ, которые не нарушаютъ приличій, хотя бы впрочемъ жизнь ихъ была самая ничтожная, хотя бы душа ихъ была лишена всякаго стремленія къ добру и красотѣ. Если вамъ случалось встрѣчать человѣка согрѣтаго чувствами возвышенными, но одареннаго при томъ сильными страстями, то вспомните и сочтите: сколько нашлось людей, которые поняли въ немъ красоту души, и сколько такихъ, которые замѣтили одни заблужденія.

(которое мы здѣсь опускаемъ, какъ уже напечатанное выше въ ст. Борга стр. xxxiv), чтобы тѣ изъ нашихъ читателей, которые не знаютъ переводовъ г-на Борга, могли судить о его талантѣ въ самомъ трудномъ испытаніи, которое когда либо предстояло переводчику; ибо изъ всѣхъ новѣйшихъ поэтовъ, Языковъ можетъ быть самый непереводимый. Примѣч. автора статьи.

Странно, но правда, что для хорошей репутаціи у насъ лучше совсѣмъ не дѣйствовать, чѣмъ иногда ошибаться, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ, скажите: есть ли на свѣтѣ что-нибудь безнравственнѣе равнодушія?

Конечно, я повторяю здѣсь мысли старыя, всѣмъ извѣстныя; но почему не повторять иногда старой истины? Есть мысли, которыя всякой знаетъ, но только въ теоріи; чтобы понимать ихъ въ ежедневномъ примѣненіи, для этого, кромѣ *просвѣщенія умственнаго*, нужна еще *просвѣщенная жизнь*, устроенная посреди просвѣщеннаго общества, гдѣ мысли, изъ отвлеченнаго умозаключенія обратились въ непримѣтную привычку: до тѣхъ поръ истина еще не пошлость.

Вотъ почему нѣмецкій ученый, отличающійся самою щекотливою чопорностью, скорѣе пойметъ нравственность стиховъ Языкова, чѣмъ многіе изъ самыхъ снисходительныхъ его русскихъ читателей.

А между тѣмъ, если мы безпристрастно вникнемъ въ его поэзію, то не только найдемъ ее не безнравственною, но врядъ ли даже насчитаемъ у насъ многихъ поэтовъ, которые могли бы похвалиться бѣльшею чистотою и возвышенностью. Правда: онъ воспѣваетъ вино и безыменныхъ красавицъ, но упрекать ли его за то, что тѣ предметы, которые дѣйствуютъ на другихъ нестройно, внушаютъ ему гимны поэтическіе? — Правда: пьянство есть вещь унизительная и гадкая; но если найдется человѣкъ, на котораго вино дѣйствуетъ иначе, то вмѣсто безнравственности, не будетъ ли это напротивъ доказательствомъ особенной чистоты и гармоніи его души? — Положимъ, что на васъ производятъ дѣйствіе чистое и поэтическое только весна, цвѣты и музыка, а все другое, что возбуждаетъ ваши

нервы, внушаетъ вамъ мысли нечистыя, — въ этомъ случаѣ вы хорошо дѣлаете, воздерживаясь отъ всего возбуждательнаго. Однако это не должно мѣшать вамъ быть справедливыми къ другимъ. И виноватъ ли Языковъ, что тѣ предметы, которые на душѣ другихъ оставляютъ слѣды грязи, на его душѣ оставляютъ перлы поэзіи, перлы драгоцѣнные, огнистыя, круглыя?

Изберите самыя предосудительныя по вашему мнѣнію изъ напечатанныхъ стихотвореній Языкова (ибо о ненапечатанныхъ, какъ о непризнанныхъ, мы не имѣемъ права судить) и скажите откровенно: производятъ ли они на васъ вліяніе нечистое?

Когда Анакреонъ воспѣваетъ вино и красавицъ, я вижу въ немъ веселаго сластолюбца; когда Державинъ славить сладострастіе, я вижу въ немъ минуту нравственной слабости: но, признаюсь, въ Языковѣ я не вижу ни слабости, ни собственно сластолюбія; ибо гдѣ у другихъ минута безсилія, тамъ у него избытокъ силъ; гдѣ у другихъ простое влеченіе, тамъ у Языкова восторгъ, а гдѣ истинный восторгъ, и музыка, и вдохновеніе — тамъ пусть другіе ищутъ низкаго и грязнаго; для меня восторгъ и грязь кажется такимъ же противорѣчіемъ, какимъ огонь и холодъ, красота и безобразіе, поэзія и вялый эгоизмъ.

Впрочемъ судить такимъ образомъ о сочиненіяхъ Языкова могли бы мы только въ такомъ случаѣ, когда бы изо всѣхъ стихотвореній его мы знали одни застольныя и эротическія. Но если при всемъ сказанномъ мы сообразимъ еще то, что можетъ-быть нѣтъ поэта, глубже и сильнѣе проникнутаго любовью къ отечеству, къ славѣ и поэзіи; что можетъ-быть нѣтъ художника, который бы ощущалъ болѣе святое благоговѣніе передъ красотою и вдохновеніемъ, то тогда всѣ упреки

въ безнравственности покажутся намъ странными до комическаго, и намъ даже трудно будетъ отвѣчать на нихъ, ибо мудрено будетъ понять ихъ возможность.

Но довольно. Уже слишкомъ много останавливались мы на предметѣ и безъ того слишкомъ ясно. Есть предубѣжденія, которыя не признають и очевидности; есть близорукость, которой не поможетъ никакой телескопъ. Мы пишемъ для людей зрячихъ и безпристрастныхъ.

Стихотворенія Языкова внушаютъ намъ другой вопросъ, болѣе дѣльный и болѣе любопытный, и въ этомъ случаѣ особенно желалъ бы я найти сочувствіе моихъ читателей.

Благословенны тѣ мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ еиміамомъ вдохновенья
Священнодѣйствуетъ поэтъ.

Дѣло критики при разборѣ стихотворцевъ заключается обыкновенно въ томъ, чтобы опредѣлить степень и особенность ихъ таланта, оцѣнить ихъ вкусъ и направленіе и показать, сколько можно, красоты и недостатки ихъ произведеній. Дѣло трудное, иногда любопытное, часто бесполезное и, почти всегда, неудовлетворительное, хотя и основано на законахъ положительныхъ.

Но когда является поэтъ оригинальный, открывающій новую область въ мірѣ прекраснаго, и прибавляющій такимъ образомъ новый элементъ къ поэтической жизни своего народа, — тогда обязанность критики измѣняется. Вопросъ о достоинствѣ художественномъ становится уже вопросомъ второстепеннымъ; даже вопросъ о талантѣ является неглавнымъ; но мысль, одушевляв-

шая поэта, получаетъ интересъ самобытный, философическій; и лице его становится идеею, и его созданія становятся прозрачными, такъ что мы не столько смотримъ *на нихъ*, сколько *сквозь нихъ*, какъ сквозь открытое окно стараемся разсмотрѣть самую внутренность новаго храма и въ немъ божество, его освящающее.

Отъ того, входя въ мастерскую живописца обыкновеннаго, мы можемъ удивляться его искусству; но предъ картиною художника творческаго забываемъ искусство, стараясь понять мысль, въ ней выраженную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль, и прожить въ воображеніи то состояніе души, при которомъ она исполнена. — Впрочемъ и это послѣднее сочувствіе съ художникомъ свойственно однимъ художникамъ же; но вообще люди сочувствуютъ съ нимъ только въ томъ, что въ немъ чисто человѣческаго: съ его любовью, съ его тоской, съ его восторгами, съ его мечтою-утѣшительницею. однимъ словомъ, съ тѣмъ, что происходитъ внутри его сердца, не заботясь о событіяхъ его мастерской.

Такимъ образомъ на нѣкоторой степени совершенства искусство само себя уничтожаетъ, обращаясь въ мысль, превращаясь въ душу.

Но эта душа изящныхъ созданій, — душа нѣжная, музыкальная, которая трепещетъ въ звукахъ и дышитъ въ краскахъ, — неуловима для разума. Понять ее можетъ только другая душа, ею проникнутая. Вотъ почему критика произведеній образцовыхъ должна быть не столько судомъ, сколько простымъ свидѣтельствомъ: ибо зависить отъ личности, и потому можетъ быть произвольною, и основана на сочувствіи, и потому должна быть пристрастною.

Что же дѣлать критикамъ систематическимъ, которые хотятъ доказывать красоту и заставляютъ васъ

наслаждаться по правиламъ, указывая на то, что хорошо, и на то, что дурно? — Имъ въ утѣшеніе остаются произведенія обыкновенныя, для которыхъ есть законы положительные, ясныя, неподлежащіе произвольному толкованію, — и надобно признаться, что это утѣшеніе огромное; ибо въ литературѣ каждаго народа встрѣчаете вы немногихъ поэтовъ-двигателей, тогда какъ всѣ другіе только слѣдуютъ данному ими направленію, подлежа критикѣ однимъ искусствомъ исполненія, но не душою созданія.

Нѣсколько свѣтильниковъ, окруженныхъ тысячею разбитыхъ зеркальныхъ кусковъ, гдѣ тысячу разъ повторяется одно и то же, — вотъ образъ литературы самыхъ просвѣщенныхъ народовъ. Сколько же пріятныхъ занятій для того, кто захочетъ исчислять всѣ углы отраженій свѣта на этихъ зеркальныхъ обломкахъ!

Но если вообще то, что мы называемъ *душою искусства*, не можетъ быть доказано посредствомъ математическихъ доводовъ, но должно быть прямо понято сердцемъ, либо просто принято на вѣру, — то еще менѣе можно требовать доказательствъ строго-математическихъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о поэтѣ молодомъ, котораго произведенія хотя и носятъ на себѣ признаки поэзіи оригинальной, но далеко еще не представляютъ ея полнаго развитія.

Вотъ почему, стараясь разрѣшить вопросъ о томъ: что составляетъ характеръ поэзіи Языкова, мнѣ особенно необходимо сочувствіе моихъ читателей; ибо оно одно можетъ служить оправданіемъ для мыслей, основанныхъ единственно на внушеніяхъ сердца и частію даже на его догадкахъ.

Мнѣ кажется, — и я повторяю, что мое мнѣніе происходитъ изъ одного индивидуальнаго впечатлѣнія, —

нѣ кажется, что средоточіемъ поэзіи Языкова служитъ то чувство, которое я не умѣю опредѣлить иначе, какъ назвавъ его *стремленіемъ къ душевному простору*.— Это стремленіе замѣтно почти во всѣхъ мечтахъ поэта. отражается почти на всѣхъ его чувствахъ, и можетъ быть даже, что изъ него могутъ быть выведены всѣ особенности и пристрастія его поэтическихъ вдохновеній.

Если мы вникнемъ въ то впечатлѣніе, которое производитъ на насъ его поэзія, то увидимъ, что она дѣйствуетъ на душу какъ вино, имъ воспѣваемое, какъ какое-то волшебное вино, отъ котораго жизнь двоится въ глазахъ нашихъ: одна жизнь является намъ тѣсною, мелкою, вседневною; другая праздничною, поэтическою, просторною. Первая угнетаетъ душу; вторая освобождаетъ ее, возвышаетъ и наполняетъ восторгомъ. И между сими двумя существованіями лежитъ явная, бездонная пропасть; но черезъ эту пропасть судьба бросила нѣсколько живыхъ мостовъ, по которымъ душа переходитъ изъ одной жизни въ другую: это любовь, это слава, дружба, вино, мысль объ отечествѣ, мысль о поэзіи, и наконецъ тѣ минуты безотчетнаго, разгульнаго веселья, когда собственные звуки сердца заглушаютъ ему голосъ окружающаго міра, — звуки, которыми сердце обязано собственной молодости болѣе, чѣмъ случайному предмету, ихъ возбудившему.

Но не одна жизнь, и сама поэзія съ этой точки зрѣнія является намъ вдвойнѣ: сначала какъ пророчество, какъ сердечная догадка, потомъ какъ исторія, какъ сердечное воспоминаніе о лучшихъ минутахъ души. Въ первомъ случаѣ она увлекаетъ въ міръ неземной; во второмъ она изъ дѣйствительной жизни извлекаетъ тѣ мгновенія, когда два міра прикасались другъ друга.

и передаетъ сіи мгновенія, какъ вѣрное, чистое зеркало. Но и та и другая имѣютъ одно начало, одинъ источникъ, и вотъ почему намъ не странно въ сочиненіяхъ Языкова встрѣтить веселую застольную пѣснь подлѣ святой молитвы, и отблескъ разгульной жизни студента подлѣ высокаго псалма. Напротивъ: при самыхъ разнородныхъ предметахъ лира Языкова всегда остается вѣрною своему вѣрному тону, такъ что всѣ стихи его, вмѣстѣ взятыя, кажутся искрами одного огня, блестящими отрывками одной поэмы, недосказанной, разорванной, но которой цѣлостъ и стройность понятна изъ частей. Такъ иногда въ немногихъ поступкахъ человѣка съ характеромъ открывается намъ вся исторія его жизни.

Но именно потому, что господствующій идеалъ Языкова есть праздникъ сердца, просторъ души и жизни, потому господствующее чувство его поэзіи есть какой-то электрическій восторгъ; а господствующій тонъ его стиховъ — какая-то звучная торжественность.

Эта звучная торжественность, соединенная съ мужественною силою, эта роскошь, этотъ блескъ и раздолье, эта кипучесть и звонкость, эта пышность и великолѣпіе языка, украшенныя, проникнутыя изяществомъ вкуса и граціи, — вотъ отличительная прелесть и вмѣстѣ особенное клеймо стиха Языкова. Даже тамъ, гдѣ всего менѣе выражается господствующій духъ его поэзіи, нельзя не узнать его стиховъ по особенной гармоніи и яркости звуковъ, принадлежащихъ его лирѣ исключительно.

Но эта особенность, такъ рѣзко отличающая его стихъ отъ другихъ русскихъ стиховъ, становится еще замѣтнѣе, когда мы сличаемъ его съ поэтами иностранными. И въ этомъ случаѣ особенно счастливъ Языковъ

тѣмъ, что главное отличіе его слова есть вмѣстѣ и главное отличіе Русскаго языка. Ибо если языкъ Итальянскій можетъ спорить съ нашимъ въ гармоніи вообще, то конечно уступить ему въ мужественной звучности, въ великолѣпшіи и торжественности, — и слѣдовательно поэтъ, котораго стихъ превосходитъ всѣ русскіе стихи именно тѣмъ, чѣмъ языкъ Русскій превосходитъ другіе языки, — становится въ этомъ отношеніи поэтомъ — образцомъ не для одной Россіи.

Но сія наружная особенность стиховъ Языкова потому только и могла развиться до такой степени совершенства, что она, какъ мы уже замѣтили, служитъ необходимымъ выраженіемъ внутренней особенности его поэзіи: это не просто тѣло, въ которое вдохнули душу, — но душа, которая приняла очевидность тѣла.

Любопытно наблюдать, читая Языкова, какъ господствующее направленіе его поэзіи оставляетъ слѣды свои на каждомъ чувствѣ поэта, и какъ всѣ предметы, его окружающіе, отзываются ему тѣмъ же отголоскомъ. Я не представляю примѣровъ потому, что для этого надобно бы было переписать все собраніе его стихотвореній; напомню только выраженіе того чувства, которое всего чаще воспѣвается поэтами и потому всего яснѣе можетъ показать ихъ особенность:

.
 А вы, пѣвца внимательные други,
 Товарищи, — какъ думаете вы?
 Для васъ я пѣлъ нѣмецкіе досуги,
 Спѣсивый хмѣль ученой головы,
 ,
 И радостно во имя божества
 Сбились въ хоръ созвучныя слова!
 Какъ внимаю, горѣло вдохновенье!

Не знаю, успѣлъ ли я выразить ясно мои мысли, говоря о господствующемъ направленіи Языкова; но если я былъ столько счастливъ, что читатели мои раздѣлили мое мнѣніе, то мнѣ не нужно продолжать болѣе. Опредѣливъ характеръ поэзіи, мы опредѣлили все: ибо въ немъ заключаются и ея особенныя красоты и ея особенныя недостатки. Но пусть кто хочетъ прискиваетъ для нихъ соотвѣтственные разряды и названія, — я умѣю только наслаждаться и, признаюсь, слишкомъ гнѣнъ для того, чтобы играть словами безъ цѣли, и столько ожидаю отъ Языкова въ будущемъ, что не могу въ настоящихъ недостаткахъ его видѣть что-либо существенное.

Теперь, судя по нѣкоторымъ стихотвореніямъ его собранія, кажется, что для поэзіи его уже занялась заря новой эпохи. Вѣроятно поэтъ, проникнувъ глубже въ жизнь и дѣйствительность, разовьетъ идеалъ свой до *большей сущности*. По крайней мѣрѣ надежда принадлежитъ къ числу тѣхъ чувствъ, которыя всего сильнѣе возбуждаются его стихотвореніями, — и если бы поэзіи его суждено было остаться навсегда въ томъ кругу мечтательности, въ какомъ она заключалась до сихъ поръ, то мы бы упрекнули въ этомъ судьбу, которая, даровавъ намъ поэта, послала его въ міръ слишкомъ рано или слишкомъ поздно для полнаго могучаго дѣйствованія; ибо въ наше время всѣ важнѣйшіе вопросы бытія и успѣхи таятся въ опытахъ дѣйствительности и въ сочувствіи съ жизнію обще-человѣческой, а потому поэзія, не проникнутая существенностью, не можетъ имѣть вліянія довольно обширнаго на людей, ни довольно глубокаго на человѣка.

Впрочемъ, если мы желаемъ большаго развитія для поэзіи Языкова, то это никакъ не значитъ, чтобы мы

желали ей измѣниться; напротивъ : мы повторяемъ за
 нимъ — и въ этомъ присоединятся къ намъ всѣ, — мы
 повторяемъ отъ сердца за него его молитву къ Прови-
 дѣнію :

Пусть неизмѣненъ, жизни новой
 Придетъ къ таинственнымъ вратамъ,
 Какъ Волги валъ бѣлоголовый
 Доходить цѣлый къ берегамъ!

У — з.

IV. СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА 1833 Г. № 74.

Стихотворенія Н. Языкова. С. Петербургъ 1833.

Языковъ пользуется у насъ завидною участію: сти-
 хотворенія его въ первый разъ напечатаны отдѣльно
 книжкою; между тѣмъ, кто не знаетъ Языкова? Возь-
 мите любаго молодого человѣка, который читалъ что
 либо, начните читать ему нѣкоторые изъ стиховъ Язы-
 кова, и онъ навѣрное доскажетъ вамъ остальное. И
 мудро ли? У многихъ ли изъ нашихъ поэтовъ найде-
 те вы эту возвышенность, благородство чувствованій,
 эту любовь къ картинамъ родной исторіи, ко всему
 русскому, это обиліе кипучихъ мыслей, выраженныхъ
 языкомъ сильнымъ, оригинальнымъ, гармоническимъ?
 У кого изъ русскихъ поэтовъ замѣтите вы это необы-
 чайное искусство въ расположеніи цѣлыхъ пьесъ, въ
 которыхъ мысль льется живымъ потокомъ, не стѣсняясь
 берегами рѣмы, въ которыхъ періоды развиваются
 стройными рядами въ стихахъ, не сцѣпляющихся окон-
 чаніями? Языкову дѣлаютъ странный упрекъ: говорятъ,
 что онъ однообразенъ. Мало ли композиторовъ, кото-
 рые пишутъ почти всегда съ одного тона? Дѣло въ
 томъ, каково онъ пишетъ. Притомъ, посмотрите изда-
 ныя нынѣ стихотворенія Языкова: замѣтите ли вы въ

нихъ это однообразіе? Чтобы оправдать похвалы наши (въ которыхъ мы не исчислили и половины качествъ нашего поэта, и которыя, впрочемъ, не встрѣтятся большаго противорѣчія), мы бы хотѣли выписать все хорошее, но положеніе о литературной собственности запрещаетъ перепечатывать чужія книги.

Но мы погрѣшили бы передъ нашими читателями, если бы не полакомили ихъ хотя чѣмъ-нибудь. Вотъ одна изъ его пьесъ, доселѣ ненапечатанныхъ, въ которой, по нашему мнѣнію, видны почти всѣ характеристическія черты автора: «Пловецъ»*.

Нужно ли указывать пальцемъ на прелести этого воспитательнаго стихотворенія? Нѣтъ, мы предоставляемъ нашимъ читателямъ разсмотрѣть ихъ поближе. (Послѣ этихъ строкъ выписано стихотвореніе «Молитва», см. наше изд. стр. 36. ч. I).

Музыка, исполненная мысли и гармонія! Больно досадно, что мы должны ограничиться этими выписками, что мы не можемъ, въ нашей тѣсной рамкѣ, изобразить Языкова такимъ, какимъ онъ намъ кажется; но теперь покуда довольно, а тамъ

Примѣчаніе для любопытныхъ. Литеры Д. М. С., поставленные подъ стихотвореніями Языкова, означаютъ три мѣста его жительства: Дерптъ, Москву, Симбирскъ.

Изданіе этой книги прелестно: можно сказать рѣшительно, что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не былъ изданъ такъ хорошо и не продавался такъ дешево: это дѣлаетъ честь вкусу издателя и безкорыстію автора.

* Піеса выписана сполна, которую перепечатывать здѣсь мы считаемъ излишнимъ, но указываемъ только страницу нашего изданія. См. ч. II, стр. 14.

V. LITERARISCHE BILDER AUS RUSSLAND. HERAUSGEGEBEN
VON KOENIG 1837, CTP. 164 — 167.

Jasykow.

Dieser Dichter ist einigermaßen der umgekehrte , Delwig; wenn dieser deutsche Baron sich zum russischen Dichter bildete, so hat sich der russische Bojarensohn Jasykow zum deutschen Studenten umgewandelt und Studentenlieder gedichtet. In Simbirsk — der Geburtsstadt Karamsins und Dmitrijews — geboren, ist er nach Dorpat gezogen, und hier als Student jahrelang geblieben. Er gehört als der Jüngste diesem Dichter-Cyklus an, und kann hinsichtlich des Volksthümlichen so wie der Poesie der Sprache und des Ausdrucks als Schlussstein dieser Periode angesehen werden. Jasyk bedeutet im Russischen Zunge und Sprache, so dass dieses Dichters Name Symbol seiner Poesie ist. Denn man darf wohl sagen, Jasykow habe zuerst die volle Pracht und das Grandiose der russischen Sprache entdeckt. Darin, wie schon manche sachkundigen Kritiker in Russlands selbst in deutscher Sprache bemerkt haben, hat er als lyrischer Dichter, vielleicht auch in keiner andern Literatur, seines Gleichen; worin ihn freilich das Eigenthümliche der russischen Sprache unterstützt. — In vielen Wortbildungen, Klängen und Rhythmen erinnert er an den verstorbenen Grafen Platen, nur dass Jasykow solche Bildungen nicht in ausländischen Formen, sondern in ganz volksthümlichen anwendet. Platens «weltumsegelnde Gedanken» ist z. B. ein recht Jasykow'scher Ausdruck. Ein ganzes Bild in einem einzigen Worte zu geben, darin hat die russische Sprache eine Verwandtschaft mit der orientalischen.

Jasykow ist ein reiner Lyriker. Erzählende Gedichte

sind ihm bis jetzt wenig gelungen, und den früheren Gedanken, ein Drama zu schreiben, hat er selber aufgegeben. Dafür ist er im Gebiet des Lyrischen unendlich reich. Von Studenten- und bachischen Liedern oder von seinen Elegien erhebt er sich zu den erhabensten Psalmen und Hymnen. Er ist religiös; aber nicht wie Derschavin orthodox-philosophirend, sondern, mit Uebergang alles Dogmatischen, biblisch erhaben und bildlich und zugleich mohammedanisch orientalisches. — Jetzt, so viel bekannt, vollendet er die Bearbeitung eines in Russland sehr populären Märchens von italienischen Ursprung, — des «Glutvogels», einer Art russischen Phönix. Bei Jasykows Phantasie und Talent für halb südliche, halb russische Sage, lässt sich von diesem Versuche in einer ihm neuen Gattung das Beste hoffen.

Jasykow hat, wie Delwig, ein phlegmatisches Ansehen. Wenn man ihn im Studentenkittel, mit einer Pfeife im Munde, sitzen sieht, so nimmt man ihn eher für einen deutschen Studenten, als für einen russischen Bojahrensohn. Hinter seinem Aeussern, besonders in den ruhigen Augenblicken, sucht man auch durchaus nichts Lyrisches, besonders nichts von seinen aufstürmenden — soll man sagen — Donnerwetter-Gesängen. Wenn er jedoch begeistert, und mit einem Pokal Champagner in der Hand, seine schönen Gedichte eben so schön und eigenthümlich vorliest, mit dem Kranze geschmückt, den ihm seine Freunde auf die Stirne drücken, so erinnert er in solchen Augenblicken seinem ganzen Aussehen nach an den bekränzten Gott Dionysos.

Seine Gedichte sind in den Dorpater Jahrbüchern von einem dortigen deutschen Professor würdig und geistreich beurtheilt, einige auch, von dem Kritiker übersetzt, als Proben der Rezension beigegeben worden. Jasykows Aufent-

halt in Moskau, wo er seit einigen Jahren von Zeit zu Zeit lebt, hat das Volksthümliche in ihm noch mehr entwickelt. Der Anblick des Kremls, dieses Palladium Russlands, den er so schön besungen, so wie andere Erinnerungen der Vorzeit nähren seine Begeisterung. Jung, wie er ist, mit noch nicht ganz entfaltetem Gaben, gibt Jasykow die schönsten Hoffnungen, und kann als Uebergang zur jüngern Dichterperiode betrachtet werden.

**VI. ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ, ИЗД. А. КРАЕВСКИМЪ.
1845, № 1.**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1844 ГОДУ.

Стихотворенія гг. Языкова и Хомякова вышли въ маленькихъ книжкахъ, обѣ съ оригинальнымъ титуломъ: «къ Стихотвореніи Н. М. Языкова» — «къ Стихотвореніи А. С. Хомякова». Заглавіе по счету стихотвореній. счетъ славянскими цифрами, кинноварью оттиснутыми! Оригинально, хотя и некрасиво! Въ одной книжкѣ 56, въ другой 25 стихотвореній: хорошаго по-немножку!... Начнемъ съ *пятидесяти шести*; но прежде скажемъ нѣсколько словъ о томъ времени, когда этихъ стихотвореній было написано *цѣлыхъ сто шестнадцать*...

Это было необыкновенно-оригинальное время. читатели! Даже сочиненія самого Пушкина, написанныя въ это время, болѣею частію весьма-рѣзко отличаются отъ его же сочиненій, написанныхъ послѣ. Но Пушкинъ смѣло перешагнулъ черезъ границу и своихъ тридцати лѣтъ, по поводу которыхъ онъ такъ поэтически распрощался съ своею юностью въ VI-й главѣ *Опьяна*, вышедшей въ 1828 году, и черезъ границу критическихъ для русской литературы тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Но онъ перешагнулъ черезъ нихъ,

болѣе посредствомъ своего огромнаго художническаго таланта, нежели сознательной мысли. На первыхъ его сочиненіяхъ, не смотря на все прѣвосходство ихъ передъ опытами другихъ поэтовъ его эпохи, слишкомъ замѣтенъ отпечатокъ этой эпохи. Поэтому, не удивительно, что Пушкинъ видѣлъ вокругъ себя все геніевъ, да талантовъ. Вотъ почему онъ такъ охотно упоминалъ въ своихъ стихахъ о сочиненіяхъ близкихъ къ нему людей, и даже въ особыхъ стихотвореніяхъ превозносилъ ихъ поэтическія заслуги:

Тамъ *нашъ* Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой...

Увы! гдѣ же этотъ величавый геній Корнеля, воскрешенный на русскомъ театрѣ г. Катенинымъ? — объ этомъ ровно ничего не знаемъ ни мы, ни русская публика... Гдѣ шумный рой комедій? — разлетѣлся, разсѣялся и — забытъ! Кто не помнитъ гекзаметровъ Пушкина, въ которыхъ онъ говоритъ, что Дельвигъ возрастилъ на снѣгахъ еоокритовы нѣжныя розы, въ желѣзномъ вѣкѣ угадалъ золотой, — что онъ, молодой *Славянинъ*, духомъ Грекъ, а родомъ Германецъ! Или кто не знаетъ этихъ стиховъ къ Баратынскому, на счетъ его *Эды*:

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучить и блещеть, какъ червонецъ.
Твоя Чухончка, *ей-ей*,
Гречанокъ Байрона милый,
А твой зоникъ — прямой Чухонецъ.

Какъ не сказать, что если всѣ безпрекословно согласятся съ послѣднимъ стихомъ, то едва ли кто согласится съ третьимъ и четвертымъ? Но, чтобъ пока-

затѣ дѣло во всей ясности, выпишемъ посланіе Пушкина къ г. Языкову :

Языковъ, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье *удалое* ?
Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое *буйство молодое* !
Нѣтъ, не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Иппокреву
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не холодной льется влагой,
Но пѣнится *хмельною брагой* ;
Она *разумчива*, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ *жаждою свободной*
Открытый въ наши времена.

Это было писано въ лѣто отъ Р. X. 1826-е, — и тогда намъ, какъ и всѣмъ, очень нравилось, а теперь мы, какъ и всѣ, спрашиваемъ самихъ себя: неужели это намъ нравилось? Что такое: *удалое посланіе*, и почему же это только *удалое*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не *угарское*, не *забубенное*? Что такое — *буйство молодое*? — Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» слова: *буй* и *буеть* употреблены въ смыслѣ *храбрый*, *сильный*, *храбрость*, *богатырство*; но въ наше время *буйство* означаетъ только ту добродѣтель, за которую сажаютъ въ тюрьму. И потому: чтѣ за эпитетъ — *молодое буйство*? *Хмельная брага* — напитокъ, который сами наши поэты, замѣняли ли англійскимъ портеромъ, или кроневскимъ пивомъ питеть *разумчивый* происходитъ отъ глагола *разнищать*, *разбирать*; о пьяныхъ говорятъ: экъ его *разни-*

маеть, экъ его разбираеть! Что такое *свободная жажда* — рѣшительно не понимаемъ.

А между-тѣмъ, было время, когда всѣ этимъ восхищались, не вникая слишкомъ строго въ смыслъ. Въ это золотое время, быть поэтомъ — значило быть древнимъ полубогомъ. И потому всѣ бросились въ поэты. *Стишки* были въ страшной модѣ: ихъ читали въ книгахъ, изъ книгъ переписывали въ тетрадки. Молодые люди бредили стихами, и чужими и своими; «барышни» были отъ стиховъ безъ ума. *Дѣва, луна, она, къ ней, золотая лунь, мечта, буйное разгулье, разочарованіе*, но въ особенноти *дѣва* и *луна* сдѣлались постоянными тѣмами, на которыя наши поэты взапуски варіировали свои невинныя упражненія въ стихотворствѣ. Это было полное торжество самой безкорыстной любви къ искусству и литературѣ. Лишь появится, бывало, стихотвореніе, — критики и рецензенты о немъ пишутъ и спорять между собою; читатели говорятъ и спорять о немъ. Бывало, убить нѣсколько вечеровъ на споръ о стихотвореніи ничего не стоило. Да, это была золотой вѣкъ Астрей для стиховъ! поэты и читатели жили въ Аркадіи. Литературу любили для литературы, стихи любили для стиховъ, рифмы для рифмъ, а совсѣмъ не для того смысла или того значенія, которое было (если только было) въ стихахъ и рифмахъ. Теперь не то: въ нашъ корыстный вѣкъ, люди до того развратились, что никто не дастъ даромъ своей статьи въ журналъ — изъ чести видѣть въ печати свое имя. Теперь многіе пишутъ только для денегъ, въ полномъ убѣжденіи, что это гораздо умнѣе и приличнѣе для взрослога человѣка, нежели писать изъ безкорыстнаго стремленія прославить свое имя въ кругу своихъ пріятелей, или плохими сочиненіями дѣйствовать въ пользу отечественной сло-

веспости. Люди съ талантомъ и призваніемъ пишутъ теперь изъ желанія высказаться, и за свои труды хотятъ брать деньги, чтобъ имѣть возможность исполнѣ посвятить себя литературѣ. И только немногія праведныядуши прошли чистыми чрезъ мутный потокъ времени, и сохранили цѣломудріе и наивность романтической эпохи. Уже не вспоминая съ умысломъ о томъ, что они тогда кропали стишонки, которыми приобрѣли себѣ большую извѣстность, — они тѣмъ не менѣе любятъ шивать жиденскія печатныя тетрадки, набивая ихъ разнымъ невиннымъ вздоромъ въ стихахъ и прозѣ, и приправляя запоздалыми сужденіями о литературѣ и устарѣлыми фразами о безкорыстной любви къ литературѣ.... Счастливые люди! имъ все кажется, что ихъ время или еще не прошло, или опять скоро настанетъ....

Въ это-то время явился г. Языковъ. Не смотря на неслыханный успѣхъ Пушкина, г. Языковъ въ короткое время успѣлъ приобрести себѣ огромную извѣстность. Всѣ были поражены оригинальною формою и оригинальнымъ содержаніемъ поэзіи г. Языкова, звучностью, яркостью, блескомъ и энергіею его стиха. Что въ г. Языковѣ дѣйствительно былъ талантъ, объ этомъ нѣтъ и спора; но пора уже разсмотрѣть, до какой степени были справедливы заключенія публики того времени объ оригинальности поэзіи и достоинствѣ стиха г. Языкова.

Начнемъ съ оригинальности. Начало поэзіи г. Языкова составляетъ *поэзія юности!* Теперь посмотримъ, какъ понялъ поэтъ поэзію юности, и попросимъ его самого отвѣчать на этотъ вопросъ.

Намъ было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали,
Свободу нашего житья

Стих. Языкова. Ч. 1.

И цѣлый міръ позабывали!
 Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
 Могучимъ кинутая лукомъ;
 Они звучали яркимъ звукомъ
 Разгульныхъ пѣсень и стекла;
 Какъ искры брызжущія стали
 На поединкѣ роковомъ,
 Какъ очи свѣтлыя виномъ,
 Они плѣнительно блистали.

Въ этихъ стихахъ, такъ сказать, программа всей поэзии г. Языкова. Но вотъ цѣлое стихотвореніе — *Кубокъ*, представляющее апофеозу юности и любви поэта.

Восхитительно играетъ
 Драгоценное вино!
 Сильной пѣною играетъ,
 Златомъ искрится оно!
 Услаждающая влага
 Оживитъ тебя всего:
 Вспыхнуть радость и отвага
Блескомъ зора твоего;
Самобытными мечтами
Заулетъ голова,
 И, какъ волны за волнами,
 Изъ души польются сами
 Вдохновенныя слова;
 Строень, пышень, міръ *житейской*
 Развернется предъ тобой...
 Много силы чародѣйской
 Въ этой влагѣ золотой!
 И любовь развеселяетъ
 Человѣка, и она
 Животворно въ немъ играетъ,
 Столь же *сладостно*-сильна;
 Въ дни прекраснаго *расцвѣта*
Поэтическихъ заботъ (???),
 Ея дѣятельность поэта
 Дани дивныя несетъ;

Молодое сердце бьется
 То притихнетъ и дрожить,
 То проснется, встрепенется,
 Словно выпорхнетъ, взвоется
 И куда-то улетитъ!
 И, послушно, имя дѣвы
 Станетъ въ *лжи* чудныхъ словъ (???),
 И сроднятся съ нимъ напѣвы
 Вѣчно-памятныхъ стиховъ! (!!!),
 Дѣва-радость, величайся
 Рѣдкой славою любви,
 Настоящему ввѣрайся
 И мгновения лови!
 Горделивый и свободный
 Чудно (?) *пьянствуетъ* (!) поэтъ!
 Кубокъ взявъ : *душо* *угодно*
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ (?!);
Съль и нальмъ; ихъ ласкаетъ
 Взоромъ, словомъ и рукой;
 Сразу кубокъ выпиваетъ
 И высоко поднимаетъ,
 И надъ *буйной* головой
 Держитъ. Рѣчь его струится
 Безмятежно-весела,
А въ рукѣ еще таится
Жребій брэннаго стекла (???!!!).

Вотъ она — поэзія юности и любви поэта, по идеалу
 г. Языкова!... Чудно *пьянствуетъ* поэтъ: а что жъ
 тутъ чуднаго, кромѣ развѣ того, что и поэтъ такъ же
 можетъ пьянствовать, какъ и... приберите сами, чита-
 тели, къ нашему «и» кого вамъ угодно. Мы понимаемъ,
 что есть поэзія во всемъ живомъ, стало-быть, есть она и
 въ *питьѣ* вина; но никакъ не понимаемъ, чтобъ она
 могла быть въ *пьянствѣ*; поэзія можетъ быть и въ *льдѣ*,
 но никогда въ *обжорствѣ*. Пьютъ и ѣдятъ всѣ люди,
 но пьянствуютъ и обжираются только дикари. Подоб-
 ное антиэстетическое направленіе нашъ поэтъ довелъ

до того, что въ одномъ стихотвореніи, вспоминая о времени своего студенчества, говоритъ :

Ну, да! судьбою благосклонной
 Во здравье было мнѣ дано
 Той жизни *мило-забубенной*
 Извѣдать крѣпкое вино.

Въ другомъ стихотвореніи, приглашая друзей на свою могилу, поэтъ восклицаетъ :

Во славу мнѣ, вы чашу круговую
 Наполните блистательнымъ виномъ,
 Торжественно пропойте пѣснь родную,
 И *пльнстуйте* о имени моемъ.

Спрашивается: какимъ образомъ поэтъ съ дарованіемъ, человѣкъ образованный и принадлежащій къ одному изъ замѣтнѣйшихъ круговъ общества, — какимъ образомъ могъ онъ дойти до такой антиэстетичности, до такой, выразимся прямо, тривіальности въ мысли, чувствѣ и выраженіи? — Не трудно объяснить это странное явленіе. До Пушкина, наша поэзія была не только риторическою, но и скучно-чопорною, приторно-сентиментальною. Она или воспѣвала надутыми словами разныя иллюминаціи, или перекладывала въ пухлыя фразы газетныя реляціи; а если вдавалась въ сферу частной жизни, то или жеманно сентиментальничала, или старалась прикинуться сладострастною на манеръ древнихъ. Нужна была сильная реакція этому риторическому направленію. Разумѣется, эта реакція должна была заключаться въ натурѣ, естественности и простотѣ какъ предметовъ, избираемыхъ поэзіею, такъ и въ выраженіи этихъ предметовъ. Понятно, что всѣ захотѣли быть народными, каждый по-своему. Такъ

Дельвигъ началъ писать русскія пѣсни; г. Языковъ началъ брать слова и предметы изъ житейскаго русскаго міра, заплѣлъ русскимъ удалцомъ. Но тутъ прогрессъ былъ только въ намѣреніи, а въ исполненіе забралась та же риторика, которая водянила и прежнюю поэзію. Пѣсни Дельвига были пѣснями *барина*, который только въ стихахъ носилъ шапку, заломленную на бекрень, а въ самомъ дѣлѣ одѣвался, какъ одѣваются всѣ порядочные люди его сословія. Въ посланіи Пушкина къ г. Языкову, которое мы привели выше (и на которое должно смотрѣть, какъ на исключеніе между его стихотвореніями), упоминается о *хмельной брать*: ясно, что поэтъ здѣсь только прикинулся пьющимъ этотъ напитокъ, а въ самомъ-то дѣлѣ никогда не пилъ, — а прикинулся, чтобъ *казаться* народнымъ. Вообще, о нравственности всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ отнюдь не должно заключать по ихъ стихамъ въ честь вину и пьянству: въ этомъ случаѣ, они *реторически* налыгали на себя небывальщину. Этого рода *реторизмъ* есть главная основа всей поэзіи г. Языкова. Всѣ его ухорскія и милозабубѣнныя выходки, его молодое буйство и чудное пьянство явились въ печати не какъ выраженіе дѣйствительности (чѣмъ должна быть всякая истинная поэзія), а такъ, только для *красоты слога*, какъ говорить Маниловъ. Кстати о реторикѣ: перечтите его пьесы: *Олегъ*, *Евпатій*, *Пѣсня Короля Рейнера* *, *Ливонія*, *Кудесникъ*, *Новгородская Пѣсня*, *Усладѣ*, *Меченосецъ Аранъ*, *Пѣснь Байна*: что такое все это, если не реторика, хотя и не лишенная своего рода изящества? Тутъ

* Эта пьеса есть подражаніе пьесѣ Батюшкова: *Пѣснь Гаральда Смѣлаго*. Вообще г. Языковъ не разъ подражалъ Батюшкову, какъ, на примѣръ, въ пьесѣ: *Мое Уединеніе* и въ другихъ.

Славяне полу-баснословныхъ временъ Святослава и Рускіе XIII вѣка говорятъ и чувствуютъ, какъ ливонскіе рыцари, которые, въ свою очередь, очень похожи на нѣмецкихъ буршей; тутъ ни въ чемъ нѣтъ истины — ни въ содержаніи, ни въ краскахъ, ни въ тонѣ. А тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя, нѣтъ никакой истины въ чувствѣ, мысль придумана, произвольно кончена, стихъ блестящъ, бросается въ глаза, поражаетъ слухъ своею необыкновенностью, и читатель только до тѣхъ поръ признаетъ его прекраснымъ, пока не дастъ себѣ труда присмотрѣться и прислушаться къ нему.

Люди, несимпатизировавшіе съ романтической школою, нападали на нѣкоторыя стихотворенія г. Языкова за отсутствіе въ нихъ чувства цѣломудрія, за слишкомъ неприкрытое даже цвѣтами поэзіи сладострастіе. Мы такъ думаемъ, что эти пьесы такъ же точно заслуживаютъ упрекъ за отсутствіе въ нихъ именно того, излишнее присутствіе чего въ нихъ такъ восхищало однихъ, такъ оскорбляло другихъ. Сладострастіе этихъ пьесъ холодное; это не болѣе, какъ шалость воображенія. Слѣдующая пьеса самого г. Языкова есть лучшая критика на всѣ его пьесы въ этомъ родѣ:

Ночь безлунная звѣздами
 Убирала синій сводъ;
 Тихи были зыби водъ;
 Подъ зелеными кустами,
Сладко, дѣва-красота,
Я сжималъ тебя руками;
 Я горячими устами
 Цаловалъ тебя въ уста;
 Страстнымъ жаромъ подымались
 Перси полныя твои;
 Разлетаясь, развивались
 Черныхъ локоновъ струи;

Закрывала, открывала
 Ты лазурь своихъ очей;
 Трепетала и вздыхала
 Грудь, прижатая къ моей.

Подъ ночными небесами,
 Сладко, дѣва-красота,
 Я горячими устами
 Цаловалъ тебя въ уста....
 Небесамъ благодаренье!
 Здравствуй, дѣва-красота!
То играло сповѣденье,
Безтѣлесная мечта!

Когда муза г. Языкова *прикидывается* вакханкою, — въ ея безтѣлесномъ лицѣ блеститъ яркій румянецъ наглаго упоенія, но худо то, что этотъ румянецъ, если взглядѣться въ него, оказывается толстымъ румянцемъ.... Теперь объ оригинальномъ стихѣ г. Языкова: въ немъ много блеска и звучности; первый ослѣпляетъ, вторая оглушаетъ, и изумленный читатель, застигнутый въ-расплохъ, признаетъ стихъ г. Языкова образцовымъ. Первое и главное достоинство всякаго стиха составляетъ строгая точность выраженія, требующая, чтобъ всякое слово необходимо попадало въ стихъ и стояло на своемъ мѣстѣ такъ, чтобъ его никакимъ другимъ замѣнить было невозможно, чтобъ эпитетъ былъ вѣренъ и опредѣлителенъ. Только точность выраженія дѣлаетъ истиннымъ представляемый поэтомъ предметъ, такъ-что мы какъ-будто видимъ передъ собою этотъ предметъ. Стихи г. Языкова очень слабы со стороны точности выраженія. Это можно доказать множествомъ примѣровъ. Вотъ нѣсколько:

Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
 Могучимъ кивутая лукомъ;

Они звучали *яркимъ звукомъ*
Разгульныхъ пѣсень и стекла:
 Какъ *искры брызжущія стали*
На поединкъ роковымъ,
 Какъ очи свѣтлыя виномъ,
 Они плѣнительно блистали.

Что такое *яркій звукъ разгульныхъ пѣсень*? Есть ли какая-нибудь точность и какая-нибудь образность въ этомъ выраженіи? И какъ могли *звучать дни*? И неуже-ли искры только тогда плѣнительны, когда брызжутъ на роковомъ поединкѣ? И какое отношеніе имѣютъ эти *страшныя* искры къ веселой жизни поэта? Разберите все это строго, переведите всѣ эти фразы на простой языкъ здраваго смысла, — и вы увидите одинъ наборъ словъ, замаскированный *кажущимся* вдохновеніемъ, *кажущеюся* красотой стиха....

Вспыхнуть радость и отвага
Блескомъ зора твоего,

Не уже ли это поэтическій образъ?

Самобытными мечтами
 Заулетъ голова

Что за *самобытныя* мечты? развѣ — пьяныя?

Чудно пьянствуетъ поэтъ.

Что жь тутъ *чуднаго*?

Прекрасно радуясь, играя,
 Надежды смѣлыя кипятъ.

Что за эпитетъ: *прекрасно* радуясь?

Ты вся мила, ты вся прекрасна!
 Какъ пламенны твои уста!

Какъ *безгранично - сладострастна*
Твоихъ объятій полнота!

Безгранично-сладострастная *полнота* объятіи: помпуйте, да этого «не хитрому уму не выдумать бы въ вѣкъ»!....

Здѣсь муза пѣсень полюбила
Мои словесныя отла.
 Разнообразныя надежды
Я расточительно питаю.
 Грозою *правой*
 Ты *знаменито* ихъ пугнешь.
 Тебѣ привѣтъ мой издавеча
 Отъ москворѣцкихъ береговъ,
 Туда, гдѣ *звонилихъ звономъ вѣча*
 Моихъ пугалась ты стиховъ.

Товарищи, какъ думаете вы?
 Для васъ я пѣлъ?
 Нѣтъ, не для васъ! — Она меня хвалила,
 Ей нравились *разгульный мой вѣнокъ*,
 И младости заносчивая сила
 И *пламенные восторговъ киплятокъ.*

Благословляю твой возвратъ
 Изъ этой *нехристи* нѣмецкой
 На Русь, къ святынѣ *москворѣцкой.*

Неточность, вычурность и натянутасть всѣхъ этихъ выраженій и словъ, означенныхъ нами курсивомъ, слишкомъ-очевидны и не требуютъ доказательствъ. Замѣтимъ только, что *немпыкая нехристи* есть выраженіе, уже оставляемое даже русскими мужичками, понявшими наконецъ, что Нѣмцы вѣрують въ того же самого Христа, въ котораго и мы вѣруемъ: г. Языковъ тоже понимаетъ это — въ чемъ мы ручаемся за него; но какъ ему, во что бы ни стало, надо быть народнымъ и какъ

поэзія для него есть только маскарадъ, то, являясь въ печати, онъ старается закрыть свой фракъ зипуномъ, поглаживаетъ свою накладную бороду, и, чтобъ ни въ чемъ не отстать отъ народа, такъ и щеголяетъ въ своихъ стихахъ и грубостію чувствъ и выражений. По его мнѣнію, это значитъ быть *народнымъ*! Хороша народность! Кому не дано быть народнымъ и кто хочетъ сдѣлаться имъ насильно, тотъ непременно будетъ простонароднымъ, или вульгарнымъ. У г. Языкова нѣтъ ни одного стихотворенія, въ которомъ не было бы хотя одного слова, некстати-поставленнаго, или изысканнаго и фигурнаго. Еслибъ приведенныхъ нами примѣровъ кому-нибудь показалось мало, или доказательства наши кому-нибудь показались бы неудовлетворительными, — мы всегда будемъ готовы представить и больше примѣровъ и придать нашимъ доказательствамъ ббльшую убѣдительность и очевидность..... Правда, встрѣчаются у него иногда и весьма счастливые и ловкіе стихи и выраженія, но они всегда перемѣшаны съ несчастными и неловкими. Такъ, напр., въ стихотвореніи *Пожаръ*:

Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко надъ столомъ *состукивались* чаши,
И разомъ кинуты *всей силою плеча*,
Скакали по полу дробясь и брэнча.

Послѣдній стихъ хорошъ, но глаголъ *состукивались* какъ-то отзывается изысканностію, а выраженіе: *кинуть всей силою плеча* совершенно-ложно.

Картина пышная и грозная предъ нами:
Подъ *громоносными* ночными облаками,
Полнеба заревомъ багровымъ обхвативъ,
Шумѣлъ и вылъ огня блистательный разливъ.

Послѣдніе два стиха даже очень хороши; но эпитетъ *громоносными* во второмъ стихѣ не то, чтобъ не-

точень, а какъ-то отзывается общимъ мѣстомъ, и его *остатки* въ стихъ если чѣмъ-нибудь оправдывается, такъ это развѣ необходимо составить стихъ непременно изъ шести стопъ. Въ томъ же стихотвореніи есть стихи;

Ты помнишь ли, какъ мы, на праздникѣ nocturno,
Уже *веселые* и шумные виномъ,
Уже *пылчиге* (?) и *свѣтлые* (!), кругами
Сидѣли у стола

Что за странный наборъ словъ!

Есть у г. Языкова нѣсколько стихотвореній очень недурныхъ, не смотря на ихъ недостатки, какъ напр.: *Поэту, День Картины, Вечеръ, Подражаніе псалму сxxxvi.*

Еще разъ: мы и не думаемъ отрицать таланта въ г. Языковѣ, но хотимъ только опредѣлить объемъ этого таланта. Имя г. Языкова навсегда принадлежитъ русской литературѣ и не сотрется съ ея страницъ даже тогда, когда стихотворенія его уже не будутъ читаться публикою: оно останется извѣстно людямъ, изучающимъ исторію русскаго языка и русской литературы. Г. Языковъ принесъ большую пользу нашей литературѣ даже самыми ошибками своими: онъ былъ смѣлъ, и его смѣлость была заслугою. Вычурныя выраженія, оскорбляющія эстетическій вкусъ, мнимая оригинальность языка, внѣшняя красота стиха, ложность красокъ и самыхъ чувствъ, — все это теперь уже сознано въ поэзіи г. Языкова, и все это теперь уже не дастъ успѣха другому поэту; но все это было необходимо и принесло великую пользу въ свое время. Дотошъ всякая мысль, всякое чувство, всякое выраженіе, словомъ, всякое содержаніе и всякая форма казались противными и эстетическому вкусу. если они не оправдывались, какъ копія образ-

цомъ, произведеніемъ какого-нибудь писателя, признаннаго образцовымъ. Отъ того писатели наши отличались удивительною робостію: всякое новое, оригинальное выраженіе, родившееся въ собственной ихъ головѣ, приводило ихъ въ ужасъ; литература, въ свою очередь, отличалась скучнымъ однообразіемъ, особенно въ произведеніяхъ второстепенныхъ талантовъ. Чтобъ имѣть право писать не такъ, какъ всѣ писали, надъ было сперва приобрести огромный авторитетъ. Такимъ образомъ, первыя сочиненія Пушкина ужасали нашихъ классиковъ своеволіемъ мысли и выраженія. И потомъ смѣлая, по ихъ оригинальности, стихотворенія г. Языкова имѣли на общественное мнѣніе такое же полезное вліяніе, какъ и проза Марлинскаго: они дали возможность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, какъ онъ способенъ писать, слѣдственно, каждому дала возможность быть самимъ собою въ своихъ сочиненіяхъ. Это было задачею всей романтической эпохи нашей литературы, задачею, которую она счастливо рѣшила.

Вотъ историческое значеніе поэзіи г. Языкова: оно немаловажно. Но въ эстетическомъ отношеніи, общій характеръ поэзіи г. Языкова чисто-реторическій, основаніе зыбко, пафосъ бѣденъ, краски ложны, а содержаніе и форма лишены истины. Главный ея недостатокъ составляетъ та *холодность*, которую такъ справедливо находилъ Пушкинъ въ своемъ произведеніи — *Русланъ и Людмила*. Муза г. Языкова не понимаетъ просто красоты, исполненной спокойной внутренней силы: онъ любитъ во всемъ одну яркую и шумную, одну эффектную сторону. Это видно во всякой строкѣ, имъ написанной; это онъ даже самъ высказалъ:

Такъ геній радостно трепещеть,
Свое величье познаеть,

Когда предъ нимъ *тремтѣ* и *блещетъ*
Инаго генія полетѣ.

Повидимому поэзія г. Языкова исполнена бурнаго, огненнаго вдохновенія; но это не болѣе, какъ разноцвѣтный огонь отразившагося на льдинѣ солнца, это... но мы лучше объяснимъ нашу мысль собственными стихами г. Языкова:

. Такъ волна
Въ лучахъ свѣтила золотаго
Блестить, кинить — но холодна.

Разсказывая въ удалыхъ стихотвореніяхъ болѣе всего о своихъ попойкахъ, г. Языковъ нерѣдко разсуждалъ въ нихъ и о томъ, что пора уже ему охмѣлиться и приняться за дѣло. Это благое намѣреніе, или лучше, эта охота говорить въ стихахъ объ этомъ благомъ намѣреніи, сдѣлалась новымъ источникомъ для его вдохновенія, обратилась у него въ истинную манію и отъ частаго повторенія превратилась въ общее риторическое мѣсто. Обѣщанія эти продолжаются до сихъ поръ; всѣ давно знаютъ, что нашъ поэтъ давно уже охмѣлился; публика узнала даже (изъ его же стиховъ), что онъ давно уже не можетъ ничего пить, кромѣ рейнвейна и малаги; но дѣла до сихъ поръ отъ него не видно. Новыя стихотворенія его только повторяютъ недостатки его прежнихъ стихотвореній, не повторяя ихъ достоинствъ, каковы бы они ни были. Въ прошломъ, 1844 году, въ одномъ журналѣ было помѣщено предлинное стихотвореніе г. Языкова, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ:

Но вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!
Уже не робко я гляжу
И на парнасскую дорогу —

Пора за дѣло мнѣ! Вину и кутежу
 Уже не стану, какъ бывало,
 Пѣть *вольнодумную* хвалу:
 Потѣхи юности удамой
 Не кстати были бѣ мнѣ; неюному челу
 Не кстати рѣзвый плющъ и роза
Пора за дѣло! Въ добрый путь!

Вотъ подлинно длинные сборы въ путь! Гдѣ жъ дѣло-то? Не уже ли эта крохотная книжечка съ пятьюдесятью стихотвореніями, изъ которыхъ большая половина старыхъ, имѣющихъ свой историческій интересъ и меньшая половина новыхъ, интересныхъ развѣ толь какъ фактъ совершеннаго упадка таланта, нѣкогда столь превозносимаго? Перечтите, напр., драгоценнѣйшее стихотвореніе, въ которомъ неуваженіе къ печати грамотнымъ людямъ доведено до послѣдней степеніи — посланіе къ *М. Ш. Погодину*.

Благодарю тебя сердечно
 За *подареньице* твое!
 Мнѣ съ нимъ раздолье! Съ нимъ житье
 Поэту! *Дивно-быстротечно*,
 Легко пошли часы мои —
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня *уважилъ!*
По-стихотворчески я зажилъ,
Я въ дуэль! Словно, какъ ручьи
 Съ высокихъ горъ на доли *злачны*
 Бѣгутъ, игривы и *прозрачны*,
 Бѣгутъ, сверкая и звеня
Свѣтлостеклянными струями,
 При ясномъ небѣ, межъ цвѣтами,
 Весной: такъ точно у меня
 Стихи мои, *проворно, мило*
 Съ пера бѣгутъ теперь; — и вотъ
 Тебѣ, мой *явный* доброхотъ,
Стаканъ стиховъ (?!...): *на, пей!* — Что было —
 Того ужъ намъ не воротить!

Да, братъ, теперь мои созданья *
 Не то, что въ пору волнованья
 Надеждъ и мыслей *; — такъ и быть!
 Они теперь — напитокъ трезвый : **
 Давнымъ давно уже въ нихъ нѣтъ
 Игры и силы прежнихъ лѣтъ,
 Ни мысли пламенной и рѣзвой,
 Ни пьяно - буйнаго стиха. ***
 И не диковинное дѣло : ****
 Я самъ не тотъ (,) и смѣло
 Въ томъ признаюсь : кто безъ грѣха?
 Но ты, мой добрый и почтенный,
 Ты пріймешь ласковой душой
 Напитокъ, поднесенный мной;
 Хоть онъ безхмѣльный и не пѣнный. *****

Скажите, ради здраваго смысла; не ужели это поэзія,
языкъ боговъ? Вотъ чѣмъ разрѣшился романтизмъ двад-
 цатыхъ годовъ! Впрочемъ, и то сказать: «Отъ великаго
 до смѣшнаго только шагъ», по выраженію Наполеона:
 стало быть, отъ *небольшаго* до *смѣшнаго* еще ближе!...

Это *дивно-быстротечное* стихотвореніе, звенящее
светлостеклянными струями прѣсной и не совсѣмъ свѣ-
 жей воды, поднесенной въ стаканъ *явному* доброхоту
 стихотворцемъ, *сдѣлавшимся въ духъ* отъ *подареньица*,
 которымъ *уважилъ* его *явный* доброхотъ, — это образ-

* Вотъ что правда, такъ правда, хотя и выраженная проза-
 чески, нескладно и съ грѣшкомъ противъ грамматики!...

** То есть : вода?

*** Зачѣмъ же продолжать печатать такія жалкія созданія,
 въ которыхъ нѣтъ не только поэзіи, но даже и *буйно-пьянаго*
 стиха?

**** Даже очень понятное!

***** Зачѣмъ же было не послать этого прѣснаго стакана въ
 рукописи тому, для кого онъ былъ назначенъ, — дѣло семейное
 и до публики не касающееся. Что такое: *непѣнное* вино? Должно
 быть: не *пѣнникъ*? иначе было бы сказано: не *пѣнистое* вино.

цовое проявленіе заживо умершаго таланта, не напечатано въ числѣ завѣтныхъ 56-ти стихотвореній г. Языкова. Напрасно! отъ этого его книжечка много потеряла. По нашему, ужь если печатать, такъ все, что характеризуетъ и опредѣляетъ дѣятельность поэта: лучше было бы или совсѣмъ не издавать этой маленькой книжечки, въ которой литература ровно ничего не выиграла, или издать книжку побольше, которая была бы вторымъ изданіемъ изданныхъ въ 1833 году стихотвореній г. Языкова, съ прибавленіемъ къ нимъ всего написаннаго имъ послѣ, а между прочимъ, и его прекрасной «Драматической Сказки объ Иванѣ Царевичѣ, Жарь-Птицѣ и о Сѣромъ Волкѣ», которая, по нашему мнѣнію, лучше всего, что вышло изъ-подъ пера г. Языкова.

Вис. Бѣлискій.

ВИ. БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ 1845. Т. 72. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя стихотворенія Н. Языкова, въ тип. Университетской, 1845, въ 8., стр. 332.

Въ винѣ издревле пребывала правда: слѣдовательно, тамъ никогда не могло быть поэзіи. Правда и поэзія не уживаются вмѣстѣ. Многіе въ винѣ — пуншѣ то жь — почерпали вдохновенія: къ содѣйствію его, говорятъ, часто прибѣгалъ и великій Шиллеръ; но вино служило здѣсь только возбуждительнымъ средствомъ для воображенія. Напившись виномъ или пуншемъ, Шиллеръ не воспѣвалъ ни вина, ни пуншу: онъ писалъ «Разбойниковъ» или «Орлеанскую Дѣву». Въ самомъ дѣлѣ, какую поэтическую картину, какой высокой по-

мысль, какую новую истину можно создать изъ стакана крѣпкого напитку? — положимъ даже, изъ десяти стакановъ? Нѣтъ подъ солнцемъ ничего болѣе прозаическаго какъ бутылка, и ея содержаніе, и его дѣйствіе. Я нахожу, что въ страсбургскомъ пирогѣ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ самомъ лучшемъ шампанскомъ. Кулебяка и вино принадлежатъ къ одному разряду предметовъ въ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ: одно отнюдь не благороднѣе и не болѣе художественно другаго. Кулебяка имѣетъ еще то преимущество, что не производитъ, какъ вино, кратковременнаго сумасшествія въ потребителѣ и отвращенія въ зрителяхъ. Зачѣмъ же никто изъ нашихъ поэтовъ не воспѣваетъ кулебяки? Зачѣмъ такъ многіе поютъ одно только вино? Потому ли, что оно ихъ веселитъ? Но когда они веселы виномъ, то всѣмъ другимъ это очень скучно; всѣ другіе ихъ бѣгаютъ; всѣ объ нихъ сожалѣютъ. Въ пьяной или, учтивѣе сказать, *разгульной* жизни, — да, да, *въ разгульной*: это техническій терминъ, принятый въ нашемъ стихотворствѣ, — въ разгульной жизни кромѣ отсутствія разума, нравственности и приличія, не примѣчается ничего особеннаго: это не поэтическое, не восторженное, но патологическое состояніе души, душевная болѣзнь, которую часто приходится лечить тѣмъ же средствомъ, какъ и другія душевныя болѣзни, вѣдромъ холодной воды. Въ помѣшательствѣ, какой бы степени оно ни было, рѣшительно ничего нѣтъ для искусства: въ этомъ отношеніи многіе изъ нашихъ поэтовъ находятся въ полномъ и страшномъ заблужденіи. Обыкновенная жизнь — проза: я согласенъ: но *разгульная* жизнь еще хуже: это — дурная проза, скверная, грязная проза. Какъ же можно перелгать ее въ стихи?... Выйдетъ ли когда-нибудь изъ этого

настоящая поэзія? Разумѣется, нѣтъ. Воспѣвая впно и разгульную жизнь, вы не произведете никогда ничего другаго, кромѣ скуки. Еще Сократъ доказывалъ своимъ современникамъ, поэтамъ, живописцамъ и прочимъ художникамъ, что искусство можетъ съ успѣхомъ заниматься однимъ только прекраснымъ, а прекрасное въ природѣ — одно только добропорядочное, *honestum*. Всѣ послѣдующіе вѣка подтвердили эту коренную аксіому.

Я не хочу, чтобы стихотворствующие народы принимали меня за угрюмаго ригориста, требующаго отъ нихъ непремѣнно пить одну воду. Всѣмъ и каждому, сколько отъ меня это зависитъ, я, въ качествѣ критика, позволяю нарѣзаться одинъ разъ въ мѣсяць. Несказанная снисходительность моя въ этомъ случаѣ простирается еще далѣе: я позволяю даже одинъ разъ въ годъ сочинить застольную пѣсню въ честь вину и *разгульной жизни*. Но избрать себѣ бутылку музою, разгульную жизнь постояннымъ идоломъ, и терпѣніе трезвыхъ читателей жертвою, вотъ противъ этого я торжественно протестую отъ имени всей изящной словесности. Я въ правѣ не принимать такихъ стихотвореній на разбирательство. Винный погребъ не принадлежитъ ни къ какой литературѣ.

Авторъ этихъ «Новыхъ стихотвореній», безусловно, имѣетъ право на званіе начальника стихотворной школы, вѣчно воспѣвающей бокаль и разгулье. Не подумайте, чтобы члены этой школы были какіе гуляки: напротивъ, всѣ, почти всѣ, они — молодые люди благо нравные, пресмирные, поутру пьютъ ромашку, за обѣдомъ одну воду; но — что прикажете дѣлать!... натура человѣческая неразгадаема, — чѣмъ больше пьютъ ромашки и воды, тѣмъ жарче воспѣваютъ *шипучую влагу*

Вакха; чѣмъ примѣриѣ занимаются полезнымъ трудомъ, тѣмъ слышнѣе шумятъ про разгулье и кутѣжь. Предводитель ихъ, господинъ Языковъ, преданный давнымъ-давно, какъ самъ говоритъ, строжайшей діетѣ, сочиняетъ «Новыя стихотворенія» передъ кувшиномъ маріенбадской воды, и между-тѣмъ не знаетъ другаго предмету для своихъ умственныхъ упражненій кромѣ «разгульной жизни»: на каждой рѣшительно страницѣ онъ такъ много толкуетъ о попойкахъ и разныхъ *добрыхъ* винахъ, что — не бояся я оклеветать порядочнаго человѣка — такъ право бы подумалъ, что вѣрно у него въ погребу нѣтъ даже и простаго ротвейну. Странная страсть! Но это дѣйствительно — страсть, и страсть всей школы. Эти господа гуляютъ въ стихахъ на-пропалую, не по внутреннему влеченію къ предмету, но потому что вообразили, будто «разгульная жизнь», шампанское, бокаль, — поэзія. Какое заблужденіе!

Раскрываю книгу на-удачу. Страница девятая.

«Не умереть твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
И воинственно-летучій
И *разгульно-удалой*

Теперь опять закроемъ книгу. Я хочу еще раскрыть на-удачу. Страница семнадцатая.

«А я, студенческому міру
Сказавъ задумчиво — прощай,
Я перенесъ *разгульную лиру*
На Русь, въ отечественный край».

Перекинемъ одинъ листокъ. Страница осемнадцатая

«Уста и очи дѣвъ красавицъ,
Привѣты гордыхъ молодницъ,

И пѣсни пламенныхъ пѣвиць,
 И пляски пламенныхъ плясавиць!
 Поклонъ вамъ, прежнія мои . . .
 Пляшите, пойте, процвѣтайте,
 Великолѣпно оживляйте
 Пиры и шалости любви!
 Довольно чувствъ и вдохновеній
Я прогуляю, и мнѣ пора
 Познать себя, вкусить добра,
 Не буйныхъ, *трезвыхъ* наслажденій!»

Перекинемъ два листка. Страница двадцать пятая.

«Потѣхи жизни той шумливой, беззаботной,
 Удалой, вѣтренной, хмѣльной и быстролетной . . .»

Перекинемъ три листка. Стихотвореніе «*Малага*».

Въ мои бывые дни, въ дни юности счастливой,
 Вино шипучее я пилъ,
 И вкусъ, и блескъ его, и хмѣль его игривый,
 Друзья, не мало я хвалилъ;
 Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Насъ развивавшее питье,
 Воспламенялось и кипѣло
 Воображеніе мое

Вино, *развивавшее насъ!* . . . Хорошо *развитіе*. Загля-
 немъ на слѣдующую страницу.

Остепеняють насъ и учатъ насъ запытно
Лѣта и бремя бытія :
 Такъ нынѣ буйный хмѣль струи золотоцвѣтной
 Не веселитъ меня, друзья,
 Ни кипятокъ ея, ни блескъ ея мгновенной;
Такъ нынѣ мнѣ уже мильй
Напитокъ сжирный и безъпный,
Вино густое, какъ слей,
И черное, какъ смоль, какъ очи дѣвы горной,
И мягко-сладкое, какъ медъ

Каково *остепеннiе!* ... послѣ дѣтскаго шампанскаго старая и крѣпкая малага. *C'est du progrès.* Перейдемъ на слѣдующій листокъ.

«Когда остатки вдохновеній
Я *допивалъ* въ кругу друзей,
Въ Москвѣ, и полонъ пѣснопѣвнй,
Стихомъ блистая *удалымъ*,
Восторженъ, *выше всякой прозы (?)*,
Гулялъ у васъ — и дѣвы-розы
Любили тѣмъ мой: слава имъ!»

Все — то же! Перейдемъ опять — на слѣдующій.

«И много здѣсь гостей съ семьями
Сюда изъ дальнихъ странъ *сгоняетъ аквилонъ.*
Здѣсь и *россійскій князь, здѣсь и нѣмецкй фонъ*»...

Эти стихи.... я гдѣ-то читалъ: кажется, въ творенiяхъ покойнаго графа Хвостова?... Но можетъ-быть, я ошибаюсь.

«Здѣсь и *россійскй князь, здѣсь и нѣмецкй фонъ,*
И *англйскй милордъ, ихъ жены, дѣти, слуги*
Проводятъ *мирныя приморскie досуги*
На *тепломъ берегу, на ясномъ свѣтѣ дня;*
Житъе здѣсь хоть куда, для самаго меня!
Здѣсь *есть и для меня три сладостныя блага:*
Уединенный садъ, видъ моря и малага.»

Нѣтъ, это скучно: малага да малага! Не хочу болѣе слѣдовать за страницами по порядку. Лучше, сложу книгу, и опять раскрою на-удачу. Разъ! два! три!..., страница сто десятая. *Юганисбергъ.* А! по крайней мѣрѣ, это — дѣло.... то есть вино, другое.

«Вино первѣйшее! Предъ тѣмъ виномъ блѣднѣетъ
Краса *всѣхъ прочихъ винъ, какъ звѣзды предъ луной!*
О! дивное вино! Струею *золотой*

Оно бѣжитъ въ стаканъ, не пѣнно, не игриво,
 Но важно, весело, величественно, живо,
И охмѣляетъ насъ и нѣжитъ, такъ сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,
 Что старецъ, о дѣлахъ минувшихъ разсуждая,
 Воспламеняется, какъ радость молодая,
 Припомнивъ день и часъ, когда онъ пилъ его,
 Въ кругу друзей, порой *разгула* своего»

Что́ это здѣсь слѣдуетъ? Какая-то большая поэма.
 Какой-то разговоръ въ стихахъ. Драма, что ли: Скач-
 ковъ, Власьевъ, Хворовъ, Дрянской, Пронской, *всѣ на*
весель въ разныхъ градусахъ. Поэма начинается стихомъ:

«Ужъ пить, такъ пить»

О! какая благодать: здѣсь что́ строчка, то новое
 вино. И это продолжается страницъ сорокъ. Посмотримъ,
 чѣмъ оканчивается эта *разгульная* драма. Ого! себе-
 сѣдники уже перестали говорить: они поютъ во все
 горло —

Gaudeamus igitur
 Juvenes dum sumus (*Всѣ подтягиваютъ.*)

Гдѣ же это писано? За границею, на мпнераль-
 ныхъ водахъ.

Опять закроемъ книгу. Разъ! два! три страница
 двѣсти тридцать девятая.

. Я слушаю поэта.

До ночи слушать я готовъ
 Тебя; въ созданіяхъ души твоей прекрасной
 Въ картинахъ вѣрныхъ и живыхъ,
 Въ гармоніи стиха съ игрою мысли ясной
 И вдохновеніяхъ твоихъ
 Легко, восторженно забудусь я съ тобою . . .
 Часы летятъ, давно погасъ
 Каминъ, давно мой *пуншъ* простылъ передо мною,
 Давно денница занялась!»

Это писано въ Ниццѣ, когда поэтъ лечился и передъ нимъ вмѣсто пуншу стояла аптечная стеклянка съ микстурой. Охота же настойку ревеню превращать въ пуншъ: будто это — поэзія!

Закроемъ еще разъ книгу: но это уже послѣдній. Раскрываю, по-прежнему, на-удачу. Страница двѣсти сорокъ пятая. «Странный случай. Комната въ трактирѣ». Опять какой-то стихотворный разговоръ. Скачковъ, Власевъ, Хворовъ... Ну, ужъ мы знаемъ, о чемъ эти господа разговариваютъ. Поэма опять пребольшая. Посмотримъ, что на концѣ.

Да здравствуетъ Москва!

Это можно было предвидѣть. Въ концѣ первой драмы только *подтлывали*: въ концѣ второй уже *пьютъ* полнымъ ртомъ. Тоже прогрессъ!

Съ позволенія вашего, я еще желаю полюбопытствовать, чѣмъ оканчивается самая книга: *пьютъ* ли тамъ также?... или только *подтлываютъ*?... Что это?... О удивленіе!... тутъ совсѣмъ другое!... тутъ говорятъ —

И медицинскій факультетъ

Пилюлю горькую мнѣ задалъ:

Пить воды за моремъ! И пить я ихъ пять лѣтъ!

Но, вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!

Уже не робко я гляжу

И на парнасскую дорогу,

Пора, за дѣло мнѣ! Вину и кутежу

Уже не стану, какъ бывало,

Пѣть вольнодумную хвалу:

Потѣхи юности удалой

Не кстати были бѣ мнѣ: не-юному челу

Некстати рѣзвый плющъ и роза....

Пора за дѣло!»

Давно пора! Такой прекрасный стихъ расточать на

такую бессмысленную прозу, какова «разгульная жизнь», на такую чепуху, какъ вино, право, совѣстно.

Въ виду безсмертныхъ памятниковъ итальянскаго искусства воспѣвать цѣлыя пять лѣтъ малагу и «счастлиое время» дерптскихъ пооекъ, даже болѣе чѣмъ совѣстно: непростительно!... Поэзія, самая высокая поэзія окружала поэта на каждомъ шагу: а онъ ея не видѣлъ!... онъ искалъ поэзіи въ нечистой гущѣ бутылки и кутежа!... искалъ не по нуждѣ, не для компаніи, а такъ — потѣхи ради — полагая, что для читателей стиховъ очень интересно слушать о томъ, какъ другіе пьютъ или пили, что — это отличныя поэтическія картины. Книга какъ-то раскрылась сама собою и я вижу на страницѣ двадцать восьмой описаніе примѣрно умѣреннаго и воздержнаго образа жизни автора: онъ говоритъ, что обѣдъ его *коротокъ*; что столъ его *устроенъ здоровой прелестью* сельскихъ произведеній, что на столѣ у него *винъ* ни какихъ нѣтъ. Такъ значитъ я сказалъ правду, что воспѣваніе разгуля, вина — только система, школа, только слѣдствіе ложнаго понятія о поэзіи. Виновать, конечно, не господинъ Языковъ, что у насъ пошло въ моду прославлять въ стихахъ разгулье и бутылку, до того что рѣшоманная часть изящной нашей словесности похожа на собраніе счетовъ изъ виннаго погреба: другіе, еще прежде его, подали несчастный примѣръ. Но онъ, при помощи своего несомнѣннаго таланта, болѣе всѣхъ впоследствии отличился на этомъ неблагодарномъ поприщѣ, и нынче онъ — глава школы, запѣвало цѣлаго хора. Критика обязана всѣмъ своимъ арсеналомъ вооружиться противъ дурнаго вкусу и дурнаго тону, распространяемыхъ въ русской поэзіи этими новаго роду Анакреонами, и мы надѣемся, что они, примѣтивъ наконецъ скуку, которую наводятъ,

не заставляют критики еще разъ повторять имъ вполне заслуженный упрекъ.

Что касается до «Новыхъ стихотвореній» господина Языкова, то мы думаемъ, что автору не слѣдовало печатать ихъ ни въ какомъ случаѣ. Хорошихъ стиховъ — тутъ много: но кто же нынче не пишетъ хорошихъ стиховъ!... поэзія же нигдѣ ни слѣда нѣтъ. Самую счастливою страницю всего тома показала намъ первая половина посланія къ графу В. А. Соллогубу, и мы приведемъ ее, съ условіемъ остановиться на томъ мѣстѣ, съ котораго хорошей вкусъ читателей далѣе одобрить не можетъ. Оно приведено до стиха:

Освѣтитъ мирный нашъ досугъ. (ч. II. с. 171—172).

Есть тутъ еще русскія сказки въ стихахъ. Къ чести ихъ должно сказать, что дѣйствующія лица не занимаются ни бражничаніемъ, ни гурьбою: но онѣ не умножаютъ поэтической славы автора ни своимъ содержаниемъ, ни складомъ.

VIII. МОСКВИТЯНИНЪ НА 1846. № 12.

Воспоминанія о Н. М. Языковѣ.

И Языкова нашего не стало! 26-го Декабря, въ 6 часу вечера, испустилъ онъ послѣдній вздохъ свой, непримѣченный никѣмъ: окружавшіе думали, что онъ только уснулъ. Такъ тихо и мирно прекратилась эта простая, чистая, младенческая жизнь, изъ временъ патриархальныхъ случайно разцвѣтшая среди нашей тревоги, суеты и нестроенія. Мы знали, что онъ не жигецъ на землѣ, что жестокая, закоренѣлая болѣзнь всякую минуту грозитъ ему опасностію; но все намъ не хотѣлось вѣрить, что онъ разстался съ нами такъ

скоро! Блѣдный, согбенный, изнеможенный, съ тусклыми взорами, со впалыми щеками, съ поникшей головою, онъ все еще, казалось намъ, могъ прожить дольше....

А помните ли вы Языкова, въ блистательное его время, въ тридцатыхъ годахъ, въ Москвѣ, когда онъ, бывало, среди дружеской бесѣды, возвеселившемся сердцу, свѣжій и румяный, въ русыхъ кудряхъ, украшенный цвѣтами, поднявъ голубыя глаза къверху, начиналъ произносить свои стихи, полные жизни и силы, пламенные, громозвучные; и вся шумная бесѣда умолкала около восторженнаго поэта, и, притаивъ дыханіе, слушала его вѣщую пѣснь; казалось, это юный Вакхъ въ лавровомъ вѣнцѣ, сіяющій и радостный, поетъ, возвращаясь изъ Индіи....

И все прошло, все миновалось! О, какъ кстати напомнилъ намъ недавно проповѣдникъ, одинъ изъ остающихся у насъ дорогихъ людей, слова Пророка: «Всякая плоть сѣно, и всякая слава человѣча, яко цвѣтъ травный. Изсше трава и цвѣтъ отпаде, глаголь Бога нашего пребываетъ во вѣки». * — Къ этому-то глаголу, въ послѣдніе годы своей жизни, любилъ обращаться Языковъ, читалъ часто Библію, и передавалъ ея святыя истины въ стихахъ, напоминавшихъ его лучшее время.

Когда его упрекали, зачѣмъ онъ не пишетъ больше,—некогда, отвѣчалъ онъ, надо думать о смерти. За два дня до кончины, среди горячки, въ ясную минуту возвратившагося сознанья, вдругъ обратился онъ къ людямъ, стоявшимъ около его смертнаго одра и спросилъ твердымъ голосомъ, вѣруютъ ли они воскресенію

* Слово огласительное въ нед. Сыропустн. См. № 9 Москвитянина.

мертвыхъ. Ночью, въ бреду уже, поднимался онъ и рвался безпрестанно къ образу.

Одно только чувство оживляло его годы. Это любовь къ отечеству. Отечество, Святую Русь, любилъ онъ всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею и всею мыслию своею. Всякій трудъ, въ славу его совершенный, всякое открытіе, обѣщавшее какую-нибудь пользу, всякое извѣстіе, которое возбуждало надежду того или другаго рода, принималъ онъ къ сердцу, и радовался какъ ребенокъ. Характеръ Русскаго народа уважалъ онъ больше всего; Русскій умъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, Русскій толкъ, превосходство предъ другими народами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — составляли его единственную гордость. Ничѣмъ нельзя было принести ему столько удовольствія, даже во время его болѣзни, какъ разказами о нашихъ крестьянахъ, солдатахъ, матросахъ. Онъ развеселялся, зажмуривалъ глаза, хохоталъ, и наконецъ махалъ руками въ знакъ того, чтобъ дали ему отдохнуть.

Съ такимъ духомъ ему, разумѣется, были противны нѣкоторые новые толки о Русской жизни; о Русской Исторіи, появившіеся въ Петербургскихъ журналахъ и нашедшіе нѣсколько отголосковъ въ Москвѣ. Чуть только болѣзнь ему отпускала нѣсколько, онъ хватался за свой грозный лукъ, натягивалъ тугую тетиву, налагалъ каленую стрѣлу, и пускалъ, но не прицѣливаясь. Нѣтъ — гнѣвъ его былъ отвлеченный, безцѣльный, и напрасно сердились на него нѣкоторые.

Что сказать о жизни Языкова? Біографія его вся сполна въ его стихотвереніяхъ. Родился онъ на Волгѣ, около Симбирска, въ восемьсотъ первыхъ годахъ. Учился сперва въ Горномъ Корпусѣ, а потомъ въ Дерптѣ

Тамъ собрался было онъ сдѣлаться камералистомъ, но музы увлекли его въ сторону совершенно противоположную.

Молодость его прошла шумно и радостно,—особенно любилъ онъ веселиться по вечерамъ, въ кругу друзей; но все прочее время велъ жизнь самую уединенную.

Недалеко отъ Дерпта, въ Псковской деревнѣ долженъ былъ тогда поселиться Пушкинъ. Поэты сошлись и провели вмѣстѣ много прекрасныхъ часовъ, подарили намъ много прекрасныхъ стиховъ.

Изъ Дерпта переѣхалъ онъ въ Москву, въ 30 годахъ, какъ я сказалъ выше, отложивъ уже всѣ житейскія попеченія; здѣсь занялся онъ Русскою Исторіею и Русскимъ языкомъ, читалъ и пѣлъ, принимая впрочемъ живѣйшее участіе во всѣхъ литературныхъ происшествіяхъ.

Въ Москвѣ онъ занемогъ, и уѣхалъ къ себѣ въ деревню на родину наслаждаться тишиною, которую онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. «Я теперь нахожусь»—такъ писалъ онъ однажды оттуда ко мнѣ—«въ Армядиныхъ садахъ: тишина возлюбленная, уединеніе сладостнѣйшее, приволье въ высочайшей, прекраснѣйшей степени—все есть у меня, и я дѣйствую. Жди отъ меня чего-нибудь большаго, если не великаго...»

Но болѣзнь не покидала его, и заставила наконецъ искать помощи на водахъ въ чужихъ краяхъ. Скрѣпя сердце, уступая совершенно необходимости и требованію родныхъ и друзей, оставилъ онъ отечество. Прожилъ лѣтъ пять въ Ганау, Ниццѣ, на озерѣ Комо, но душа его была въ Россіи, и онъ выражалъ свою грусть, свою скуку, свою тоску по отчизнѣ, въ прекрасныхъ элегіяхъ, печатанныхъ въ Москвитянинѣ. Наконецъ

терпѣнія его не достало: не съ исцѣленною, а съ задержанной болѣзнію воротился онъ въ Москву, и отдался попеченіямъ своего Дерптскаго товарища, Профессора Ивоземцова, который поддерживалъ его въ продолженіи четырехъ лѣтъ, и онъ, по временамъ, чувствуя себя хорошо, писалъ еще стихи, стоившіе ему однакожь очень дорого, потрясавшіе весь организмъ его. Священное писаніе, Русская Исторія и старыя любезныя знакомства, были предметами этихъ лебединныхъ пѣсней, въ которыхъ надо удивляться иногда силѣ юншества, соединенной съ зрѣлостію мужества. Землятресеніе, Самсонъ, на открытіе памятника Карамзину, принадлежать къ лучшимъ его стихотвореніямъ.

Въ половинѣ Декабря къ постоянной болѣзни его присоединилась горячка. Первые признаки казались всѣмъ ничтожными, но Языковъ былъ увѣренъ, что умретъ, и съ самаго начала хотѣлъ исполнить христіанскій долгъ. Горячка усилилась, часто впадалъ онъ въ безпамятство, и на тринадцатый день скончался. Пришедъ однажды въ себя, дня за два до смерти, заказалъ онъ повару обѣдъ ко дню своихъ похоронъ, назначилъ самъ всѣ блюда и вина, приказалъ пригласить всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ.

Отпѣваніе тѣла было 30-го Декабря въ церкви Благовѣщенія на Тверской. Приходскій священникъ, Магистръ Ефимьевскій, сказалъ слово, простое и приличное, мѣстами очень трогательное и назидательное.

Погребенъ Языковъ въ Даніловѣ Монастырѣ, подлѣ племянника своего, молодого Валуева (котораго мы лишились въ прошломъ году), близъ Венелина.

Имя Языкова останется навсегда украшеніемъ Русской Словесности. Нелѣпыя толки объ его стихотворе-

ніяхъ, распространенные въ послѣднее время людьми пристрастными и легкомысленными, позабудутся скоро, и *златокованный* стихъ его, которому завидовалъ Пушкинъ, который уважаетъ высоко Жуковский, возгремить еще громче, заблещаетъ еще ярче, чѣмъ прежде, къ наслажденію и гордости всѣхъ истинныхъ друзей Русской Словесности.

31-го Декабря, 1846.

М. Погодинъ.

Помянемъ покойнаго одною изъ лучшихъ его пѣсень, гдѣ изобразилъ онъ намъ русскаго *поэта*, и вмѣстѣ передалъ многія собственныя свои черты.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье и проч. (ч. II. с. 6).

IX. МОСКОВСКІЙ ГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ 1847 Г. № 6, 7.

Николай Михайловичъ Языковъ.

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ, и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями,
Онъ красоту боготворилъ душой.
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харить, вино, и дружбу, и покой.

Блаженъ, кто зналъ разумное веселье,
Чья жизнь была свободна и чиста....

Эти стихи оправдались уже о томъ, кто писалъ ихъ. Еще свѣжая могила на кладбищѣ русской поэзіи: она приняла Языкова. 26 Декабря, въ 5 часовъ пополудни, скончался онъ. ятнадцатилѣтняя болѣзнь истощила его силы; послѣдняя же, нервная горячка, прекратившаяся его дни, была кратковременна. 30 Декабря погребли его въ Даниловѣ монастырѣ, между Венелинымъ и

племянникомъ, его Валуевымъ, котораго въ прошломъ году, наканунѣ того же дня, мы проводили въ ту же могилу.

Н. М. Языковъ принадлежалъ къ младшему поколѣнію поэтовъ, слѣдовавшихъ за Пушкинымъ, и вмѣстѣ съ немногими избранными владѣлъ тайною того русскаго стиха, который звучалъ по преданію отъ лиры Ломоносова. Ему открыта была, говоря его же словами, музыка мыслей и стиховъ. Муза его, «муза лиры», была «радостью» его многострадальной «жизни», «другомъ» его «свободы».

Симбирскъ, родина Карамзина, (??) Дмитріева и многихъ другихъ даровитыхъ умовъ и писателей нашихъ, былъ родиною Языкова. Тамъ, гдѣ

Волга, какъ море, волнами шумить,

провелъ онъ первое время своей жизни до 11 лѣтъ. Рѣка шумомъ волнъ своихъ, конечно много участвовала въ первыхъ впечатлѣніяхъ поэта, и отозвалась послѣ въ гармоніи стиховъ Ніагарскаго Водопада, двухъ пловцовъ, Пѣсни разбойниковъ, картины самой Волги, сравнительно съ Рейномъ, и той строфы, которую прочли выше. По царству и рѣка, сказалъ поэтъ; по родной рѣкѣ его было и широкое раздолье его громозвучнаго слова.

Одинадцати лѣтъ Языковъ былъ отданъ въ горный институтъ въ Петербургѣ, гдѣ воспитывались его братья. Одинъ изъ нихъ вынесъ богатые плоды изъ этой школы, и получилъ въ геологіи европейскую извѣстность. Но у поэта сердце не лежало къ такимъ занятіямъ. Его влекло другое. Русскую словесность преподавалъ въ горномъ институтѣ Алексѣй Дмитріевичъ Марковъ. Его надзору ввѣрено было первое воспита-

ніе Языкова. Марковъ заставлялъ его переписывать стихи Ломоносова и Державина: другихъ поэтовъ онъ не зналъ. Вотъ гдѣ была первая школа Языкова; вотъ откуда вышелъ его мужественный стихъ. Благодарный поэтъ двумя стихотвореніями прославилъ память своего учителя. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ перваго:

О! мнѣ ль забыть тебя! какъ сына... (см. н. изд. стр. 123. ч. I.)

Заведеніе требовало математическихъ наукъ. Къ нимъ Языковъ не имѣлъ охоты. Но необыкновенная память и даръ соображенія изумляли всегда учителей Языкова, когда приходили экзамены. Кончивъ шестилѣтній курсъ ученія въ горномъ институтѣ, поэтъ провель еще годъ въ инженерномъ корпусѣ. Но эти занятія еще менѣе привлекали его. Года съ полтора жилъ онъ въ Петербургѣ на волѣ. Тогда обнаружился его поэтической даръ. Изъ литераторовъ А. Ѳ. Воейковъ первый замѣтилъ Языкова, и пришелъ въ восторгъ отъ его стиховъ, которые и помѣстилъ въ «Соревнователѣ». Съ рекомендательными письмами Воейкова отправился Языковъ въ Дерптъ. На чужбину привезъ онъ горячую любовь къ родинѣ, которая тамъ вспыхнула еще сильнѣе. Отсюда, съ 1823 года, * начинаются стихи, признанные самимъ поэтомъ въ собраніи его стихотвореній. Первое вдохновеніе посвящено родинѣ, первые звуки о ней: (см. Чужбина).

Вы, холмы, лѣса, поляны,
Скаты зланныхъ береговъ
И старинные курганы,

* Не съ 1823, а съ 1822-го начинаются стихи Яз., признанные самимъ поэтомъ: піеса «Моя родина», помѣщенная въ кн. ххvi. с. 204 *Новостей Литературы*, 1822 г. съ подписью: Дерптъ, н. 23-го, 1822, перепечатана безъ перемѣны въ собраніи стихотвореній 1833 г. *Прим. Изд.*

Память смѣлыхъ праотцовъ . . .

 Вашъ пѣвецъ въ чужбинѣ дышитъ,
 И одинъ во цвѣтѣ дней,
 Долго, долго не услышитъ
 Пѣсень волжскихъ рыбаей.

Въ Дерптскомъ уединеніи поетъ онъ Ломоносова, Державина и Жуковскаго, которые питали его молодую музу. Здѣсь на чужбинѣ въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ чистой души своей, онъ написалъ молитву, въ которой, передъ новымъ поприщемъ, какъ русскій человѣкъ, помолился онъ вотъ о чемъ:

Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
 Приду къ таинственнымъ вратамъ,
 Какъ Волги валъ бѣлоголовый,
 Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

Два года жилъ онъ у того профессора Борга, который, первый, посредствомъ прекрасныхъ переводовъ, познакомилъ Нѣмцевъ съ лучшими произведеніями русской поэзіи. Домъ Протасовыхъ, Жуковскій, дружеское окруженіе, лекціи университета составляли тотъ несложный міръ, въ которомъ онъ прожилъ шесть лѣтъ. Благодарно воспѣлъ онъ свои Ливонскія Аѳины, въ которыхъ «подъ чуждымъ небомъ, гулялъ»

Студентъ и русскій человѣкъ . . .
 Студентъ свободно бездипломной . . .

Изъ всѣхъ наставниковъ своихъ онъ воздалъ особенную хвалу и славу «мужу государственныхъ наукъ», профессору Дабелову, который въ Германіи принадлежалъ къ смѣлой оппозиціи противъ Наполеона. Вотъ стихи, которыми запечатлѣлъ онъ память своей дерптской жизни:

Тамъ быстро жизнь его младая,
Разнообразна и свѣтла,
Лилась; тамъ дружба удалая,
Его уча и одобряя,
Своимъ пророкомъ назвала,
И на добро благословляя,
Цвѣтущимъ хмѣлемъ украса
Веселость гордаго чела.

Среди ученой молодежи Дерпта, полунѣмецкой, полурусской, Языковъ представлялъ русскую мысль и русское слово. Его пѣснями оглашались веселыя бесѣды товарищей, а первую мыслию этихъ пѣсень была родина:

Изъ страны, страны далекой (см. н. изд. ¹ ч. стр. ¹⁰⁶ 276. Пѣсня).

Когда товарищи его отправлялись за границу искать науки для того, чтобы внести плоды ея въ нѣдра отечества, онъ изъяслялъ одному изъ нихъ желаніе:

Да тамъ, откуда съ давнихъ поръ

(см. н. изд. ч. II. стр. 273. А. Н. Степанову).

Здѣсь-то на чужбинѣ раскрывалась вся сила его стиха. Лучшую часть вдохновеній своихъ посвящалъ онъ отечеству и его историческимъ воспоминаніямъ; но тогда же раздались и тѣ чудные стихи, которыми воспѣлъ онъ Ливонію.

Недоброхоты поэта ославили его дерптскую жизнь и удалое разгулье его юной, свободной музы. Недоброжелательствомъ ускоряя свои заключенія, они представляли публикѣ поэта Богъ знаетъ какимъ кутежникомъ. Дѣло въ томъ, что говорливая муза Языкова клепала на него многое. Русскій человѣкъ любитъ иногда прослыть удачнымъ, хоть будетъ и очень смиренъ на дѣлѣ.

Фарисейство не въ характерѣ русскаго человѣка, скорѣе противное. Не отказывался Языковъ отъ дружеской чаши, но умѣренно было его веселье, цѣломудренна бесѣда. Всего болѣе радовался онъ тому, что его звучная пѣсня оглашала пиры его товарищей и жарче вина согрѣвала ихъ юныя души.

Въ это время Пушкинъ узналъ Языкова. Часто, проводя лѣто въ помѣстьѣ пріятеля своего А. Н. Вульфа, Языковъ оттуда навѣщалъ и Пушкина въ его Тригорскомъ уединеніи. Тогда старшій представитель новаго поколѣнія поэтовъ создавалъ Бориса Годунова и Полтаву. Языковъ живописными стихами нарисовалъ ландшафтъ Тригорскаго. Памятно мнѣ, какъ Пушкинъ въ 1826 году привезъ это стихотвореніе въ Москву, и съ восторгомъ читалъ его намъ. Чувства свои онъ выразилъ въ посланіи къ Языкову. Онъ сказалъ ему, что Ипокрена его

... не холодной льется влагой,
 Но пѣнится хмѣльною брагой;
 Она разымчива, пьяна,
 Какъ сей напитокъ благородный,
 Сліянье рому и вина,
 Безъ примѣси воды негодной
 Въ Тригорскомъ жаждою свободной
 Открытый въ наши времена.

Пушкинъ кланялся стиху Языкова. Въ Полтавѣ и другихъ пропзведеніяхъ можно замѣтить даже Языковское вліяніе, въ отношеніи къ силѣ слова и теченію разсказа. Вспомниая о бесѣдахъ двухъ поэтовъ, нельзя не припомнить и няни Пушкина, которая снаряжала имъ деревенскую трапезу, и угощала ихъ

Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ.

Языковъ почтилъ память Васильевны * двумя стихотвореніями.

Въ 1829 году поэтъ былъ уже въ своей любимой Москвѣ. Съ нею раздѣлилъ опасности холеры и въ торжественномъ хорѣ воспѣлъ избавленіе города отъ этого бѣдствія. Мысль объ отечествѣ, любимая мысль всей жизни его на чужой сторонѣ, олицетворилась передъ нимъ въ нашей столицѣ, и онъ такъ ее выразилъ:

Я здѣсь! Да здравствуетъ Москва!
 Святѣмъ сіяніемъ горять!» (ч. II. стр. 39. «Ау»).

Москва своею религіозною мыслію, строгимъ характеромъ своей жизни и своихъ нравовъ дала другое направление мужавшей лирѣ поэта. Ужъ не дерптскій разгулъ слышится въ стихахъ его. Здѣсь подъ благовѣсть московской святыни, раздаются подражанія псалмамъ.

Кому, о Господи! доступны
 (см. н. изд. ч. II. стр. 7. «Подражаніе псалму хlv»).

Здѣсь такъ высоко и свято сознается поэтомъ назначеніе поэта:

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье
 И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
 (см. н. изд. ч. II. стр. 6. «Позту»).

Въ Москвѣ отозвалась и память Волги полновзвучными стихами Водопада и Пловца:

Море блеска, гулъ, удары,
 И земля потрясена; (см. н. изд. ч. II. стр. 5. «Водопадъ»);
 Воютъ волны, скачутъ волны!
 До
 Отшибаяся назадъ! (см. н. изд. ч. II. стр. 14. «Пловецъ»).

* Родіоновной, а не Васильевной звали няню Пушкина. *Прим. издат.*

Къ этому времени, къ 1831 году, относится вступленіе Языкова въ службу. Вотъ документъ, который содержитъ его недлинный послужной списокъ.

Записка о канцеляриствѣ Языковѣ.

«Канцеляриствъ Николай Языковъ поступилъ въ канцелярію Главнаго Директора Межевой Канцеляріи 1831 года Сентября 12-го; 1832 года Сентября 17-го за № 1,757 представлено бывшимъ главнымъ Директоромъ, г. Сенаторомъ Гермесомъ, г-ну Министру Юстиціи о награжденіи его, Языкова, чиномъ Коллежскаго Регистратора, а 18-го Ноября 1833 года, онъ, Языковъ, уволенъ по прошенію отъ службы.»

Тогда-то, по собственнымъ его словамъ, въ посланіи къ Князю П. А. Вяземскому,

Уже чиновникъ русской службы,
Онъ родину свою и пѣлъ, межевалъ. . . .

Въ это же время, а именно въ 1833 году, онъ сослужилъ настоящую службу своему отечеству томомъ изданныхъ имъ стихотвореній.

Въ Москвѣ началась болѣзнь Языкова. Но здѣсь онъ почти выздоровѣлъ и поѣхалъ на родину въ Симбирскъ, уже не больной, хотя и не совсѣмъ здоровый. Тамъ она усилилась и уже не покидала его до конца жизни. Въ свѣтлыя минуты отдыха отъ тяжкаго недуга онъ писалъ посланія къ друзьямъ и поэтамъ, изъ которыхъ особенно одно, къ Д. В. Давыдову, блестящею всею роскошью стиха его. Тогда же онъ перелазгалъ въ сцены народную Сказку о Жарь-Птицѣ, которая вопиѣ не была никогда напечатана, а отрывками находится въ его новыхъ стихотвореніяхъ. Болѣзнь принудила поэта разстаться опять съ отечествомъ. Эта разлука была тяжела для его любящаго сердца. Ницца морскою волной оживила его силы: онъ первую ее и

прославилъ. Потомъ изъ чужбины началъ стихами перекликаться съ друзьями по сердцу и поэзи. Пѣлъ онъ красоты горъ, но сыну степей и долинъ было душно въ ихъ области :

А горы да горы : онъ такъ и давятъ
Мнѣ душу, суровыя : словно заставляютъ
Онъ мнѣ желанный на родину путь !

Въ драматическихъ сценахъ передавалъ онъ живыя бесѣды русской молодежи, кочующей за границую, но здѣсь обнаружилось, что онъ неспособенъ былъ къ драмѣ. Ница, Гастуна и Рейнъ всего болѣе отзываются въ его заграничныхъ напѣвахъ. Первые двѣ содѣйствовали нѣсколько къ восстановленію его здоровья. Второй напомнилъ ему дерптское житье-бытье.

Лучшее его стихотвореніе къ Рейну; но воспѣвая Рейнъ, онъ переносится мыслию къ родной Волгѣ и ея даницамъ. Всѣ онъ привѣтствуютъ князя многихъ рѣкъ. Волга начинается :

А Волжанинъ, тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
Великъ, прекрасенъ ты ! Но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже, быстрая, и шире, голубая !
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда поднимется погодка верховая
И бѣлый валъ заговоритъ !

За Волгою слѣдуютъ Ока, Сура, Свіяга, Кама, Самара, Черемшанъ, Иргизы и Сызранъ. Каждая изъ рѣкъ имѣетъ свой характеръ; каждая своимъ особливимъ теченіемъ разливается въ звучныхъ стихахъ его. Но главная мысль этой дивной гораціанской оды есть та, что здѣсь живое чувство любви къ родному сли-

лось съ прекраснымъ, благороднымъ, теплымъ сочувствіемъ къ образованной чужбинѣ. Заклучивъ привѣты отъ родныхъ своихъ рѣкъ, Волжанинъ продолжаетъ:

Теки со славою,
Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки!
Блистай, красуйся, Рейнъ! да ни грозы военной,
Ни пѣсенъ радостныхъ врага
Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенной
Твои покоитъ берега!

Того русскаго великодушнаго чувства, которое дышитъ въ этихъ стихахъ, не замѣтило близорукое пристрастіе враговъ Языкова, придиравшихся къ его русскимъ поговоркамъ и шуткамъ о нѣмечинѣ, да еще о томъ

Какъ Нѣмецъ, скользкою дорогой,
Идетъ, съ подскокомъ, жидконогой —
И баць да баць на гололедь!
Краснорѣчивая картина
Для русскихъ глазъ! Люблю ее . . .

Другой возрастъ, другое время, страданія жизни отзывались иными думами, иными чувствами въ струнахъ поэта. Когда жилъ онъ въ Ницѣ, корабль привезъ свѣжую малагу съ ея настоящей родины. Струя густаго вина, которой онъ не пилъ по запрещенію доктора, внушила ему такіе стихи:

Остепеняють насъ и учатъ насъ замѣтно (см. н. изд. ч. II. стр. 158).

Но ни Гастейнъ, ни Ница, ни Швальбахъ не могли возстановить разрушенныхъ силъ его. Желаніе влекло на родину. Душа, думая объ ней, забывала о тѣлѣ, которое въ чужбинѣ, тревогой духа, страдало еще болѣе. Поэтъ запѣлъ:

«Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался (см. н. изд. ч. II. стр. 213).

Послѣднее время жизни своей Языковъ оставался вѣренъ Москвѣ. Здѣсь боролся онъ еще съ болѣзнію, но эта борьба улаживалась дружкой бесѣдою, искреннею радостью объ умственномъ развитіи въ Москвѣ, и мыслію, что если ужь умереть онъ, такъ на родинѣ. Рука его растворялась щедро на все доброе: сердце его веселила всякая мысль на пользу науки, словесности, отечества. Въ свѣтлые отдыхи отъ недуга, онъ дарилъ стихами друзей своихъ. Особенно одушевлено его посланіе къ А. Д. Хрипкову, ландшафтному живописцу, котораго Языковъ особенно умѣлъ цѣнить въ Москвѣ. Въ его домѣ художникъ переводилъ на полотно природу Кавказа, а поэтъ переносилъ красоту живописца въ свои стихи:

Созданія твои плѣнительны, блистая
Живымъ изяществомъ труда;

(см. н. изд. ч. II. стр. 251).

Всѣ коренныя убѣжденія его жизни, которыя постоянно повѣрялъ онъ своей музѣ отъ самыхъ первыхъ ея пѣсень, живѣе проснулись въ немъ среди умственного движенія московской атмосферы. Увлекаемый силою ихъ искренности, можетъ-быть, иногда онъ выражалъ ихъ съ излишнею горечью; но тѣ, которые благородно цѣнятъ человѣка выше какой бы то ни было умственной односторонности, уже помирились съ нимъ. Только односторонность, ограниченная и потому безъ границы пристрастная, не можетъ знать примиренія, и способна мстить памяти человѣка даже и за гробомъ.

Одно изъ послѣднихъ вдохновеній Языкова было посвящено Карамзину въ то время, когда на общей (??) ихъ родинѣ воздвигался памятникъ историографу. За годъ до кончины, не смотря на страданія, поэтъ какъ будто

собрать всё прежнія живыя силы своего духа и стиха для такого торжественнаго случая. Это истинно монументальная ода, пиндарическое созданіе русской лиры, гдѣ мысль о воздаяніи за подвигъ гражданскій и литературный облечена въ спокойное величіе самаго яснаго сознанія.

Въ Москвѣ же въ послѣднее время, со струнъ лиры Языкова слыньѣе, чѣмъ когда нибудь раздалсь тѣ высокія пѣсни, которыхъ слабое начало сказалося еще въ дерптской Молитвѣ, но слыньѣе раскрылось въ первыхъ московскихъ стихотвореніяхъ. У всѣхъ истинныхъ поэтовъ Россіи въ глубинѣ души живетъ завѣтное, тайное чувство, которое связываетъ ихъ съ основою народной жизни. Какъ бы ни засорилось оно, какъ бы ни утанлось подъ спудомъ всякихъ вліяній и всякихъ наростовъ, живущее и сильное, рано или поздно, пробивается оно сквозь всё слою жизни. Еще свѣжее, принятое отъ древней наши Руси, настроило оно первыя пѣсни Ломоносова и Державина: отозвалось на лиру Жуковскаго, а въ прелюди къ Наю и Дамаянти обнаружилось яснѣе; благоговѣйно настроило предсмертные звуки незабвеннаго Пушкина. Оно же гремитъ громомъ и въ послѣднихъ произведеніяхъ Языкова, обѣщая какую-то чудную, новую поэзію. Таковы его Землетрясеніе и Самсонъ.

Есть священное преданіе въ нашей церкви, что во время страшнаго землетрясенія, колебавшаго Византію, когда царь, сенатъ, синклитъ и народъ молились передъ алтаремъ объ избавленіи, невидимая сила подняла отрока къ небесамъ, и онъ услышалъ горнюю пѣсню Святъ, Святъ, Святъ! — и принесъ ее на землю, и ею спасена была Византія. Поэтъ передалъ вдохновен-

ными стихами это преданіе — и такъ обратился къ самому себѣ:

Такъ ты, поэтъ, въ минуту страха. (См. н. изд. ч. II. стр. 248).

Здѣсь Языковъ возвращалъ поэзію къ истинному ея началу, къ первому ея источнику. Какую глубокую думу думалъ поэтъ, когда совершалось въ немъ послѣднее его вдохновеніе, когда онъ своимъ могучимъ стихомъ изваялъ Сампсона, утратившаго силу свою отъ того, что

Его соблазнили Далиды прекрасной (см. н. изд. ч. II. стр. 288.).

Въ послѣдніе дни, передъ самою смертію, дума вѣры много его занимала. Слегши въ постелю, онъ предчувствовалъ, что умретъ. По собственному желанію, совершилъ послѣдній долгъ Христіанина. За три дни до смерти, утромъ, созвавъ домашнихъ, говорилъ съ ними о воскресеніи мертвыхъ. Необыкновенная память не покидала его почти во все время. Искры ея замѣтны были въ самомъ бреду горячки. На одрѣ смертномъ онъ пѣлъ и читалъ стихи. Ему грезилось любимое занятіе жизни. Русское хлѣбосольство — также черта его характера — видно въ послѣднихъ его распоряженіяхъ. Онъ заказалъ всѣ блюда похороннаго своего обѣда, и поручилъ брату пригласить друзей его и знакомыхъ. За часъ до кончины бесѣдовалъ съ врачомъ своимъ, и уснулъ вѣчнымъ сномъ, незамѣтно для его окружающихъ. Когда кончились страданія жизни, и представило лицо Языкова во всемъ величавомъ спокойствіи смерти, тогда обозначились настоящія черты его, которыя искажала болѣзнь. Выпрямилось высокое чело — и особенно значительны были широкія, полныя уста его. Мысль, что эти уста, въ которыхъ создавался полнозвучный

его стихъ, смежились на вѣки безмолвіемъ, тяжело-грустна была не только для ближнихъ его, но и для всѣхъ, кто любилъ русское слово, поэзію, и дорожить славою отечества.

Душа чистая, безобидная, любящая, жила въ этомъ тѣлѣ. Мягкая кротость была главною чертою въ его характерѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые могутъ быть только жертвами другихъ. Какъ часто, страдая болѣзнію въ Ганау, онъ уменьшалъ ея признаки передъ своимъ престарѣлымъ врачомъ для того только, чтобы не огорчить его. Утромъ, пробужденный недугомъ, боялся потревожить сонъ слуги. Въ самыхъ сильныхъ припадкахъ болѣзни не зналъ хандры и сохранялъ ясное спокойствіе духа. Въ сношеніяхъ дружескихъ никогда не питалъ ни къ кому сомнѣнія. Чистоту собственной души всегда видѣлъ и въ другихъ. Всякій близкій могъ завладѣть и его добромъ и имъ всѣмъ, кромѣ его убѣжденій. Въ нихъ только сосредоточивалъ онъ всю крѣпость характера — и въ отношеніи къ нимъ

. неизмѣненъ жизни новой
 Пришелъ къ таинственнымъ вратамъ,
 Какъ Волги валъ бѣлоголовой
 Доходитъ цѣлый къ берегамъ.

Жизнь Языкова не богата внѣшними событіями, а между тѣмъ рѣдко найти другаго поэта, у котораго всякое стихотвореніе было бы плодомъ прожитой минуты, какъ у Языкова, въ которомъ человекъ и поэтъ такъ тѣсно были бы связаны. Біографія его, которую излагалъ я его же стихами, служитъ лучшимъ оправданіемъ этой мысли. Всякое стихотвореніе его было данью прекрасной души его, приношеніемъ его доброхотства

поэтамъ, добрымъ людямъ и друзьямъ за все прекрасное, святое и любовное, отечеству и его исторію за все великое и славное, жизни за ея дары, любезные намъ и въ самыхъ страданіяхъ. Стихи свои подносилъ онъ всему, имъ любимому, какъ лучшій гостинецъ отъ щедрыхъ даровъ, которыми небо его надѣлило. Поэзія его была свѣтла и чиста: она не ссорилась съ жизнью и чуждалась разочарованія. Поэтъ самъ это выразилъ:

Я самъ постигнуть не могу, (См. н. изд. ч. I. стр. 74).

Главное и особенное достоинство поэзіи Языкова судьба сама какъ будто нарочно выразила въ его имени. Поэзія русскаго языка въ стихѣ была открыта ему до высшей степени совершенства. Это достоинство мало важно въ глазахъ тѣхъ недалководныхъ, которые едва ли понимаютъ, что такое языкъ, этотъ таинственный образъ всего народа, и вмѣстѣ съ нимъ готовы отвергнуть и самый народъ. Не такъ думали два мастера русскаго языка, Пушкинъ и Дельвигъ: они единогласно утверждали, что искусство слагать стихотворный русскій періодъ постигнуто было въ совершенствѣ однимъ Языковымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни у кого изъ поэтовъ русскихъ стихи такъ свободно не льются, и слова такъ покорно не смыкаются въ одно согласное и великое цѣлое, какъ у Языкова. Онъ движетъ ими, и строитъ ряды ихъ, какъ искусный полководецъ обширное воинство. Славу другихъ достоинствъ стихотворной поэзіи Языковъ раздѣлитъ съ другими, во многихъ уступить имъ, но это остается за нимъ правомъ безсмертной его собственности. Это вѣчная заслуга его, которой не отнять у него ни чье близорукое пристрастіе. Стихи Язы-

кова будутъ славою и радостью каждаго истинно-рускаго, говоря его же словами :

Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасной,
Пѣвучій и живой, звучить намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ.

Ст. Шевыревъ.

Х. ЯРОСЛАВСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ. 1850.

Нѣсколько словъ въ память Языкова.

Теперь, когда у насъ на берегу Волги затѣялось литературное дѣло, я вспомнилъ о тебѣ, незабвенный пѣвецъ Волги, давно уже почившій въ могилѣ, но бывшій нѣкогда славнымъ подвижникомъ поэтическаго труда! Я вспомнилъ, какъ ты любилъ все родное, какъ радовался успѣхамъ просвѣщенія русскаго, какъ любилъ добро... вспомнилъ — и мнѣ захотѣлось помѣстить имя твое на страницахъ, посвященныхъ благотворительности. Ты любилъ благотворить при жизни, пусть и по смерти твоей принесетъ какую нибудь пользу благородное воспомнаніе, которое ты оставилъ по себѣ, какъ человекъ и какъ поэтъ.

Языковъ не оставилъ богатыхъ матеріаловъ для своей біографіи въ томъ смыслѣ, какъ нѣкоторые привыкли понимать ее. Онъ не дѣйствовалъ ни на какомъ поприщѣ положительно, не служилъ, не занималъ публичныхъ мѣстъ; наконецъ не былъ въ жизни какимъ нибудь искателемъ приключеній, повѣсть которыхъ могла бы весело занять праздные умы. Нѣтъ! внѣшняя жизнь его была очень проста и обыкновенна; дѣятельность его была на поприщѣ мысли и слова. — на поприщѣ, правда, обширномъ, но эта самая многозна-

чительность жизни литературной заслоняетъ собою интересы частной жизни, такъ что факты послѣдней любопытны единственно по отношеніямъ къ первой. Можно узнать многое изъ жизни поэта по стихамъ его. Это особенно справедливо въ отношеніи къ Языкову, который рѣдко упускалъ случаи нарисовать свой портретъ, и рисовалъ его всегда очень вѣрно. Любовь, дружба, знакомства, пріятное и скучное препровожденіе времени, занятія, впечатлѣнія — все было предметомъ его восторженныхъ пѣсенъ. Это поэтическій памятникъ его бытія. Намъ остается только рассказать въ порядкѣ прозаическій ходъ его жизни, которой поэтическія стороны и внутреннее развитіе онъ превосходно передалъ самъ.

Николай Михайловичъ Языковъ родился въ 1806 г., (??) въ Симбирской губерніи, бывшей также родиною Дмитриева и Карамзина (??). Волга — «властительница русскихъ водъ» — прежде всего дала поэту понятие о красотѣ и о величій его отчизны. Сколько разъ потомъ онъ воспѣвалъ родимую свою рѣку прекрасными стихами, то выражая въ нихъ или благородныя чувства пламенной любви ко всему отечественному, или воспоминанія лучшихъ лѣтъ, проведенныхъ на родинѣ, то описывая кистью художника роскошныя картины Волжской природы. Вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, какіе бы различные предметы ни занимали его душу, всегда въ ней оставалось довольно мѣста для воспоминанія о милой Волгѣ. Такъ, въ Дерптѣ написалъ онъ извѣстную пѣсню:

Изъ страны, страны далекой
Съ Волги матушки — широкой
Ради сладкаго труда
Собралися мы сюда . . . и проч.

А въ 1840 году, находясь въ Ниццѣ, воспѣлъ онъ, съ удивительною вѣрностію въ описаніяхъ, первую рѣку Русскаго царства, въ стихотвореніи «къ Рейну».

Нѣтъ сомнѣнія, что роскошныя картины природы много дѣйствовали на душу отрока-поэта. Въ то время, вѣроятно, въ первый разъ запада въ грудь его искра поэтическаго огня. Этимъ обстоятельствомъ много объясняется та удивительная, рѣдкая любовь, которую поэтъ питалъ къ своей родинѣ до самой смерти. 12-ти лѣтъ отъ роду, Языкова привезли для образованія въ Петербургъ. Его опредѣлили въ Горный Корпусъ. Эстетическое чувство, волновавшее до сихъ поръ безсознательно свѣтлую душу юноши, получило теперь ясный, опредѣленный видъ, будучи образовано ученіемъ. Въ Петербургѣ Языковъ сталъ писать стихи, и предался поэзіи со всеѣмъ жаромъ юности, отъ этого вовсе охладѣлъ къ математическимъ наукамъ, составлявшимъ главную часть корпуснаго образованія, и не могъ продолжать курса. Годъ провелъ онъ въ Петербургѣ почти безъ всякихъ регулярныхъ занятій, а потомъ съ рекомендательными письмами Воейкова, перваго изъ литераторовъ, замѣтлившаго въ немъ талантъ, отправился въ Дерптъ, для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ. Это было въ 1823 году. Здѣсь начинается новая эпоха въ жизни Языкова. Шестъ лѣтъ (1823—1829), проведенныя имъ въ Дерптѣ пріятно и весело, пролетѣли, какъ одинъ весеній день. Въ продолженіи этого времени талантъ его достигъ полнаго развитія. Съ 1823 года (??) начинаются первыя его произведенія, появившіяся въ печати, и до 1829 года ихъ накопилось уже столько, что имя Языкова сдѣлалось тогда извѣстнымъ всякому, сколько нибудь занимавшемуся отечественной антературой.

Общество, въ которомъ жилъ поэтъ, безъ сомнѣнiя много содѣйствовало такому быстрому развитiю его таланта. Въ этомъ обществѣ было много хорошихъ молодыхъ людей, съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ Россiи въ Дерптъ для образованiя. Между всѣми ими существовала дружба, которою впрочемъ особенно отличался Языковъ. До конца жизни своей сохранилъ онъ свято это чувство, какъ первую драгоценность сердца, какъ лучшее сокровище, которымъ украшается земное бытiе. Всегда исполненный братскимъ расположенiемъ къ ближнему, онъ былъ счастливъ на взаимность. Онъ всегда имѣлъ добрыхъ друзей, и преждевременная его кончина была для многихъ предметовъ искренней печали.

Въ Дерптѣ Языковъ дѣлилъ время между ученiемъ, веселостями и стихами. Все, что только трогало душу поэта, находило немедленно отголосокъ въ его роскошной лирѣ. Съ какимъ чувствомъ прiѣхалъ онъ въ Дерптъ, какъ ревностно предался труду и уединенiю,— это можно видѣть изъ стихотворенiя «Мои пенаты», въ концѣ котораго поэтъ говоритъ:

Я не ищу фортуны,
Ни почестей мiрскихъ . . . (см. н. изд. ч. I. стр. 13).

Эти стихи вполнѣ выражаютъ лучшую, благороднѣйшую сторону характера Языкова. Любовь къ труду, къ поэзiи, къ уединенiю была бы постояннымъ его благомъ, если бы онъ поболѣе заботился о сохраненiи ея. Но всего удивительнѣе то, что онъ начерталъ себѣ такiя правила еще 17 лѣтнимъ юношею: стихотворенiе «Мои панаты» написано въ 1823 году.

Молодой человекъ съ талантомъ, подававшимъ такiя блестящiя надежды, обратилъ на себя вниманiе мно-

гихъ знаменитыхъ людей. Жуковский, проводившій въ тѣ годы лѣтнее время на дачѣ, близъ Дерпта, привѣтилъ молодаго дерптскаго поэта со всею искренностью своей прекрасной души, для которой, говоритъ Плетневъ, «появленіе всякаго новаго таланта составляетъ праздникъ».

Въ скоромъ времени Языковъ удостоился дружбы другаго кореннаго русской поэзіи, Пушкина. Послѣдній жилъ тогда въ деревнѣ своей матери, въ Михайловскомъ (Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда), и приглашалъ къ себѣ Языкова посланіемъ, начинающимся такъ:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ.
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ,
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ, близокъ я тебѣ!

Приглашеніе было принято съ удовольствіемъ, и два поэта, достойные другъ друга по талантамъ и характерамъ, пріятно провели вмѣстѣ лѣто 1826 года. Пушкинъ былъ тогда въ лучшей порѣ своей литературной дѣятельности. Въ уединеніи, неразвлекаемый докучнымъ свѣтомъ, онъ весь предавался творчеству своего разнообразнаго генія, посвящая свое время вдохновеннымъ трудамъ. Кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, нѣкоторыя главы Евгенія Онегина написаны въ Михайловскомъ; тамъ составленъ планъ и начертаны нѣкоторыя сцены Бориса Годунова. Все это дѣлало дружескія бесѣды поэтовъ очень интересными. Языковъ послѣ вспомнилъ о нихъ съ удовольствіемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Пѣвецъ Руслана и Людмиллы!
 Была счастливая пора,
 Когда такъ веселы, такъ милы,
 Неслися наши вечера!

Нерѣдко собесѣдницею поэтовъ являлась старая няня Пушкина, Васильевна (??), которую Языковъ въ послѣдствіи воспѣлъ въ двухъ стихотвореніяхъ. Последнее изъ нихъ написано имъ на кончину этой доброй старушки. Оно очень наивно и трогательно. Вотъ начало его:

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
 Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ (см. н. изд стр. 2. ч. II).

Лѣто, проведенное Языковымъ съ Пушкинымъ, прекрасно описано первымъ въ стихотвореніи «Тригорское». Кромѣ этихъ знакомствъ, Языковъ тогда сблизился еще съ барономъ Дельвигомъ и съ Баратынскимъ. Тотъ и другой постоянно сохраняли къ нему дружеское расположеніе, и нерѣдко выражали его въ звучныхъ стихахъ. Особенно извѣстенъ сонетъ Дельвига, исполненный предсказаній счастливой будущности юному поэту, предсказаній, которыя отчасти не сбылись.

Чтобы окончить краткое описаніе этого періода жизни Языкова, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о его дерптскихъ стихотвореніяхъ. Всѣ они носятъ на себѣ печать большаго таланта, главная сила котораго заключается не столько въ богатствѣ мыслей, сколько въ художественной обработкѣ языка. Какой бы предметъ ни послужилъ вдохновеніемъ поэту, онъ непременно представитъ этотъ предметъ вѣрно, свѣжо, ярко, поэтически. То, что у другаго породило бы самые скучные стихи, у Языкова порождаетъ самые занимательные. Все, до чего онъ ни коснулся перомъ своимъ, отъ

лучшихъ подвиговъ древнихъ русскихъ героевъ до игры въ свайку, отъ тризны на могилѣ Олега до студенческой пирушки, все у него блещетъ изящными, гармоническими формами. Но такое богатство языка не могло замѣнить бѣдности содержанія. Здѣсь видно поразительное сходство жизни Языкова съ его поэзіей. Какъ самъ поэтъ, по своей молодости, по восприимчивости юной, пылкой души, увлекался часто тѣмъ, что не стоило увлеченія: такъ и поэзія его воспѣвала иногда предметы, вовсе недостойные ея. Между первыми его стихотвореніями еще встрѣчаются нѣкоторыя замѣчательныя элегіи (на пр. «Скажи, воротись ли ты?» «Не улетай, не улетай» и др.), въ которыхъ поэтъ, настроенный къ высокой грусти, высказываетъ свѣтлыя задушевныя мысли въ звучныхъ стихахъ. Но эти благородныя начатки не имѣли продолженій. Чѣмъ болѣе поэтъ входилъ въ лѣта, тѣмъ болѣе вдавался въ окружающую его жизнь. Положимъ, что эта жизнь была такъ хороша, такъ увлекательна для юности, ибо обстановкамъ ея были всѣ роскошныя блага земли; но могла ли она доставить хорошіе матеріалы для поэзіи, при томъ взглядѣ на вещи, который имѣлъ тогда Языковъ? Вотъ вопросъ, на который отрицательный отвѣтъ даютъ почти всѣ тогдашнія его произведенія. Что въ нихъ? студенческія пирушки, гулянья, неясные порывы любви и тому подобныя предметы, часто заставляющіе жалѣть о ихъ выборѣ. Только тогда поэтъ достигалъ нѣкоторой свойственной себѣ высоты, когда почерпалъ вдохновеніе въ страницахъ русской исторіи, или когда рисовалъ картины природы. Прочее же, написанное имъ въ это время первой молодости его, восхищало только силою таланта, умѣвшаго поэтизировать все.

Самъ Языковъ чувствовалъ иногда пустоту такой

жизни. Въ 1829 году, собираясь ѣхать на родину, онъ говорилъ :

Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
Я просвѣтлѣю жизнью новой,
И гордо брошу свой лавровый,
Виномъ забрызганный вѣнецъ.

Но эти слова были сказаны не съ полнымъ еще убѣжденіемъ сердца. Въ другое время поэтъ, тревожимый грустью и, можетъ быть, тайнымъ предчувствіемъ грядущихъ страданій, краснорѣчивѣе выразилъ духовную потребность въ перемѣнѣ жизни:

Молю, святое Провидѣнье, (см. н. изд. ч. I. стр. 36).

Съ 1829 года Языковъ поселился въ Москвѣ. Онъ опредѣлился тамъ на службу въ Межевую Канцелярію. Москва всегда славилась своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ; стало быть, не трудно повѣрить, что молодого поэта (ему было тогда только 23 года) принимали вездѣ ласково, и что ему въ Москвѣ было очень хорошо. Къ тому же тамъ въ то время жили друзья его, — Пушкинъ и Баратынскій. Но кромѣ общества, кромѣ друзей, которые дѣлали для Языкова столицу столь любезною, она была драгоцѣнна его сердцу еще по священнымъ остаткамъ старины, по славнымъ воспоминаніямъ, тѣсно связаннымъ съ именемъ ея и драгоцѣннымъ въ исторіи нашего отечества, которое онъ такъ пламенно любилъ. Самъ онъ радъ былъ Москвѣ, какъ мирной пристани, въ которой надѣялся найти счастье и покой. Онъ привѣтствовалъ ее стихами, достойными своего предмета:

Я здѣсь, — да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои робныя;

Здѣсь наша матушка Россія
Семисотлѣтняя жива! и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ все вызывало поэта на духовную дѣятельность, согрѣвало сердце, вдохновляло умъ. Въ душѣ его родились новыя, болѣе возвышенныя мысли о назначеніи человѣка, о подвигѣ художника, о существенно-прекрасномъ на землѣ. Правда, иногда Языковъ измѣнялъ еще этимъ понятіямъ, и пѣвалъ подъ частъ на прежній ладъ; но все же плодомъ тогдашняго его образа мыслей осталось одно изъ его лучшихъ стихотвореній «Поэту», написанное въ 1831 году:

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье, (см. н. изд. стр. 6. ч. II.)

Въ Москвѣ начались черныя дни для Языкова. Въ концѣ 1831 года съ нимъ приключилась тяжкая болѣзнь, для которой онъ долженъ былъ оставить службу и уѣхать въ деревню. Въ первые годы своего несчастія больной страдалъ не такъ сильно, какъ послѣ. Тишина деревенской жизни, хорошей воздухъ, — все это хотя немного, успокоило его. Онъ даже писалъ изрѣдка стихи. Но въ этихъ стихахъ не узнавали уже прежняго Языкова. Только въ посланіи къ Давыдову талантъ его явился въ прежнемъ блескѣ.

Что же утѣшало поэта въ такомъ грустномъ состояніи? то же, что и прежде, — любовь къ поэзіи, къ труду, къ природѣ.

Вотъ что говоритъ онъ о своемъ тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ въ Языковѣ (имя деревни):

Какъ хороша весна! какъ я люблю ее
Здѣсь, въ сторонѣ моей родимой,
Гдѣ льется мирно и незримо
Мое привольное житье,

Гдѣ я могу такимъ покоемъ наслаждаться,
 Какого я не зналъ нигдѣ и никогда,
 И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
 Передъ свѣтильникомъ труда,—
 Гдѣ окруженъ его сіяньемъ величавымъ,
 Поникнувъ на руку безоблачнымъ челомъ,
 Я міру чуждъ, и радостямъ лукавымъ,
 И суетамъ, господствующимъ въ немъ!

Но несчастный поэтъ недолго наслаждался такою мирною жизнью. Болѣзнь его усиливалась постепенно, такъ что около 1839 года онъ принужденъ былъ расстаться съ послѣднимъ своимъ утѣшеніемъ, съ милой родиной, чтобы ѣхать къ минеральнымъ водамъ за границу.

Здѣсь-то наступила самая печальная пора въ жизни Языкова. Годы (1839—1844), проведенные имъ за границей, были годами мучительныхъ недуговъ, тяжелой скуки, томительной тоски по отчизнѣ. Въ 1840 году морскія купанья въ Ниццѣ много помогли больному; но болѣзнь его вскорѣ возвратилась опять. Въ бытность его въ Ганау, въ 1841 году, она достигла высшей степени. Престарѣлый врачъ, лѣчившій его тогда, не могъ найти средствъ для облегченія его. Тогда больной, видя безуспѣшность стараній медика, и не желая огорчить его объявленіемъ о томъ, сталъ скрывать свои страданія.

Послѣднимъ заграничнымъ пребываніемъ Языкова былъ Римъ, гдѣ жилъ тогда и Гоголь, замѣнившій для него умершихъ и оставленныхъ на родинѣ друзей. Въ Римѣ Языковъ приобрѣлъ любовь въ то время жившихъ тамъ русскихъ художниковъ, которые, разставаясь съ нимъ, подарили ему на память лагерротипъ, представляющій на одной картинѣ портреты всѣхъ ихъ, cadaго за своей работой. Языковъ, всегда

любившій искусство и художниковъ, съ благодарностію принялъ подарокъ своихъ римскихъ друзей, и возилъ его вездѣ съ собою.

За границей Языковъ писалъ много стиховъ, но всѣ они однообразны по содержанію, хотя замѣчательны по языку. Состояніе души поэта всегда давало тему его произведеніямъ; а такъ какъ самъ онъ въ то время постоянно былъ скученъ, печаленъ, разстроенъ духомъ: то и въ стихахъ его описывается эта самая скука въ чужихъ городахъ. Между произведеніями этого рода особенно трогательна одна элегія:

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался (см. н. изд. ч. II. стр. 213.)

По прошествіи пятилѣтняго, бесполезнаго почти, пребыванія за границею, Языковъ пріѣхалъ въ 1844 году въ Москву. Тамъ ожидали его родные, друзья, старые знакомые, съ которыми онъ не видался нѣсколько лѣтъ.

Новое вдохновеніе озарило поэта въ отечественномъ городѣ, гдѣ онъ жилъ прежде такъ весело, гдѣ совершилось окончательное образованіе его благороднаго характера, его свѣтлаго, обширнаго ума. Одного только недоставало къ его счастію,—здоровья; но этотъ недостатокъ крѣпости въ тѣлѣ, хотя нѣсколько, вознагражденъ твердостію души.

Долговременная болѣзнь измѣнила во многомъ Языкова. Мы видѣли, какъ онъ въ юности, не смотря на свой прекрасный, благородный характеръ, иногда увлекался минутою; какъ онъ не дорожилъ своимъ даромъ, посвящая его иногда на недостойное служеніе... Теперь онъ былъ уже не тотъ.

Устроившись на житье въ Москвѣ, онъ снова принялся за оставленную лиру, но съ другими цѣлями, съ

другими мыслями, нежели какъ прежде. Самъ онъ выразился такъ объ этомъ въ посланіи къ князю Вяземскому, — писанномъ въ 1844 году:

Пора за дѣло мнѣ! Вину и кутежу... (см. н. изд. ч. II. стр. 254).

Конецъ этого посланія ясно показываетъ, какъ велики были страданія поэта, и какъ сильно онъ желалъ выздоровленья:

Желайте жъ вы мнѣ, чтобъ я скоро (стр. 255).

Послѣднія стихотворенія Языкова: «Землетрясеніе», «Самсонъ», «На объявленіе памятника Карамзину», принадлежатъ къ лучшимъ драгоцѣнностямъ русской поэзіи. Въ первомъ изъ нихъ онъ высказываетъ высокое назначеніе поэта слѣдующими стихами:

..... Поэтъ, въ годину страха (см. н. изд. ч. II. стр. 248).

а во второмъ, изображеніемъ Самсона, представляетъ воскресеніе силы духа, обратившагося къ Богу. Къ сожалѣнію, здоровье Языкова не позволяло ему предаваться поэзіи такъ, какъ бы онъ желалъ. Много тогдашнихъ свѣтлыхъ его вдохновеній не передано бумагѣ и невозвратно потеряно для насъ.

Лѣтомъ 1846 года Языковъ снова захотѣлъ попробовать своего счастья лѣченьемъ холодною водою, которое очень удалось. Онъ жилъ тогда на дачѣ въ Сокольникахъ. Безъ сомнѣнія, прекрасный свѣжій воздухъ сосновой рощи много поправилъ его. Ободренный благополучнымъ началомъ, Языковъ рѣшился продолжать лѣченье осенью и зимою, переѣхавъ въ городъ. Къ несчастію, ему очень далеко было ѣздить со своей квартиры въ водолѣчебное заведеніе, что на Тверскомъ бульварѣ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, больной простудился. Немедленно съ нимъ сдѣ-

лазась нервная горячка, противъ которой всѣ пособія медицины оказались вскорѣ тщетными. Самъ больной предчувствовалъ близкую свою кончину, какъ только слегъ въ постель. Незадолго до своей смерти онъ исповѣдался, причастился св. Таинъ, долго разговаривалъ съ окружающими о будущемъ воскресеніи мертвыхъ, и потомъ распорядился всѣмъ касательно своего погребенія. 26 декабря 1846 года, въ 6 часовъ пополудни, не стало добраго Языкова. Тѣло его погребено въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

Литературная дѣятельность Языкова продолжалась 23 года (1823 — 1846). Онъ началъ писать въ то время, въ которое дѣйствовали почти всѣ наши первостепенные таланты, и которое многіе называютъ золотымъ вѣкомъ Русской поэзіи, если надобно, чтобы въ литературѣ всякаго народа былъ непремѣнно свой золотой вѣкъ. Безъ сомнѣнія, надобно было имѣть много таланта, чтобы при такихъ соперникахъ привлечь къ себѣ такое вниманіе современниковъ, какимъ пользовался Языковъ. Онъ принадлежалъ къ школѣ Пушкина и, можетъ быть, первоначально заимствовалъ у него мѣру и стихъ. Потомъ онъ такъ усовершенствовался въ этихъ качествахъ, что нерѣдко даже превосходилъ своего учителя, — но, къ сожалѣнію, остался только при нихъ. Тогда болѣе всего значила гармонія стиха, и вообще на поэзію смотрѣли еще не болѣе, какъ на духовную нѣгу, какъ на игру ума. Отъ нея требовали только изящнаго представленія образовъ, сценъ и положеній, при строжайшемъ соблюденіи художественности формъ. Идея отдавалась совершенно на произволъ поэта; мало заботились, симпатизировали ли онѣ съ понятіями, потребностями, однимъ словомъ съ жизнію такъ называемой толпы. Самъ Пушкинъ нѣкоторымъ образомъ по-

давалъ поводъ къ такому направленію, не разъ говоря о немъ прямо въ нѣкоторыхъ стихахъ. Но Пушкинъ былъ гений; условія его поэзіи, его путь были отличны отъ таланта. При томъ же, говоря одно, Пушкинъ дѣлалъ другое; онъ не только не презиралъ, но напротивъ того глубоко изучалъ современную жизнь. Онъ умѣлъ находить поэзію въ дѣйствительности, а не оставался только въ области лиризма. Оттого, когда прошло уже невозвратно то время, прошла та жизнь, Пушкинъ все еще, если не болѣе, пользуется удивленіемъ и славою. Но, кромѣ его, былъ еще одинъ поэтъ, изъ его же школы, товарищъ Языкова, понявшій лучше послѣдняго сущность поэзіи и прямую цѣль ея. Это — Баратынскій. Какъ поэтъ преимущественно мысли, онъ былъ холодно принятъ современниками, изъ которыхъ немногіе могли сочувствовать ему; но за то Баратынскій высоко былъ оцѣненъ послѣ, уважается теперь, и никогда поэзія его не утратитъ существенныхъ своихъ достоинствъ. Не такъ было съ Языковымъ. Его поэзія безъ содержанія, но полная увлекательной силы и гармоніи стиха, была встрѣчена съ восторгомъ. Но вскорѣ этотъ восторгъ сталъ уменьшаться, ибо ожидали отъ поэта болѣе, а онъ оставался все при одномъ.

Потомъ явилось другое поколѣніе, съ новыми взглядами, съ новыми вопросами, — поколѣніе, которому Языковъ сдѣлался вовсе чужимъ. Самъ онъ, можетъ быть, чувствовалъ свои недостатки, и въ послѣдній годъ его жизни, въ поэзіи его замѣтна нѣкоторая перемѣна, которой впрочемъ смерть его помѣшала развиваться окончательно. Между тѣмъ недовольные поэзіей Языкова старались совсѣмъ помрачить его славу и давали худшій толкъ его стихамъ. Много излилось противъ него неодобреній (правда, иногда очень нелѣпыхъ) въ по-

слѣдніе годы. Съ своей стороны мы сознаемъ, что Языковъ писалъ многое не для насъ — дѣтей другаго поколѣнія, но отдаемъ ему благодарность и честь за то, чѣмъ онъ былъ для прежняго времени, и за то высокое наслажденіе, которое онъ и намъ часто доставлялъ своими поэтическими возвышенными мыслями и, если можно такъ выразиться, золотокананнымъ стихомъ.

С. Николаевскій.

XI. ВЫБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ.

Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность? Сочин. Голя изд. 1855—1856 т. VI. стр. 246—252. Новое изд. Кулиша т. III. стр. 456—459.

Изъ поэтовъ времени Пушкина болѣе всѣхъ отдѣлился Языковъ. Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удалъ всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который, въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину, еще не являлся дотошъ ни въ комъ. Имя *Языковъ* пришло къ нему не даромъ. Владѣеть онъ языкомъ, какъ Арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключитъ и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости, не расслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется. Вотъ его купанье въ рѣкѣ:

Покровы прочь! Передъ челою
Протянемъ руки удалыя,
И — бухъ!

Блестательнымъ дождемъ
 Взлетаютъ брызги водяные.
 Какая сильная волна!
 Какая свѣжесть и прохлада!
 Какъ сладострастна, какъ нѣжна
 Меня обнявшая наядя!

Вотъ у него игра въ свайку, которую онъ называлъ
 прямо-Русскою игрою. Юноши-молодцы стали въ кру-
 жокъ:

Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно
 Бьетъ въ кольцо; кольцо бренчить.
 Вешній вечеръ беззаботно
 И невидимо летить.

Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу — море, вол-
 ны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на
 дѣла, твердая, какъ кремень, вѣра въ будущее, готов-
 ность ратовать за отчизну — выражается у него съ си-
 лою неестественною. Когда появились его стихи от-
 дѣльною книгою, Пушкинъ сказалъ съ досадою: «за-
 чѣмъ онъ называлъ ихъ: стихотворенія Языкова; ихъ
 «бы слѣдовало назвать просто: хмѣль! Человѣкъ съ
 «обыкновенными силами ничего не сдѣлаетъ подобнаго;
 «тутъ потребно буйство силъ». Живо помню восторгъ
 его въ то время, когда прочиталъ онъ стихотвореніе
 Языкова къ Давыдову, напечатанное въ журналѣ. Въ
 первый разъ увидѣлъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина
 (Пушкинъ никогда не плакалъ; онъ самъ о себѣ ска-
 залъ въ посланіи къ Овидію: суровый славянинъ, я
 слезъ не проливалъ, но понимаю ихъ); я помню тѣ стро-
 фы, которыя произвели у него слезы. Первая, гдѣ поэтъ,
 обращаясь къ Россіи, которую уже было — признали
 безсильною и немошною, взываетъ такъ:

Чу! труба продребезжала!
 Русь! Тебѣ надменный зовъ!

Вспомяни жь, какъ ты встрѣчала
 Всѣ нашествія враговъ!
 Созови отъ странъ далекихъ
 Ты своихъ богатырей,
 Со степей, съ равнинъ широкихъ,
 Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
 Отъ осьми твоихъ морей.

И потомъ строфа, гдѣ описывается неслыханное самопожертвованіе — предать огню собственную столицу, со всѣмъ, что ни есть въ ней священнаго для всей земли:

Пламень въ небо упирая,
 Лютъ пожаръ Москвы реветъ,
 Златоглавая, святая,
 Ты ли гибнешь? Русь впередъ!
 Громче буря истребленья!
 Крѣпче смятый ей отпоръ!
 Это жертвенникъ спасенья,
 Это пламя очищенья,
 Это фениксовъ костеръ!

У кого не брызнуть слезы послѣ такихъ строкъ? Стихи его точно разымчивой хмѣль; въ хмѣлѣ слышна сила высшая, заставляющая его подыматься къ верху. У него студентскія пирушки не изъ бражничества и пьянства, но отъ радости, что есть мочь въ рукѣ и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

На благородное служенье
 Въ славу чести и добра.

Бѣда только, что хмѣль перешелъ мѣру, и что самъ поэтъ загулялся черезъ-чуръ на радости отъ своего будущаго, какъ и многіе изъ насъ на Руси, и осталось дѣло только въ одномъ могучемъ порывѣ.

Всѣхъ глаза устремились на Языкова. Всѣ ждали

чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое; потомъ тяжелая болѣзнь постигла поэта и отразилась на его духѣ. Въ послѣднихъ стихахъ его уже не было ничего, шевелившаго русскую душу. Въ нихъ раздались скучанія среди нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, переченіе однообразно-страдальческаго дня. Все это было мертво русскому духу. Не примѣтили даже необыкновенной отработки позднѣйшихъ стиховъ его. Его языкъ, еще болѣе окрѣпнувшій, ему же послужилъ въ улику: онъ былъ на тощихъ мысляхъ и бѣдномъ содержаніи, что панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нѣтъ вовсе мыслей, а одни пустозвонкіе стихи, и что онъ даже и не поэтъ. Все пришло противу него въ ропотъ. Отголоски этого ророта раздались нелѣпо въ журналахъ, но въ основаніи ихъ была правда. Языковъ не сказалъ же, говоря о поэтѣ, словами Пушкина :

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ;
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

У него, напротивъ, вотъ что говоритъ поэтъ :

Когда тебѣ на подвигъ все готово,
 Въ чемъ на землѣ небесный виденъ даръ,
 Могучей мысли свѣтъ и жаръ
 И огнедышащее слово —
 Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ поэта.

Положимъ, это говорится объ идеальномъ поэтѣ; но идеалъ свой онъ взялъ изъ своей же природы. Если бы

въ немъ самомъ уже не было началъ тому, не могъ бы и представить онъ себѣ такого поэта. Нѣтъ, не силы его оставили, не бѣдность таланта и мыслей виною пустоты содержанія послѣднихъ стиховъ его, какъ самоувѣренно возгласили критики, и даже не болѣзнь (болѣзнь дается только къ ускоренію дѣла, если человѣкъ проникнетъ смыслъ ея) — нѣтъ, другое его обезсилило: свѣтъ любви погаснулъ въ душѣ его — вотъ почему примеркнулъ и свѣтъ поэзіи. Полюби потребное и нужное душѣ съ такою силою, какъ полюбилъ ты прежде хмѣль юности своей — и вдругъ подымутся твои мысли на равнѣ со стихомъ, раздастся огнедышащее слово. Изобразишь намъ ту же пошлость болѣзненной жизни своей, но изобразишь такъ, что содрогнется человѣкъ отъ проснувшихся желѣзныхъ силъ своихъ и возблагодарить Бога за недугъ, давшій ему это почувствовать. Не по стопамъ Пушкина надлежало Языкову обрабатывать и округлять стихъ свой; не для элегіи и антологическихъ стихотвореній, но для диѳирамба и гимна родился онъ; это слышали всѣ. И уже скорѣе отъ Державина, нежели отъ Пушкина, долженъ былъ онъ засвѣтить свѣтильникъ свой. Стихъ его только тогда и входитъ въ душу, когда онъ весь въ лирическомъ свѣту; предметъ у него только тогда живъ, когда онъ или движется, или звучитъ, или сіяетъ, а не тогда, когда пребываетъ въ покоѣ. Удѣлы поэтовъ не равны. Одному опредѣлено быть вѣрнымъ зеркаломъ и отголоскомъ жизни — на то и данъ ему многосторонній, описательный талантъ. Другому повелѣно быть передовою, возбуждающею силою общества во всѣхъ его благородныхъ и высшихъ движеніяхъ — и на то данъ ему лирическій талантъ. Не попадаетъ талантъ на свою дорогу потому, что не устремляетъ глазъ высшихъ на

самаго себя. Но Промыслъ лучше печется о человѣкѣ. Бѣдою, зломъ и болѣзнію насильно приводитъ онъ его къ тому, къ чему онъ не пришелъ бы самъ. Уже и въ лицѣ Языкова замѣтно стремленіе къ повороту на его законную дорогу. Отъ него слышали недавно стихотвореніе «Землетрясеніе», которое, по мнѣнію Жуковскаго, есть наше лучшее стихотвореніе.

Н. Гоголь.

XII. САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ. 1847. № 91.

Кто только не совершенно чуждъ событіямъ русскаго литературнаго міра, тотъ могъ встрѣтить здѣсь наступившій годъ съ двумя впечатлѣніями разнородными, но равно рѣзко и глубоко означившимися. Одно изъ нихъ порождало въ насъ печальное и безнадежное сочувствіе, которымъ потрясается и изнемогаетъ душа при утратѣ, на которую смерть положила свою печать несокрушимую. Другое отзывалось въ насъ звучнымъ выраженіемъ жизни и открывало предъ нами въ области мышленія свѣтлыя просѣки, пробуждало въ насъ новые вопросы, новыя ожиданія. Въ первый день 1847 года пронеслась въ С. Петербургѣ скорбная вѣсть о кончинѣ поэта Языкова, и появилась новая книга Гоголя. По крайней мѣрѣ я, въ этотъ день, узналъ, что не стало Языкова и прочелъ нѣсколько страницъ изъ *Переписки съ друзьями*, гдѣ между прочимъ начертана вѣрная оцѣнка дарованію Языкова. Эти скорби обратились какъ бы въ надгробное слово о немъ, въ свѣтлыя и умиленные о немъ поминки. Это извѣстіе, это чтеніе, эти два событія слились во мнѣ въ одно нераздѣльное чувство. Здѣсь настоящее открываетъ предъ нами новое будущее: тамъ оно навсегда замы-

каеть прошедшее намъ милое и родное. Тамъ событіе совершившееся и высказавшее намъ свое послѣднее слово, поприще опустѣвшее и внезапно заглохшее непробуднымъ молчаніемъ. Здѣсь событіе возникающее, поприще озаренное неожиданнымъ разсвѣтомъ. На немъ пробуждается новое движеніе, новая жпзнь: слышатся новые глаголы еще смутные, отрывчивые; но уже знаемъ, что, когда настанетъ время, сямъ глаголамъ суждено слиться въ стройное и выразительное согласіе созрѣваго и полнаго убѣжденія.

Смертью Языкова Русская поэзія понесла чувствительный и незабвенный уронъ. Въ немъ угасла послѣдняя звѣзда пушкинскаго созвѣздія, съ нимъ навсегда умолкли послѣдніе отголоски пушкинской лиры: Пушкиль, Дельвиго, Баратынскій, Языковъ не только современностью, но и поэтическимъ соотношеніемъ, какимъ-то семейнымъ общимъ выраженіемъ образуютъ у насъ нераздѣльное явленіе. Ими олицетворяется послѣдній періодъ поэзіи нашей; ими по крайней мѣрѣ до нынѣ замыкается постепенное развитіе ея, означенное первоначально именами: Ломоносова, Петрова, Державина, послѣ — Карамзина и Дмитріева, позднѣе — Жуковскаго и Батюшкова. Въ сихъ именахъ сосредоточивается отличительное выраженіе поэзіи Русской; это ея краеугольныя, заглавныя, родоначальныя имена. Каждое изъ нихъ имѣетъ свое особенное значеніе. Нельзя сравнивать одно съ другимъ ни по степени дарованія, ни по сочувствію и одушевленію, которымъ общество отозвалось на голосъ каждаго. Отблески славы, которые отвѣчиваются на каждомъ изъ нихъ, имѣютъ также свою отличительную игру и яркость. Многія другія дарованія проявились съ успѣхомъ на поприщѣ поэзіи и запечатлѣли на немъ слѣды, драго-

цѣнные памяти народной. Многія и нынѣ пробуждаютъ благодарное вниманіе наше, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ насъ, которые въ нашъ положительный вѣкъ вѣрятъ еще въ баснословную музу и не охладѣли въ служеніи ея. Но повторяемъ, вѣнъ именъ исчисленныхъ нами, и вѣнъ именъ олицетворяющихъ, характеризующихъ эпоху. Крыловъ напримѣръ, какъ ни многозначительно имя это, не подходитъ ни подъ одно изъ выведенныхъ нами подраздѣленій. Онъ не принадлежитъ школѣ Дмитріева, хотя и началъ писать басни послѣ него. Еще менѣе участвовалъ онъ въ направленіи, которое далъ Жуковский. Крыловъ явленіе совершенно отдѣльное. Онъ ничего не продолжалъ и ничего не зачалъ. Онъ ни чей не преемникъ и никому не родоначальникъ. Онъ совершилъ свое и только, но это только образуетъ отдѣльный и цѣльный міръ поэзіи. Опредѣливъ такимъ образомъ мѣсто Языкова, мы достаточно оцѣнили значеніе, которое, по мнѣнію нашему, принадлежитъ ему, и важность утраты, понесенной нами преждевременною кончною его. Эта потеря тѣмъ для насъ чувствительнѣе, что мы должны оплакивать въ Языковѣ не только поэта, котораго уже имѣли, но еще болѣе поэта, котораго онъ намъ обѣщалъ. Дарованіе его въ послѣднее время замѣчательно созрѣло, прояснилось, уравнилось и возмужало. Первые и довольно долго, можетъ-быть слишкомъ долго продолжавшіеся опыты студенческой музы его выказывали только самобытность поэтической природы, которая выражалась необыкновенно бойкимъ и звучнымъ стихомъ. Видѣнъ былъ смѣлый художникъ, мастеръ въ рѣзбѣ стиха, обильнаго красками и звуками, но поэтъ въ полномъ значеніи, но творческая, но духовная сила развѣ изрѣдка и то мелькомъ проявлялась въ немъ. Опасно было за-

стояться на мѣстѣ: нужно было движеніе впередъ. Движеніе это могло бы совершиться спокойно и постепеннымъ развитіемъ внутреннихъ силъ, но Провидѣніе судило ему воспринять изъ педуга и страданія, внезапно постигнувшихъ юношу. Муза его на нѣсколько лѣтъ умолкла и вышла изъ этого искуса молчальнаго, перерожденная и окрѣпшая. Однообразіе, которымъ нѣкоторые, и можетъ быть, не безъ основанія упрекали талантъ его, имѣло впрочемъ естественную причину. Языковъ и по характеру своему и по обстоятельствамъ жилъ болѣе внутреннею, нежели внѣшнею жизнью. За исключеніемъ нѣкоторыхъ пріятелей, онъ мало водился съ людьми, былъ не разговорчивъ и не общителенъ. Слова «свѣткость, общественность» не имѣли для него полнаго и живаго значенія. Долго жилъ онъ въ Дерптѣ. веселымъ отшельникомъ, то есть студентомъ. Изъ Дерпта переѣхалъ въ Симбирскую деревню, и только изрѣдка, и то на короткое время, являлся въ Москву. Въ подобной жизни мало разнообразія въ впечатлѣніяхъ, мало побужденій и вызововъ на дѣятельность. Понятія, ощущенія перерабатываются, измѣняются въ частомъ и тѣсномъ столкновеніи съ людьми и событіями. Геніи могутъ созрѣвать и расти въ созерцаніи одиночества; способностямъ и дарованію нужны движеніе и зрѣнище болѣе разнообразное. Конечно, врожденная лѣнь была одна изъ преобладающихъ стихійъ духовнаго образованія поэта нашего, но надобно признаться, что и судьба его была лѣнива. Поэтическое дарованіе его, особенно въ первую половину, не являетъ признаковъ этой разнообразной и роскошной произрастительности, которою обличается почва болѣе согрѣтая, болѣе благотворенная вліяніемъ живительной силы, ее окружающей. Но за то все, что взростила муза его въ тѣс-

ной лощиѣ своей, имѣеть необыкновенную силу, свѣ-
 жость и сочность. Не въ дарованіи его мало было гиб-
 кости и разносторонности, а въ умѣ его и въ привыч-
 кахъ жизни. Разнообразныя явленія дѣйствительности
 не могли отражаться въ его вымыслахъ, потому что
 поэтическое зеркало его обращено было ясною и вос-
 приимчивою стороною своею къ внутреннему и личному
 міру поэта, а тусклою и непроницаемою ко внѣшнимъ
 впечатлѣніямъ. Ему лѣнь было переворачивать это зер-
 кало. Поэтому стихъ его мало вызывалъ любопытство,
 не возбуждалъ и не ласкалъ современныхъ вѣрованій
 и легкораздражительныхъ сочувствій. Стихъ его не ки-
 дался въ боевую жизнь, не кипѣлъ общими страстями,
 не отвѣчалъ на всѣ упованія и сѣтованія современ-
 наго человѣка, какъ стихъ Байрона, или Пушкина. По-
 эзія его не имѣла драматическихъ свойствъ вѣчно из-
 мѣняющейся жизни человѣка и общества съ ея проти-
 ворѣчіями, междоусобными враждующими силами, бит-
 вами и нечаянностями. Поэзія его была лично и вну-
 тренно лирическая. Въ ней отзывались первобытные и
 вѣковѣчные глаголы природы, всегда единой и неиз-
 мѣнной, но всегда новой и глубоко вамъ сочувственной
 въ проявленіяхъ своей однообразной и неистощимой
 расточительности, и за то стихъ его часто западалъ
 глубоко въ душу многозначительнымъ и огненнымъ
 выраженіемъ. Чувства его не прорывались на поверх-
 ность, а сосредоточивались въ глубину. Поэзія его под-
 земный темный родникъ, изъ коего онъ въ минуту вол-
 ненія и жажды высѣкалъ сильно біющую и свѣжую
 струю. Дальные горизонты, широкое теченіе рѣки, оро-
 шающей красивые и живописные берега, не были даны
 ему въ удѣлъ. И въ жизни своей и въ талантѣ онъ
 почти заперся въ заколдованномъ кругѣ, который поэ-

тически обвелъ около себя. Такъ прошли многіе годы въ нѣгѣ мирныхъ и созерцательныхъ досуговъ. Но нельзя же цѣлою жизнью выразиться въ одномъ свѣтломъ и безмятежномъ сновидѣніи. Рано или поздно дѣйствительность отмѣтитъ его своимъ жесткимъ словомъ. Языковъ, не вмѣшавшійся въ толпу и сѣчу, не могъ опасаться нападеній отъ людей и событій. Но за немѣніемъ внѣшнихъ противодѣйствій, Провидѣніе наслало на него внутренняго и неотвратимаго прага. Многосложная, неуступчивая, изнурительная болѣзнь вдругъ вызываетъ жизнь его на подвигъ долготерпѣнія и страданія. Прости поэзія и тихія радости гѣны и самозабвенія! Черствая язвительная проза не даетъ поэту забыть, напоминая ему, что и онъ сынъ земли, то есть труженникъ. Всѣ средства исцѣленія истощаются безуспѣшно. Наконецъ врачи прибѣгаютъ къ обыкновенному крайнему средству, когда, не сумѣвъ избавить больнаго отъ болѣзни, избавляются они по крайней мѣрѣ отъ больнаго. Языкова отправляютъ за границу. И бѣдный нангъ поэтъ покидаетъ домашній кровъ и вступаетъ въ обширный Божій міръ не Чайльдъ-Гарольдомъ, съ пирюю въ рукахъ, за ловлею новыхъ впечатлѣній, не съ тѣмъ, чтобы благорастворить душу свою свѣжими и плодоносными вдохновеніями: нѣтъ, его просто отправляютъ за границу, какъ въ общественную лѣчебницу, за немѣніемъ средствъ вылѣчить дома. Въ 1838 году встрѣтился я съ Языковымъ въ Гану. Я зналъ его въ Москвѣ полнымъ, румянымъ, что называется кровъ съ молокомъ. Тутъ я ужаснулся пережѣвъ, которую въ немъ нашелъ. Передо мною былъ старикъ, согбенный, изсохшій: съ трудомъ передвигалъ онъ ноги, съ трудомъ переводилъ дыханіе. Тѣло изнемогало подъ бременемъ страданій, но духомъ былъ онъ покоренъ и

бодръ, хотя скучаль. Чистая кровная, славянская порода его не могла ужиться въ Нѣмечинѣ. Мало прислушиваясь къ движенію нѣмецкой и западной умственной дѣятельности, онъ въ Германіи окруженъ былъ русскими книгами, жилъ русскою жизнью, которую носилъ въ груди своей, въ чувствахъ, привычкахъ и помышленияхъ. Позднѣе, когда отлегло ему, и въ промежуткахъ страданій пытался онъ извлекать звуки изъ лиры своей, долго молчавшей; въ виду новой, гостепріимной природы, радушно привѣтствовавшей оживающаго страдальца, онъ все тосковалъ по матушкѣ Волгѣ и бесѣдовалъ о ней съ зелеными волнами Рейна и съ голубыми разливами Средиземнаго моря. Тоска по отчизнѣ пробудила вдохновеніе его: съ нею сквозь слезы снова улыбнулась ему его задушевная муза. Россія, любовь къ родинѣ, русское чувство сильно и почти исключительно отразились съ того времени въ его послѣдовавшихъ пѣснобнѣяхъ. Здѣсь опять преобладающее вдохновеніе, направленіе одностороннее. Здѣсь также недостатокъ вымысла, мало воображенія: творческая игра и прихоть поэта сжаты въ означенныхъ предѣлахъ, но за то здѣсь же сила, вѣрность, глубокой отголосокъ въ выраженіи страсти, которая не развлекается, не дробится радужными отблесками, но сосредоточивается въ одинъ чистый и сіяющій пламенный искръ. Въ нѣкоторомъ отношеніи Языковъ сближается съ Державинымъ. Въ томъ и въ другомъ—мысли, чувства, звуки, краски преимущественно, если не исключительно, русскіе. Налетные отголоски, чужеземные образы не отражаются. Не отзываются въ ихъ родовой поэзіи. Не столько предубѣжденія, ненависть къ чужбинѣ оградили ихъ отъ соприкосновенія съ иноземными началами, сколько равнодушіе ко всему, что не русское, самобытное врожден-

ное чувство и сознание собственной силы. Не знаю, вѣрно ли передамъ мою мысль, но я назвалъ бы ихъ жителями не общаго всѣмъ поэтамъ поэтическаго материка, а поэтами какого-то неприступнаго острова, отдѣленнаго отъ остальнаго міра океаномъ собственной, имъ однимъ принадлежащей поэзіи. Большая часть поэтовъ, какъ и племя твердой земли, болѣе или менѣе сбиваются другъ на друга. Они соединены общественными и международными сношеніями и условіями, породнились взаимными, порубежными переселеніями. Но другіе — самобытные островитяне, поэтическіе самородки. Въ нихъ, въ ихъ поэзіи нѣтъ ни капли иноплеменной крови. Слѣшу прибавить, что не говорю того ни въ похвалу имъ, ни въ осужденіе, а просто такимъ очеркомъ опредѣляю ихъ характеристику. Въ наше время такъ много толкуютъ о народности въ литературѣ, такъ во зло употребляютъ это выраженіе, что я остерегаюсь его, какъ слова, которое имѣетъ произвольное и сбивчивое значеніе. Во всякомъ случаѣ есть много неопредѣленности въ изложеніи настоящаго вопроса, въ требованіяхъ на разрѣшеніе онаго. Оно по моему мнѣнію темно и безсознательно вездѣ, а особенно у насъ. Прежде нежели внести это требованіе, это правило въ литературное уложеніе, нужно бы ясно и положительно опредѣлить: что признается народностью въ литературѣ? Изъ какихъ стпхій должна она образоваться? На какихъ эпохахъ нашей народной жизни должны утвердиться начала и основанія ея? Нельзя не спросить учителей и законодателей новой школы: куда и до какихъ граней намъ возвратиться, или по крайней мѣрѣ куда и какими путями намъ идти? Разрѣшенія этихъ вопросовъ не найдемъ нигдѣ. Наши нео — и староучители отвлеченнымъ языкомъ, общимъ мѣстоиме-

ніями намекають о томъ, что должно бы выразить существительными собственными, личными именами такъ, чтобы не было ни недоумѣнія, ни сбивчивости. У иныхъ по странному противорѣчію притязанія на русскую народность облекаются въ зыбкіе призраки туманной нѣмецкой философіи, такъ что добрый Русакъ, непосвященный въ таинство гегелевскаго ученія, и въ толкъ не возметъ, какъ ему надлежитъ окончательно обрु сѣть. У другихъ эти притязанія выказываются въ напряженной и пошлой восторженности. У третьихъ въ неумѣстной поддѣлкѣ престолярнаго языка, въ прибауткахъ, въ поговоркахъ, которыя очень живы и метки, когда онѣ срываются съ языка; но когда онѣ на досугѣ нанизываются въ тишинѣ кабинета, а оттуда переходятъ въ офиціальную область печатной гласности, онѣ притушаются и становятся приторными. Вообще же эти притязанія болѣе всего безсознательнѣйшій отголосокъ современнаго европейскаго лозунга. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ толковали у насъ о романтизмѣ: это также были наносные толки. Мы очень любимъ вмѣшиваться въ чужія рѣчи, чтобы показать, что и мы что-нибудь да смыслимъ по этой части и по прочимъ частямъ. Позвольте же, милостивые государи, спросить васъ: чѣмъ же были мы донинѣ, если не были Русскими, и если ими не были, то гдѣ взять персть и духъ, чтобы создать русскаго писателя? Выдумать народность трудно. Между тѣмъ то, что есть существеннаго и живаго въ нашей народности, то есть въ духовной и нравственной личности народа, то само собою пробивалась въ общественныхъ явленіяхъ и въ поэтическихъ созданіяхъ тѣхъ самыхъ лицъ, въ которыхъ вы не признаете началъ народности. По мнѣ, все, что хорошо сказано по-Русски, есть чисто народное.

Каждое теплое чувство, каждая свѣтлая мысль, облеченныя живымъ и стройнымъ Русскимъ словомъ, есть выраженіе и достояніе народности, будь это стихъ Дмитріева, котораго отлучаютъ отъ народности, будь стихъ Крылова, въ которомъ она олицетворилась, будь передо мною любая страница Карамзина, будь одна изъ хорошихъ страницъ Гоголя. Неужели Жуковскій, который передаетъ намъ Гомера, и еще греческимъ гексаметромъ, а не размѣромъ пѣсней Кирши Даниловича, долженъ по части народности уступить ему въ отношеніи къ формѣ, а на примѣръ Хераскову, творцу Россіады, въ отношеніи къ содержанію. Въ такомъ случаѣ первымъ изъ нашихъ поэтовъ былъ бы стихотворецъ Грамматинъ, который и по формѣ и по содержанію не уклонялся строгой и непогрѣшительной народности, ибо воспѣвая событія 1812 года онъ заставлялъ Наполеона держать такую рѣчь: «ой, ты гой, еси добрый маршалъ Ней!» и такъ далѣе. Тотъ же Жуковскій и Пушкинъ подарили намъ нѣсколькими чисто народными сказками; онѣ прекрасны. Но если бы намъ суждено было отказаться отъ части написаннаго имъ, на этихъ ли сказкахъ остановился бы выборъ нашъ, или даже вапль, господа поборники народности въ поэзіи? Развѣ Шекспиръ не тотъ же народный поэтъ въ Англіи, не та же литературная плоть и кровь ея въ Оттелло и въ Ромео, какъ и въ другихъ драмахъ своихъ, чисто народныхъ и туземныхъ? Сомнѣнія по этимъ вопросамъ не могутъ быть приняты къ дѣлу. Отъ нихъ отказался бы на вѣрно и ревностиѣише провозглашатели новаго ученія. Но не къ такимъ же заключеніямъ ведетъ послѣдовательная и логическая связь примѣненій те рии нѣсколько произвольной и заносчивой? Что въ каждомъ народѣ есть ему свойственныя стихіи народности, это неоспо-

римо: что должно ими пользоваться, это также неоспоримо, какъ и то, что нельзя отказаться отъ нихъ. хотя бы, паче чаянія, кому нибудь и хотѣлось переродиться, или даже хотъ просто совершенно перерядиться въ иностранца. Но дѣло въ томъ, что не должно и, слава Богу, невозможно отдѣлнить, отрубить чисто-народное отъ обще-человѣческаго. Первоначально мы люди. а потомъ уже земляки, то есть, областные жители. Что ни дѣлай, а въ каждомъ землякѣ отыскивается человѣкъ, какъ въ каждомъ человѣкѣ пробивается землякъ. Всѣ люди созданы по одному образцу, а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ своя особенная фізіономія, физическая и нравственная. Всѣ писатели одного народа пишутъ однимъ языкомъ, тѣже слова служатъ имъ орудіями; а у каждаго писателя, то есть, не пошлаго и не дюжиннаго, есть свой особенный слогъ. Какъ же литературѣ, которая тоже духовная фізіономія и слогъ народа, не имѣть только у насъ своей личности, своего характера? Люблю народность, какъ чувство, но не признаю ея, какъ систему. Ненавижу исключительность не только безпрекословную и повелительную, но и условную и двусмысленную. Можетъ быть эту ненавижу еще болѣе. Христіанское ученіе, эта высшая образованность предвѣчная, и земное просвѣщеніе, эта образованность временная и мимолетная, породнили народы между собою, и все и всѣхъ соединили взаимною любовью и пользою. Миѣ не входитъ ни въ голову, ни въ сердце, что можно положить себѣ за правило и обязанность предпочитать Русскую Волгу Нѣмецкому Рейну. Но понимаю Языкова, но сочувствую ему, умиляюсь и увлекаюсь чувствомъ его, когда вижу, что онъ остается Волжанномъ въ виду красиваго Рейна, или грознаго водопада. Языковъ былъ влюбленъ въ Россію.

Онъ воспѣвалъ ее, какъ пламенный любовникъ воспѣваетъ свою красавицу ненаглядную, несравненную. Когда онъ говоритъ о ней, слово его возгарается, становится огнедышущимъ, и потому глубоко и горячо отзывается оно въ душѣ каждаго изъ насъ. Тѣже, которые не сочувствуютъ искреннему выраженію страсти его, изъ опасенія уронить тѣмъ свою независимость и возвышенность умозрѣнія, доказываютъ, что они уклоняются отъ народнаго потому, что превратно и ограниченно понимаютъ обще-человѣческое.

Кн. П. А. Вяземскій.

**ХІІІ. ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЛНОЙ РУССКОЙ ХРЕСТОМАТИИ,
А. ГАЛАХОВА. СТР. 168.**

По общеупотребительности этой книги, мы не выписываемъ статьи Галахова, но ограничиваемся только указаніемъ ея.

ХІV. СТИХОТВОРЕНІЯ ЯЗЫКОВУ.

I.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ :
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ,
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,

Языковъ: близокъ я тебѣ!
 Давно бѣ на дерптскую дорогу
 Я вышелъ утренней порой
 И къ благосклонному порогу
 Понесъ тяжелый посохъ мой,
 И возвратился бѣ оживленный
 Картиной беззаботныхъ дней,
 Бесѣдой вольно-вдохновенной
 И звучной прою твою.
 Но злобно мною играетъ счастье:
 Давно безъ крова я ношусь,
 Куда подуетъ непогода:
 Уснувъ, не знаю гдѣ проснусь.
 Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньи,
 Влечу томительные дни.
 Услышь, поэтъ, мое признанье,
 Моихъ надеждъ не обмань.
 Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
 Царей, царицъ любимый рабъ
 И ихъ забытый однодомецъ,
 Скрывался прадѣдъ мой, Арапъ,
 Гдѣ позабывъ Елисаветы
 И дворъ и пышные обѣты,
 Подъ сѣнью липовыхъ аллей
 Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
 О дальней Африкѣ своей,
 Я жду тебя

1824 г. с. Михайловское.

А. Пушкинъ.

II.

Языковъ, кто тебѣ внушилъ
 Твоё посланье удалое?

Какъ ты шалишь, и какъ ты мпль,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое!
 Нѣтъ, не Кастальскою водою
 Ты воспойшь свою Камену;
 Пегасъ пную Инокрену
 Копытомъ вышибъ предъ тобой.
 Она не хладной льется влагой,
 Но пѣнится хмѣльною брагой;
 Она разымчива, пьяна,
 Какъ сеи напитокъ благородной,
 Сліянье рому и вина
 Безъ примѣси воды негодной,
 Въ Тригорскомъ жаждою свободной
 Открытый въ наши времена.

1827 г.

А. Пушкинъ.

III.

Къ тебѣ сбирался я давно
 Въ немѣцкій градъ, тобой воспѣтый,
 Съ тобой пошты, какъ пьютъ поэты,
 Тобой воспѣтое вино.
 Ужь зазывалъ меня съ собою
 Тобой воспѣтый Киселевъ,
 И я съ веселою душою
 Оставить былъ совсѣмъ готовъ
 Неволю Невскихъ береговъ;
 И что жь? Гербовыя заботы
 Схватили за полы меня,
 И на Невѣ, хоть нѣтъ охоты,
 Прикованнымъ остался я.

О юность, юность удалая!
 Могу ль тебя не пожалѣть?
 Въ долгахъ, бывало, утопая,
 Заимодавцевъ убѣгая,
 Готовъ былъ всюду я летѣть.
 Теперь докучно посѣщаю
 Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
 Остепенившись, проклиная
 Я тяжесть денегъ и годовъ.
 Прости, пѣвецъ, играй, пируй,
 Съ Кипридой, Фебомъ торжествуи,
 Не знай сіятельнаго чванства,
 Не знай любезныхъ должниковъ,
 И не плати своихъ долговъ,
 По праву русскаго дворянства!

1829 г.

А. Пушкинъ.

IV.

С О Н Е Т Ъ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
 Тебѣ идти къ Парнаскимъ высотамъ,
 Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ,)
 Плететь амуръ съ Каменной сладкогласной.

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасной
 Храню въ душѣ, благодаря Богамъ,
 Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
 Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
 Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
 И первый я его услышалъ пѣнье,

И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца пировъ я съ музой подружилъ,
И славою ихъ горжусь въ вознагражденіе.

Баронъ Дельвигъ.

V.

Пѣвецъ вина и нѣжной страсти,
Языковъ! другъ ночныхъ пировъ,
Я рабски покоряюсь власти
Твоихъ заманчивыхъ стиховъ.

Ихъ сила, блескъ и переливы,
Восторгъ ихъ истинный, живой,
Меня свѣжать, какъ токъ игривый
Вина, воспѣтаго тобой.

И какъ за пѣнистою чашей,
Такъ и за лирою твоей
Все веселѣіи, свѣтлѣіи и краше
Мнѣ въ жизни кажется моею!

1851. Сергіевское.

Арбузовъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ А. Н. ОЧВИНУ.

О ты, съ которымъ я отъ юношескихъ лѣтъ
Привыкъ позабывать непостоянный свѣтъ,
Привыкъ дѣлать мечты, надежды, наслажденья.
И Музы дѣвственной простыя пѣснопѣнья,
И тихіе часы досуговъ золотыхъ!
Другъ сердца моего и другъ стиховъ моихъ!
Завидую тебѣ: умѣреннымъ счастливой,
Твой духъ не возмущенъ мечтой славолюбивой:
Ты, гордо позабывъ мятежный свѣта шумъ,
Въ уединеніи, жилищѣ смѣлыхъ думъ,
Ведешь съ науками невидимые годы.
И жпзнь твоя, какъ ходъ торжественный природы.
Покорна мудрости законамъ вѣковымъ.
Ты счастья не искалъ за рубежомъ роднымъ:
Но вѣрный самъ себѣ и отъ страстей свободной.
Нашелъ его въ душѣ, простой и благородной.
А я, повѣрившій надеждѣ молодой.
Обмануть счастьемъ, одинъ, въ странѣ чужой.
Пою мою печаль — пѣвецъ, душою скрытъ —
Какъ струны хладныя Армніевою лиры.
И въ тишинѣ учусь душою тосковать.
Но я еще люблю бывшее вспоминать:

Люблю въ страну отцовъ въ мечтахъ переселиться
 И всёмъ утраченнымъ, всёмъ милымъ наслаждаться.
 И съ вами быть душой, родимые друзья!
 О незабвенный край, о родина моя!
 Страна, гдѣ я любилъ лишь прелести природы:
 Гдѣ юности моей цѣлительныя годы
 Катились весело незримою струей;
 Гдѣ вѣчно царствуютъ съ отрадной тишиной
 Милолюбивыхъ душъ живыхъ наслажденья;
 Страна, гдѣ въ первый разъ богиня пѣснопѣнья
 Стыдливою рукой цѣвницу мнѣ дала,
 Огонь поэзіи въ душѣ моеи зажгла —
 И я, божественнымъ восторгомъ оживленный,
 Воспѣлъ мои мечты и мой удѣлъ смиренный,
 И непритворною, свободою душой
 Благодарилъ боговъ за пѣсни и покой!
 Тогда, не зная людей, застѣнчивый мой геній
 Не зналъ и зависти коварныхъ оскорбленій.
 Судъ вѣтренной толпы его не занималъ;
 Онъ пѣлъ для дружества, и славы не искалъ.
 Но вы сокрылись, дни счастливаго незнанья!
 И чувства новыя и новыя желанья
 Смѣнили навсегда покой души моеи.
 Отдайте мнѣ, Судьбы, блаженство прошлыхъ дней.
 Отдайте мирныя отеческія сѣни
 И сердце безъ любви и умъ безъ заблужденій!
 Не тщетно ль радости минувшія зову?
 Ужь бремя суеты тягчить мою главу;
 Унылая душа невольно холодѣтъ
 И на грядущее надѣяться не смѣтъ;
 И гаснетъ жизнь моя! — Лишь ты, хранитель мой,
 Одна отрада мнѣ, забытому судьбой!
 Ты можешь, вѣрный жрецъ богини вдохновенья.

Родить въ моей душѣ и жажду просвѣщенья
 И твердость на пути спасительныхъ трудовъ,
 И оживить мой умъ и жаръ моихъ стиховъ.
 Когда жь, отъ бремени суетъ освобожденный,
 Съ собою помирясь и дружбой ободренный,
 Я полечу въ страну, гдѣ молодость моя
 Узнаетъ миръ души и цѣну бытія?
 О! сбудутся ль мои послѣднія желанья?
 Клянусь, собравъ умомъ плоды образованья,
 Провести въ кругу родныхъ, на родинѣ моей,
 Остатокъ счастливый тобою спасенныхъ дней.
 Тогда души моей воскреснутъ наслажденья.
 Забывъ коварный свѣтъ, въ тиши уединенья,
 Я буду воспѣвать мой радостный удѣлъ,
 Родимыя поля, простыя нравы селъ
 И прадѣдовскихъ лѣтъ дѣла и небылицы —
 И посвящать тебѣ дары моей цѣвницы!

КЪ А. М. ЯЗЫКОВУ

ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕМУ СТИХОВЪ МОИХЪ. *

Faciam, ut mei meminervis.

Тебѣ, который съ юныхъ дней
 Меня хранилъ отъ бури свѣта,
 Тебѣ усердный даръ безпечнаго поэта —
 Пѣвца забавы и друзей.

* Сердечно благодаримъ молодаго поэта за сей прекрасный подарокъ отечественной публикѣ. Предсказываемъ ему блистательные успѣхи на поприщѣ словесности. *Издан. Нов. Лит.*

Тобою жизни обученный,
 Младый питомецъ тишины,
 Я пѣлъ на лирѣ вдохновенной
 Мои пророческіе сны, —
 И дружба кроткая съ улыбкою внимала
 Струнамъ, настроеннымъ свободною мечтой:
 Умомъ разборчивымъ ихъ звуки повѣряла
 И просвѣщала геніи мой.
 Она мнѣ міръ очарованья
 Въ живыхъ восторгахъ создала,
 Любовь къ изящному въ душѣ моей зажгла,
 Облагородила желанья;
 Учила презирать завистный судъ невѣждъ
 И лести судъ несправедливый;
 Смиряла пылкій жаръ надеждъ
 И сердца ранніе порывы.
 И я душой не измѣнилъ
 Ея спасительнымъ стараньямъ:
 Мои геніи чести вѣренъ былъ
 И цѣну зналъ благодѣяньямъ.

Быть-можетъ, нѣкогда твой счастливый поэтъ,
 Бесѣдая мечтой съ протекшими вѣками,
 Расскажетъ стройными стихами
 Златыя были давнихъ лѣтъ;
 И вольный другъ воспоминаній,
 Онъ станетъ пѣть дѣла отцовъ:
 Неутомимыя ихъ брани
 И гибель греческихъ полковъ.*
 Святые битвы за свободу
 И первый родины ударъ .

* При Олегѣ и Владимірѣ Великомъ. *Прим. Издат. Нов. Литт*

Ее громившему народу,
 И казнь ужасную Татарь. *
 И оживитъ онъ — въ пѣсняхъ славы —
 Славянтъ плѣнительные нравы,
 Ихъ доблесть на поляхъ войны,
 Ихъ добродушныя забавы
 И геніи русской старины
 Торжественный и величавый!

А нынѣ — пѣсни юныхъ лѣтъ,
 Богини скромной и веселой,
 Тебѣ даритъ рукой несмѣлой
 Тобой воспитанный поэтъ.

Пусть сѣнь листы въ часы уединенья
 Представляютъ памяти твоей
 Живую радость прошлыхъ дней,
 Невѣрной жизни обольщенья
 И страсти вѣтренныхъ друзей;
 Здѣсь все, чѣмъ занятъ былъ счастливый даръ поэта,
 Когда онъ тишину боготворилъ душой,
 Не рабствовалъ молвѣ обманчиваго свѣта
 И пѣлъ для дружбы молодой!

МОЯ РОДИНА.

«Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?
 Тамъ ли, гдѣ лется лазурная Рона;

* При Дмитріи Донскомъ и двухъ Іоаннахъ, Великомъ и Грозномъ. *Прим. Издат. Нов. Лит.*

Тамъ ли, гдѣ пѣли пѣвцы Альбіона;
 Тамъ ли, гдѣ бился Арминій — герой?»
 — Не тамъ, гдѣ сражался герой Туискона
 За честь и свободу отчизны драгой;
 Не тамъ, гдѣ носился гласъ барда живой;
 Не тамъ, гдѣ струится лазурная Рона. —

«Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?» —
 — Гдѣ берегъ уставленъ рядами кургановъ;
 Гдѣ бились Славяне при пѣсняхъ баяновъ;
 Гдѣ Волга, какъ море, волнами шумить . . .
 Тамъ память героевъ, тамъ край вдохновеній,
 Тамъ все, что мнѣ мило, чѣмъ сердце горить;
 Туда горделивый пѣвецъ полетитъ,
 И струны пробудятъ минувшаго геній! —

«Кого же прославить пѣвецъ молодой?»
 — Пѣвца восхищаютъ могучіе дѣды;
 Онъ любитъ славянскихъ героевъ побѣды,
 Ихъ нравы простые, ихъ жаръ боевой;
 Онъ любитъ долины, гдѣ бились народы.
 Пылая къ отчизнѣ любовью святой;
 Гдѣ падали силы Орды Золотой;
 Гдѣ пѣли пѣсни войны и свободы. —

«Кого же прославить пѣвецъ молодой?»
 — Отъ звука роднаго, съ ихъ бранною славой,
 Какъ звѣзды, блистая красой величавой,
 Возстанутъ герои изъ мрака тѣней:
 Вы, страшные Грекамъ, и ты, нашъ Арминій,
 Младый, но ужасный средь вражыхъ мечей,
 И ты, сокрушитель татарскихъ цѣпей,
 И ты, побѣдившій враговъ и пустыни! —

«Но кто жь молодого пѣвца наградить?»

— Пылаеть онъ жаждой награды высокой,
Онъ борется смѣло съ судьбою жестокой,
И, гордый, всесильной судьбы не винить...
Такъ бурей гонимый, средь мрака ночнаго,
Пловецъ по ревуцимъ пучинамъ летить,
На грозное небо спокойно глядить
И взорами ищетъ свѣтила роднаго! —

«Но кто жь молодого пѣвца наградить?»

— Потомокъ героевъ, какъ предки, свободной,
Пѣвецъ не унижить души благородной
Отъ почестей свѣта и пышныхъ даровъ.
Онъ славить отчизну — и въ гордости смѣлой
Не занять молвою, не терпитъ оковъ:
Онъ ждетъ себѣ славы . . . за далью вѣковъ,
И взоры сверкають надеждой веселой! —

МОЕ УЕДИНЕНІЕ.

Отъ свѣта вдалекѣ,
Я моему Пенату
Нашель простую хату
Въ пустынномъ чердакѣ;
Здѣсь лѣстница кругая,
Со входа по стѣнѣ
Улиткой завитая,
Въ потьмахъ ведетъ ко мнѣ.
Годовъ угрюмый геній
Съ нея перилы снялъ,

И тяжкія ступени
Избилъ и раскачалъ;
Но зная путь парнасской
Отъ колыбельныхъ лѣтъ,
Съ ея вершины тряской
Не падаетъ поэтъ.
Подъ нимъ дрожатъ ступени.
И тьма со всѣхъ сторонъ;
Но вѣрно ходитъ онъ
Къ своей любимой сѣни.

Благодарю боговъ!
Въ моемъ уединеньѣ
Свобода — рай пѣвцовъ,
Живое размышленье
И тишина трудовъ.
Умѣренность благая
Приютъ мой убрала,
Здѣсь роскошь выписная
Приема не нашла.
Завѣсою богатой
Не занавѣшенъ свѣтъ;
Поль шаткой и покатою
Коврами не одѣтъ;
Ни бронзы драгоцѣнной,
Ни зеркаль, ни картинъ:
Все бѣдно и смиренно,
Какъ сирый фебовъ сынъ.
У стѣнки некрасивой
Стоитъ мой столъ простой,
Хранитель молчаливой
Всего, что геній мой,
Мечтатель говорливой,
Досужною порой,

Пѣвцу-анакорету
 Наединѣ внушилъ
 И строго запретилъ
 Казать слѣпому свѣту;
 Предъ нимъ моя рука,
 Широкии рядами,
 Изъ полокъ, межъ стѣнами
 И вверхъ до потолка,
 Приютъ уединенный
 Соорудила вамъ,
 О русскія Камены,
 Священныя вѣкамъ!

Ты здѣсь, во славѣ зримый.
 Снѣговъ полярныхъ сынъ,
 Пѣвецъ непобѣдимый
 И гений — исполинъ,
 Отважный, какъ свобода,
 И быстрый, какъ перунъ,
 Ты строенъ, какъ природа,
 Какъ небо, вѣчно юнъ!

И ты, кумиръ поэта,
 Съ высокою душой,
 Какъ яркая комета,
 Горящей полосой
 На русскомъ небосклонѣ
 Возникшій въ дни побѣдъ
 И мудрую на тронѣ
 Прославившій поэтъ!
 Твой голосъ величавый
 Гремитъ изъ рода въ родъ,
 И вѣчно не замретъ
 Въ устахъ полночной славы.

И ты, любимый сынъ

Фантазіи чудесной,
 Пѣвецъ любви небесной
 И сѣверныхъ дружинъ,
 То нѣжный и прекрасный,
 Какъ сердца первый жаръ,
 То смѣлый и ужасный,
 Какъ мщенія ударъ!
 Твой гласъ душѣ унылой,
 Какъ Ангела привѣтъ,
 Внушаетъ тайной силой
 Надежду въ морѣ бѣдъ;
 Въ страдальцѣ оживляетъ
 Покорность небесамъ, —
 И грустный забываетъ,
 Что онъ еще не тамъ!

Питомцы вдохновенья!
 Вы здѣсь, — и геній мой
 Мірскія наслажденья
 Съ мірскою суетой
 Презрительно бросаетъ
 Предъ Музою во прахъ,
 И зря, какъ васъ вѣнчаетъ
 Безсмертіе въ вѣкахъ,
 Приподнимаетъ крылы,
 И чувствуетъ въ крылахъ
 Торжественныя силы.

Счастливъ, кто жребій свой
 Изъ урны роковой
 Самъ избиралъ и вынулъ,
 И шумный свѣтъ покинулъ
 Для неизмѣнныхъ благъ!
 Умѣреннымъ богатый,
 Въ тиши укомной хаты,

Въ спасительныхъ трудахъ
Онъ дни свои проводить
Съ волшебницей-мечтой;
За славою не ходить
И не знакомъ съ молвой.
Безвѣстность золотая
Хранить его отъ бѣдъ,
И ласковая стая
Докучливыхъ суетъ
Ненужнаго для свѣта
Не вызоветъ на свѣтъ.
О боги! кровь поэта
Да будетъ вѣчно тихъ!
Я не ищу фортуны,
Ни почестей мірскихъ:
Труды, безвѣстность, струны —
Блаженство дней моихъ!

А ты, моя свобода,
Храни души покой!
Мнѣ Музы и природа
Прекраснѣе съ тобой;
Съ тобой мечты живѣе,
Отважнѣй думъ полеть,
И пѣснь моя звучнѣе;
Съ тобою — я поэтъ!

ПѢСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА.

(Въ альбомѣ А. А. Воейковой.)

Мы бились мечами на чуждыхъ поляхъ.
 Когда, горделивый и смѣлый, какъ дѣды,
 Съ дружиной героевъ искалъ я побѣды
 И чести жить славой въ грядущихъ вѣкахъ.
 Мы бились жестоко: враги передъ нами,
 Какъ нива предъ бурей, ложилися въ прахъ:
 Мы грады и села губили огнями,
 И скалды насъ пѣли на чуждыхъ поляхъ.

Мы бились мечами въ тотъ день роковой,
 Когда, побѣдивши морскія пучины,
 Мы вышли на берегъ Гензинской долины,
 И встрѣчены грозной, неожиданой войной.
 Мы бились жестоко: какъ мы, удалые,
 Враги насъ тѣснили толпа за толпой;
 Ихъ кровью намокли поля боевыя, —
 И мы побѣдили въ тотъ день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
 Когда я, отважный потомокъ Одина,
 Принесъ ему въ жертву врага-исполна.
 При громѣ оружія, при свѣтѣ луны.
 Мы бились жестоко: сѣкирой стальною
 Разилъ меня дикій питомецъ войны;
 Но я разрубилъ ему шлемъ съ головою, —
 И мы побѣдили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынамъ
 Оставилъ я брою и щитъ мой широкій,
 И бранное знамя, и шлемъ мой высокій,
 И мечъ мой, ужасный далекимъ страпамъ.
 Мы бились жестоко — и гордые нами
 Потомки, отвагой подобные намъ,
 Развѣсятъ кольчуги съ щитами, съ мечами,
 Въ чертогахъ отцовскихъ на память сынамъ.

P. S.

Прошу стихи мои простить!
 Я на Парнассѣ школьникъ юный:
 Васъ не умѣли похвалить
 Мои застѣнчивыя струны.
 Но если праведнымъ судьбамъ
 Убогій сердца даръ приятенъ,
 Какъ драгоценный опіамъ;
 То голосъ мой Вамъ будетъ внятенъ.
 И сей листокъ чрезъ много дней
 Напомнитъ вамъ пѣвца младаго,
 Который не жилъ для связей,
 Въ странѣ чужой не пѣлъ чужаго,
 Не звалъ и славы въ свой пріютъ
 И за фортуной быстроногой,
 Мірекою пыльною дорогою,
 Не побѣждалъ, хоть все бѣгутъ.
 За то въ дуплѣ его смиренной
 Огнь чистой славы пламенѣлъ;
 Онъ кое-что не худо пѣлъ,
 Но Музою не вдохновенной,
 Передъ высокимъ онъ нѣмѣлъ.

ЧУЖБИНА.

Тамъ, гдѣ въ блескѣ горделивомъ
 Межъ зеленыхъ береговъ
 Волга вторитъ ихъ отзывомъ
 Пѣсни радостныхъ пловцовъ.
 И какъ Нилъ-благотворитель
 На поля богатство льётъ, —
 Тамъ отцовъ моихъ обитель,
 Тамъ любовь моя живетъ!

Я давно протислся съ вами,
 Незабвенные края!
 Подъ чужими небесами
 Отцвѣтеть весна моя;
 Но ни въ громкомъ шумѣ свѣта,
 Ни подъ бурей роковой,
 Не слетитъ со струнъ поэта
 Голосъ родинѣ чужой.

Радость жизни, другъ свободы.
 Муза любить мой пріютъ.
 Здѣсь, когда берега и воды
 Подъ туманами заснутъ,
 И какъ щитъ передъ сраженьемъ.
 Свѣтелъ мѣсяцъ золотой, —
 Съ благотворнымъ вдохновеньемъ,
 Легкокрылою толпой,

Изъ страны очарованья,
 Въ ихъ ээирной тишинѣ.

Утѣшители-мечтанья
 Ниспускаются ко мнѣ;
 Предъ очами оживаетъ
 Красота минувшихъ дней,
 Сладко грудь моя вздыхаетъ,
 Сердце бьется, взоръ яснѣй!

Это ты, страна родная,
 Гдѣ весеніе цвѣты
 Мнѣ дарила жизнь молодая!
 Край прелестный — это ты,
 Гдѣ видѣніемъ игривымъ
 Каждый день мой пролеталъ,
 Каждый день меня счастливымъ
 Находилъ и оставлялъ!

Вы, холмы, лѣса, поляны,
 Скаты значныхъ береговъ.
 И старинные курганы —
 Память смѣлыхъ праотцовъ —
 Сохраненные вѣками,
 Какъ свидѣтели побѣдъ,
 Непритворными струнами
 Васъ привѣтствуетъ поэтъ!

Вашъ иѣвецъ въ чужбинѣ дышитъ
 И одинъ, во цвѣтѣ дней,
 Долго, долго не услышитъ
 Пѣсенъ волжскихъ рыбарей.
 Долго грустный проблуждаетъ
 Онъ по дальнимъ сторонамъ:
 Долго арфа не сыграетъ
 Пѣсни радостнымъ друзьямъ.

Ты, которая вливаешь
 Огонь божественный въ сердца,
 И цвѣтами убираешь
 Кудри юнаго пѣвца,
 Радость жизни, другъ свободы,
 Муза лиры, прилетай
 И утраченные годы
 Мнѣ въ мечтахъ напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
 Ты мила душѣ моеи;
 Мнѣ съ тобою не ужасна
 Буря свѣта и страстей.
 Я горжусь твоимъ участиемъ;
 Ты чаруешь жизнь мою, —
 И забытый рано счастьемъ,
 Я утѣшенъ: я пою!

ПѢСНЬ БАЯНА

ПРИ НАЧАТІИ ВОЙНЫ.

Война, война! прощай Сіана!
 Бойцы шумятъ, бойцы идутъ;
 Они товарища баяна
 Въ страну далекую зовутъ, —
 Туда, гдѣ бранные пожары.
 Дунайски волны озарятъ,
 Гдѣ смертоносные удары
 О племы Грековъ зазвенятъ.
 Съ врагомъ сражаяся, какъ дѣды.

Рукой и сердцем Славянинъ,
Я наши стану пѣть побѣды
И смѣлость князя и дружинъ.

И твой баянъ, прруя славу,
Подъ мѣдью лать дыша тобой,
Самъ повторю я Святославу,
Что пѣлъ Сіанъ молодой.

Промчится буря боевая,
Войдетъ въ ножны бузатъ бойца —
И дѣва, сердцемъ оживая,
Обниметъ вѣрнаго пѣвца.

ПѢСНЬ БАРДА

ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАРЪ ВЪ РОССІИ.

**О! столати Русской землѣ, прѣкью
годниъ и прѣкыхъ Кназеи.**

Слово о полку Игоревѣ.

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,
Баяновъ струны золотыя,
Пѣвицы вольности и славы и побѣдъ,
Народу русскому родныя?

Бывало: ратники лежатъ вокругъ огней
По берегу свѣтлаго Дуная,
Когда тревога боевая
Молчитъ до утреннихъ лучей.
Вдали — туманомъ покровенный
Станъ Грековъ, и надъ нимъ грозна,

Какъ щить въ бою окровавленный,
Восходитъ полная луна!

И тихій сонъ во вражемъ станѣ;
Но тамъ, гдѣ вы, сыны снѣговъ,
Тамъ, вдохновенный, на курганѣ,
Поетъ дѣянья праотцовъ —
И персты вѣще летаютъ
По звонкимъ пламеннымъ струнамъ,
И взоры воиновъ сверкаютъ,
И рвутся длани ихъ къ мечамъ!

На утро солнце лишь возстало —
Проснулся дерзостный бузатъ:
Валятся Греки — рядъ на рядъ,
И ихъ полковъ — какъ не бывало!

И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.
Но завтра солнце вновь возстанетъ...
А мы... намъ долго цѣпи влечь;
Столѣтъя * протекутъ — и русской мечъ не грянетъ
Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимыя страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній рабскаго молчанья **

* Татарское иго бременило Россію почти три столѣтія: отъ несчастнаго сраженія при рѣкѣ Калкѣ до сраженія при рѣкѣ Непрядвѣ, гдѣ храбрый Димитрій Донскій разбилъ Мамая.

** Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея Восточныхъ предѣловъ до

Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.
 Теперь вотще младый баянъ
 На голосъ предковъ запѣваетъ:
 Жестокихъ бѣдствій ураганъ
 Рабовъ полмертвыхъ оглашаетъ;
 И онъ, дрожащею рукой
 Поднявъ холодныя желѣзы,
 Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы,
 Съ неисцѣлимую тоской!

У С Л А Д Ъ .

Не стонетъ долъ отъ топота коней,
 Не брызжетъ кровь отъ русскаго удара:
 По берегу Дуная, близъ огней
 Лежатъ бойцы — смирители Болгара;
 Тамъ юноша, соратникъ ихъ мечей,
 Исполненный божественнаго дара,
 Плѣняетъ слухъ дружины удалой
 Военныхъ струнъ волшебною игрой.

Баянъ поетъ могучихъ праотцовъ,
 Ихъ смѣлый нравъ, ихъ бурныя сраженья,
 И силу рукъ, не знающихъ оковъ,
 И быстроту ихъ пламеннаго мщенья.

Западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественныя
 вмѣстѣ опустошили ихъ. *Ист. Гос. Росс., Т. IV, стр. 16.* Отъ
 временъ Василія Ярославича (періодъ самый ужаснѣйшій) оте-
 чество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Госу-
 дарство. *Тамъ же, Т. V, стр. 370.*

Какъ звукъ щита, и ратнымъ п вождамъ
 Отраднѣ пѣснь любимца вдохновенья:
 Ихъ взоръ горитъ, ихъ мысль блуждаетъ тамъ,
 Гдѣ билась рать отважнаго Олега,
 Гдѣ игоревъ булатъ торжествовалъ —
 И гордый Грекъ блѣднѣлъ и трепеталъ,
 Послыша громъ славянскаго набѣга.

Баянъ воспѣлъ мнувшихъ лѣтъ дѣла;
 Баянъ умолкъ; — но рать еще внимаетъ.
 Такъ плаватель, когда ночная мгла
 Лазурь небесъ и море застилаетъ,
 Еще глядитъ на сумрачный закатъ,
 Гдѣ скрылося великое свѣтило;
 Такъ сладостно разставшемуся съ милой
 Издалека еще взирать назадъ!

Луна плыветъ въ спокойныхъ небесахъ;
 Молчитъ Дунай, чернѣетъ лѣсъ дремучій.
 И тѣнь его, какъ тѣнь широкой тучи,
 Мрачна лежитъ на стихнувшихъ водахъ.

ПѢСНЬ БАЯНА.

О ночь, о ночь! лети стрѣлой!
 Несносенъ отдыхъ Святославу:
 Онъ жаждетъ битвы роковой.
 О ночь, о ночь! лети стрѣлой!
 Несносенъ отдыхъ Святославу!

Цимискій! крѣпокъ ли твой щитъ?
 Не тонки ль кованья латы?
 Нашъ князь убійственно разить.

Цимискій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованья латы?

Дружинѣ борзыхъ дай коней;
Не то — мечи ее нагонять,
И не ускачетъ отъ мечей.
Дружинѣ борзыхъ дай коней;
Не то — мечи ее нагонять.

Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжѣлъ.
Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне!

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля откройтесь для побѣды,
Проснися, ужасъ боевой!
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля откройтесь для побѣды!

Но кто пѣвецъ любви не воспѣвалъ?
Какой баянъ, плѣненный красотою,
Мечты бойца съ прекрасною мечтою
О родинѣ и милой не сливалъ?
Двойной огонь въ душѣ пѣвца младаго,
Когда поетъ онъ дѣву и войну;
Такъ двѣ струи Дуная голубаго
Блестятъ живѣй, сливаясь въ одну.

ПѢСНЬ БАЯНА.

Бойцы садятся на коней,
Баяна дѣва обнимаетъ;
Она молчитъ, она вздыхаетъ,
И слезы градомъ изъ очей.

Прощай, прощай! иду на битву.
«Люби меня, моя краса!
«Молись — услышать Небеса
«Твою невинную молитву!

«Щита, врученного тобой,
«Булатъ врага не перерубить;
«Тебя пѣвецъ твой не разлюбить
«И не измѣнится душой.»

Они разстались. Пыль густая
Поля покрыла, какъ туманъ.
Враги! вамъ полно ждать Славянъ!
Вамъ полно спать, берега Дуная!

Взошла денница; вспыхнулъ бой;
Дрожить широкая долина.
О Грекъ! страшна твоя судьбина:
Ты не воротисья домой!

Валятся всадники и кони,
Булатъ дробится о булатъ —
И палъ ужасный сопостатъ
При шумѣ яростной погони!

Баянъ отцамъ не измѣнилъ
 На полѣ гибели и чести:
 Могучій врагъ ударомъ мести
 Его щита не сокрушилъ.

Гордыня сильнаго смирилась;
 Ему не праздновать войны. . . .
 И сталь побѣдная въ ножны
 По вражьей крови опустилась!

И рать на родину пришла;
 Баяна дѣва обнимаетъ,
 Отраднo грудь ея вадыхаетъ,
 И дѣвы радость ожила.

—

Не сталь въ груди Улада трепетала,
 Не дикій огонь сверкалъ въ его очахъ:
 Онъ зналъ любовь; душа его питала
 Ея восторгъ, ея безвѣстный страхъ.
 Онъ твой, онъ твои, красавица Сіана!
 Ты помнишь ли его златые дни,
 Когда лѣсовъ отеческихъ въ тѣни
 Ласкала ты влюбленнаго баяна?
 Ты помнишь ли, какъ бросивъ мечъ и щитъ,
 Презрѣвъ войны высокія награды,
 Онъ пѣлъ твои божественные взгляды
 И красоту застѣнчивыхъ ланитъ?
 Ты помнишь ли, какъ пѣснь его внимая,
 Молчала ты? Но . . . какъ любовь молчить?
 То свѣжъ и чистъ, какъ роза молодая,
 Твое лицо румянецъ оживлялъ;
 То вспыхивалъ твой взоръ, — то угасалъ,

Какъ въ облакъ зарница золотая.
 Баянъ Усладь любви не измѣнялъ:
 Съ чужихъ полей, гдѣ рыщеть ужась битвы,
 Къ тебѣ его надежды и мечты,
 И за тебя сердечныя молитвы;
 Онъ всюду твой! А ты . . . вѣрна ли ты?

БАЯНЪ КЪ РУССКОМУ ВОИНУ

ПРИ ДИМИТРИИ ДОНСКОМЪ, ПРЕЖДЕ ЗНАМЕНИТАГО СРАЖЕНІЯ
 ПРИ НЕПРЯДВѢ.

(Посвящено А. А. Воейковой.)

Стоитъ за алтари Святые,
 За богомъ вѣнчанныхъ Царей.
 За гробы праотцовъ родные
 За женъ, отцовъ и за дѣтей.

Лобановъ.

О бранный витязь! Ты печаленъ,
 Одинъ, съ поникшею главою,
 Ты бродишь, мрачный и вѣмой,
 Среди могилъ, среди развалинъ:
 Ты видишь въ родинѣ своей
 Слѣды пожаровъ и мечей.

И неужель трава забвенья
 Успѣеть вырость на гробахъ,
 Пока не вспыхнетъ въ сихъ поляхъ
 Война рѣшительнаго мщенья?
 Или замолкла навсегда
 Твоя за родину вражда?
 Твои отцы Славяне были,

Желѣзомъ страшные врагамъ;
 Чужія руки ихъ рукамъ
 Не цѣпи — злато приносили.
 И не свобода ль имъ дала
 Ихъ знаменитыя дѣла?

Когда съ толпой отважныхъ братій
 Ты грозно кпнешься на бой, —
 Кто сильный сдержитъ предъ тобой
 Враговъ тьмочисленныя рати?
 Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица
 При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободного сильнѣе
 Руки измученной ярмомъ:
 Такъ съ неба падающій громъ
 Подземныхъ грохотовъ звучнѣе;
 Такъ пѣснь побѣдная громчѣй
 Глухаго скрежета цѣпей!

Не гордый духъ завоеваніи
 Зоветъ бузатъ твой изъ ноженъ:
 За честь, за Вѣру грянетъ онъ
 Въ твоей опомнившейся длани —
 И передъ челами Татаръ
 Не промахнется твой ударъ!

На бой, на бой! — И жаръ баяновъ
 Съ народной славой оживетъ
 И арфа смѣлыхъ пропоетъ:
 «Конецъ владычеству тирановъ:
 Ужасенъ Ханъ Татарскій былъ,
 Но русскій мечъ его убилъ!»

ЭЛЕГИЯ.

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда въ моемъ карманѣ?
Теперь Христово Рождество
И веселятся христiяне;
А я одинъ, я чуждъ всего,
Что мнѣ надежды обѣщали:
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!

Туда, туда, къ Петрову граду
Я полетѣлъ бы: мнѣ мила
Страна, гдѣ первую награду
Мнѣ муза пылкая дала;
Но что не можно, то не можно!
Безъ денегъ — радости людей,
Здѣсь не дадутъ мнѣ подорожной,
А на дорогѣ лошадей.

Такъ ратникъ въ полѣ боевомъ
Свою судьбину проклинаятъ,
Когда разбитое врагомъ
Копье послѣднее бросаетъ:
Его рукѣ не взять вѣнца
Ему не славиться войною,
Онъ смотритъ вдаль — и взоръ бойца
Сверкаетъ первую слезою.

ЭЛЕГИЯ.

Не улетай, не улетай,
 Живой мечты очарованье!
 Ты возвратило сердцу рай —
 Минувшихъ дней воспоминанье.

Прошелъ, прошелъ ихъ милый сонъ,
 Но все душа за нимъ стремится
 И ждетъ: быть-можетъ, снова онъ
 Хотя однажды ей приснится

Такъ путникъ въ ранніе часы,
 Застигнуть ужасами бури,
 Съ надеждой смотреть на красы
 Гдѣ-гдѣ ствѣтлѣющей лазури!

ЕВПАТІЙ.

(Посвящено А. И. Тютчеву).

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть? —
 Въ рязанскія стѣны вломились Татары;
 Тамъ сильные долго сшибались удары,
 Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь,
 Но все побѣдили батыевы рати:
 Нашъ градъ — пепелище и Князь нашъ убитъ!»
 Евпатію блѣдный гонецъ говорить,
 И страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

«О витязь! я видѣлъ сей день роковой:
 Багровое пламя весь градъ обхватило,
 Какъ башня, спрямилось, — какъ буря, завыло;
 На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой,
 И крики послѣднихъ молитвъ и проклятій
 Въ дыму заглушали звенящій булатъ —
 Все пало и небо стерпѣло сей адъ!»
 Ужасно блѣднѣя, внимаеть Евпатій.

Гдѣ-гдѣ по широкой долинѣ огонь
 Сверкаетъ во мракѣ ночнаго тумана:
 То грозная рать побѣдителя-Хана
 Покоится; тихи воитель и конь;
 Лишь изрѣдка, черной тревожимый грезой,
 Татаринъ въ просонкахъ съ собой говоритъ,
 Иль вздрогнувъ, безмолвный, подниметь свой щитъ
 Иль схватить свое боевое желѣзо.

Вдругъ что тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ?
 «На битву, на битву!» зываютъ Татары.
 Откуда жь свершитель отчаянной кары?
 Не все ли погнѣло въ крови и въ огнѣ?
 Отчизна, отчизна! подъ латами чести
 Есть сильное чувство, живое, одно
 Полмертваго руку подьметъ оно
 Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительной мести.

Не синее море кипить и шумить,
 Почуя незапный набѣгъ урагана:
 Шумятъ и волнуются ратники хана;
 Оружіе блещеть, труба дребезжитъ,
 Толпы за толпами, какъ тучи густыя,
 Дружину отважныхъ стѣсняють кругомъ;

Сто копій сражаются съ русскимъ копьемъ
И пало геройство подъ силой Батыя.

Рѣдѣетъ ночнаго тумана покровъ,
Утихла долина убійства и славы.
Кто сей на долину убійства и славы
Лежить, окруженный тѣлами враговъ?
Уста ужь не кличуть безтрепетныхъ братій,
Ужь кровь заеклася въ отверстіяхъ латъ.
А длань еще держитъ кровавый булатъ:
Сей падшій воитель свободы — Евпатій! —

М У З А .

Богиня струнь пережила
Боговъ и грома и булата;
Она прекрасныхъ рукъ въ оковы не дала
Вѣкамъ тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань.
Въ вѣнцѣ раскованная сила,
Ея безсовѣстная длань
Алтарь изящнаго разбила;
Но съ праха рушенныхъ громадъ.
Изъ тишины опустошенья,
Возсталъ, величественъ и младъ,
Безсмертный Ангель вдохновенья.

ВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Забуду ль васъ когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили,
Мнѣ свѣтлый указали путь,
И сердце биться научили?
Я берегу въ душѣ моей
Неизъяснимыя, живыя
Воспоминанья прошлыхъ дней,
Воспоминанья золотыя.
Тогда для васъ я призывалъ,
Для васъ любилъ богиню пѣнья;
Для васъ дѣлами вдохновенья
Я возвеличиться желалъ;
И ярко — вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный —
Во мнѣ огонь его пылалъ.
Какъ волны, высились, мѣшались,
Играли быстрыя мечты;
Какъ образъ волнъ, ихъ красоты,
Ихъ ростъ и силы измѣнялись —
И былъ я полонъ божества,
Могучъ возстать до идеала,
И сладкозвучныя слова,
Какъ перлы, память набирала.
Тогда я ждалъ но гдѣ жъ они,
Мои плѣнительные дни,
Восторговъ пламенная сила
И жажда славнаго труда?
Исчезло все, — меня забыла

Моя высокая звѣзда.
Взываю къ вамъ: безъ вдохновеніи
Мнѣ скучно въ полѣ бытія;
Пускай пробудится мой геній,
Пускай почувствую, кто я!

Р О Д И Н А .

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихія непогоды,
Твои лѣса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостныя воды —
Все мило мнѣ, какъ жаръ стиховъ,
Какъ жажда пламенная славы,
Какъ шумъ прибережной дубравы
И разыгравшихся валовъ!

Всегда люблю я, вѣчно живы
На крѣпкой памяти моей
Предметы юношескихъ дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Краснорѣчивыя мѣста
Мнѣ оживляетъ и рисуетъ:
Она свѣжа, она чиста,
Она блеститъ, она ликуеть.

Но тамъ, гдѣ русская природа,
 Какъ нашихъ дѣдовъ времена,
 И величава и грозна
 И благодатна, какъ свобода, —
 Тамъ вяло дни мои лились,
 Тамъ не внимають вдохновенью,
 И люди мирно обрелись
 Непринужденному забвенью.

Цѣлуй меня, моя Лилета,
 Цѣлуй, цѣлуй! опять съ тобой
 Восторги вольнаго поэта
 И сила страсти молодой,
 И голосъ лиры вдохновенной!
 Покинувъ край непросвѣщенной,
 Душой высокое любя,
 Опять тобой воспламененный,
 Я стану пѣть и шумъ военный,
 И Меченосцевъ, и тебя!

ЭЛЕГИЯ.

Зачѣмъ божественной Хариты
 Въ ней разцвѣтаетъ красота?
 Зачѣмъ такъ пурпурны ланиты?
 Зачѣмъ такъ сладостны уста?
 Она въ душѣ не пробуждаетъ
 Святыхъ желаній, свѣтлыхъ думъ:
 При ней безумье не скучаетъ,
 И пламенный хладѣетъ умъ.
 Стиховъ гармонія живая

Невнятно, дико ей звучить;
 Она, очами не сверкая,
 Поэта имя говоритъ.
 Кто хочетъ, жди ея награды
 Но гордый славою своею,
 Поэтъ ли склонить передъ ней
 Свои возвышенные взгляды!
 Такъ слѣдь убогаго челна
 Струя безспильная лобзаетъ,
 Когда могучая волна
 Черезъ него перелетаетъ.

КАТЕНЬКЪ МОИЕРЪ.

Какъ очаровываетъ взоры
 Востока чистая краса,
 Сіяя розами авроры!
 Быть-можетъ, эти небеса
 Не цѣлый день проторжествуютъ;
 Быть-можетъ, мракъ застигнетъ ихъ,
 И ураганы добушаютъ
 До сводовъ вѣчно голубыхъ!
 Но любить тихое мечтанье
 Въ цвѣты надежду убирать,
 И неба въ утреннемъ сіяньѣ
 Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческіе годы
 Полетомъ ангела летятъ:
 Твои мечты — мечты свободы,

Твоя свобода — міръ отрадь;
Въ твоихъ понятіяхъ нѣтъ рока
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливаго ока
Не обратилъ онъ на тебя;
Но будетъ часъ, онъ неизбѣженъ,
Твоимъ очамъ откроетъ онъ
Сей міръ, гдѣ разумъ безнадеженъ,
Гдѣ счастье — сонъ, бѣда — не сонъ.

Пусть вѣры кроткое сіянье
Тебѣ освѣтитъ жизни путь;
Ея даровъ очарованье
Покоитъ страждующую грудь;
Она съ надеждою отрадной
Велитъ безъ ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпѣть, смиряться и любить.

Э л е г і я .

Она меня очаровала,
Я въ ней нашелъ всѣ красоты,
Всѣ совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
У небожителей просилъ,
И миръ души и сердца волю,
Какъ драгоценности, хранилъ.

Любви чарующая сила,
 Какъ искра зевсова огня,
 Всего меня воспламенила,
 Всего проникнула меня.

Пускай не мнѣ ея награды;
 Она мой рай, моя звѣзда
 Въ часы вакхической отрады,
 Въ часы покоя и труда.

Я безкорыстно повинуюсь
 Порывамъ страсти молодой,
 И восхищаюсь и люблюсь
 Непобѣдимую красой.

—

В И Д Ъ Н И Е .

—

Вчера, какъ сумраки по небу
 Туманный вечеръ разстигалъ,
 Я въ тишинѣ молился Тебу,
 Я вдохновенье призывалъ;
 Уже душой, ему покорной.
 Неукротимый, животворной
 Его огонь овладѣвалъ;
 Мечты кипѣли, разгорались,
 Росли, блистали и сливались,
 И видѣлъ я — мой идеалъ:
 Чело и очи, и ланиты,
 Уста, и локоны, и грудь,
 И станъ божественной Хариты

*

Непринужденно, какъ-нибудь
 Одеждой легкой перевитый.
 Какъ миль и живъ мой идеаль!
 Я млѣлъ, я таялъ, я стыдился,
 Я зѣдыхался и дрожалъ,
 И утомленный — пробудился!

МОЛИТВА.

Молю Святое Провидѣнье:
 Оставь мнѣ тягостные дни,
 Но дай желѣзное терпѣнье,
 Но сердце мнѣ окамени;
 Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
 Приду къ таинственнымъ вратамъ,
 Какъ Волги валъ бѣлоголовий
 Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

А Л А.

(отрывокъ.)

Въ странѣ, любимой небесами,
 Гдѣ величавая рѣка
 Между цвѣтущими берегами
 Играетъ ясными струями, —
 Тамъ, гдѣ въ минувшіе вѣка
 Сражались волны Христовы,
 Отважны, буйны и суровы, —

Гдѣ нашъ свирѣпый Іоаннъ,
 Пылая местию кровожадной,
 Казнилъ за Магнуса гражданъ
 Неумоимо, безпощадно, —
 Гдѣ добрый геній старины,
 Надъ чистымъ зеркаломъ Двины
 Хранить доселѣ, какъ святыню,
 Остатки каменной стѣны
 И кавалерскую твердыню —
 Въ дому отцовскомъ, въ тишинѣ,
 Какъ цвѣтъ Эдема разцвѣтала
 Очаровательная Ала.
 Межъ-тѣмъ въ сосѣдней сторонѣ,
 Устами Паткуля къ воинѣ
 Свобода смѣлыхъ вызывала,
 И удалаго короля
 Имъ угнетенная земля
 Съ валовъ балтійскихъ принимала,
 Когда, прославившись мечомъ,
 Онъ шелъ съ полуночнымъ Царемъ
 Извѣдать силы боевыя,
 Не зная, дерзкій, какъ бодра,
 Железной волею Петра
 Преображенная Россія!
 Родитель Алы доходилъ
 Къ предѣлу жизненной дороги.
 Онъ долго родинѣ служилъ,
 Видалъ кровавыя тревоги,
 Бывалъ рѣшителемъ побѣдъ;
 Потомъ покинулъ шумный свѣтъ,
 И, безмятежно догорая,
 Прекрасенъ былъ, какъ вечеръ мая,
 Закатъ его почтенныхъ лѣтъ.

Но вдругъ . . . и кто не молодѣетъ,
 Своимъ годамъ кто помнить счетъ,
 Чей духъ не крѣпнетъ, не смѣлѣетъ,
 Чья длань желѣза не беретъ,
 И взоръ отвагой не сверкаетъ,
 И грудь восторгомъ не полна,
 Когда знамена развиваетъ
 За честь и родину война?
 Онъ вновь надѣлъ одежду брани,
 Стальную саблю наточилъ;
 Казалось, старца оживилъ
 Священный жаръ его желаній.
 Онъ призвалъ дочь, и говорилъ:
 «Уже лишень я прежнихъ силъ
 Неумолимыми годами;
 Прошла пора, какъ твой отецъ
 Былъ знаменитѣйшій боецъ
 Между ливонскими бойцами,
 Свершалъ геройскія дѣла, —
 Все старость жадная взяла . . .
 Не все взяла! . . . еще волнуетъ
 Мою хладѣющую кровь
 Къ добру и вольности любовь;
 Еще отрадно сердце чуетъ
 Ихъ благодѣтельный призывъ;
 Ему, какъ юноша, внимаю,
 И снова смѣлъ, и снова живъ
 Служить отеческому краю.
 Гремите жъ, бранныя поля!
 Пруйте, мужество и мщенье!
 Что намъ судьбы опредѣленье?
 Опять ли силы короля
 Подавятъ милую свободу,

Или торжественно она
 Отдасть ливонскому народу
 Ея златыя времена, —
 Побѣда, смерть ли? будь, что будетъ,
 Лишь бы не стыдъ! Пускай же насъ
 Къ мечамъ хотя въ послѣдній разъ
 Глазь родины, какъ неба глазь,
 Отъ сна позорнаго пробудить!»
 Сказалъ — и взоры старика
 Мятежнымъ пламенемъ сверкали,
 И быстро падала рука
 На рукоять военной стали
 Такъ въ тучѣ рѣется огонь,
 Когда съ готовыми громами
 Она плыветъ подъ небесами;
 Такъ, слыша битву, ярый конь
 Кипитъ и топаетъ ногами.

Э Л Е Г И Я.

Счастливъ, кто съ юношескихъ дней,
 Живыми чувствами убогой,
 Идетъ проселочной дорогой
 Къ мѣтѣ таинственной своей!
 Кто разсудительной душою
 Безъ горькихъ опытовъ узналъ
 Всю бѣдность жпзни подъ луною,
 И ничему не довѣрять!
 Зачѣмъ не мнѣ такую долю
 Опредѣлили небеса?

Идя по жизненному полю
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

ТРИ ЭЛЕГИИ.

1.

Свободенъ я; уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стиховъ
За мильи́й взглядъ, за пару словъ,
Мнѣ подаренныхъ на удачу
Въ часы бездушныхъ вечеровъ;
Мои свѣтлѣютъ упованья,
Печаль отъ сердца отошла,
И съ ней любовь: такъ паръ дыханья
Слетаетъ съ чистаго стекла!

2.

Я зналъ живое заблужденье,
Любовь пѣвала я; были дни —
Теперь умчались они,
Теперь кляню ея волненье,
Ея блудящiе огни.
Я понялъ вѣтренность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И въ сердцѣ стихнулъ жаръ опасной
И не кружится голова:
Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
Въ глаза кумиру моему;

Но я не вѣрую надеждѣ,
Но я молюся — не ему!

3.

Моя Камена ей пѣвала;
Но сила взоровъ красоты
Не мучила, не услаждала
Моей надежды и мечты,
Но чувства пылкаго, живаго —
Любви, не зналъ я: такъ волна
Въ лучахъ свѣтила золотаго
Блестить, кипить, но холодна!

ПРОЩАНИЕ СЪ ЭЛЕГІЯМИ.

Прощайте, мненькія бредни
И мой почтенный идеалъ!
Не первый я, не я послѣдній
Васъ и творилъ и прославлялъ;
Но первый я васъ разгадалъ.
Мнѣ будетъ сладко и утѣшно
Въ другіе годы васъ читать.
Мой жаръ безумный и безгрѣшной —
Мою любовь вспоминать;
Тогда съ улыбкою унылой
На ваши строки посмѣрю
И молвлю: Господи помилуй!
И тихо книгу затворю. —

ЛИВОНІЯ.

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
 Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста,
 Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
 Ливоніи прекрасной красота!
 Прошла пора твоихъ завоеваній,
 Когда въ огняхъ тревоги боевой,
 Вожди побѣдъ, смирители Казани,
 Смирялися, блѣднѣя, предъ тобой!

Но тишина постыднаго забвенья
 Не все, не все у славы отняла:
 И черныя дѣла опустошенья,
 И доблести возвышенной дѣла
 Они живутъ для музы пѣснопѣнья,
 Для гордости поэтава чела! —

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
 Гдѣ бранная воспитывалась честь,
 Гдѣ торжество не вѣдало пощады,
 И грозную разгорячало мечь, —
 Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
 Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ
 И нѣтъ въ груди волненія живаго,
 И нѣтъ огня въ безмысленныхъ очахъ!

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
 Въ душѣ его такая ль тишина,
 Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
 Является святая старина?

Исполненный божественной отрады,
 Онъ зрѣтъ въ мечтахъ минувшіе вѣка;
 Душа кипитъ; горять, яснѣютъ взгляды
 И падаетъ къ струнамъ его рука.

Э Л Е Г И Я.

Прощай, красавица моя!
 Извѣстенъ мнѣ любимецъ нѣги,
 Стъ кѣмъ на дорогѣ бытія
 Ты дѣлишь тайные ночлеги.
 Я вѣрилъ нѣжностямъ пустымъ;
 Я ждалъ любви и наслажденій;
 Я много свѣтлыхъ вдохновеній
 Означилъ пменемъ твоимъ;
 Обмануть я: иную долю
 Мнѣ Провидѣніе даетъ.
 Но путникъ свищетъ и постъ,
 Идя по сумрачному полю
 И я разсѣю грусть мою,
 Мою сердечную неволю:
 Я веселья снова и пою!

Э Л Е Г И Я.

Меня любовь преобразила:
 Я сталъ задумчивъ и унылъ;

Я ночи блѣдныя свѣтила,
 Я сумракъ ночи полюбилъ.
 Когда веселая зарница
 Горитъ за дальнею горой,
 И паръ густѣеть надъ водой,
 И смокла вечера пѣвица:
 По скату сонныхъ береговъ
 Брожу тоскуя и мечтая,
 И жду, когда между кустовъ
 Мелькнетъ условленный покровъ,
 Или тропинка потайная
 Зашепчетъ шорохомъ шаговъ.
 Гори, прелестное свѣтило,
 Помедли мракъ на лонѣ водъ:
 Она придетъ, мой ангелъ милой,
 Любовь моя, — она придетъ!

ВОСПОМИНАНИЕ.

Я не забуду никогда
 Мои студенческіе годы,
 Раздолье Вакха и свободы
 И богатнаго труда!
 Въ странѣ, умѣреннымъ блаженной,
 Вдали блистательныхъ невѣждъ,
 Они питали жаръ священный
 Моехъ желаній и надеждъ.
 Здѣсь Муза пѣсень, полюбила
 Мои словесныя дѣла;
 Здѣсь духа творческая сила

Во мнѣ мужала и росла
 И слава ей! Не ласки свѣта,
 Не взоръ любви, не блескъ наградъ,
 Какими свѣтскаго поэта
 Вельможн гордые дарятъ, —
 Мечты могучія живили
 Пѣвца чувствительную грудь,
 И мнѣ яснѣль высокій путь
 Для поэтическихъ успій.

Но помню я: была пора,
 Я обожалъ уста и очи,
 Чего-то ждалъ съ утра до ночи,
 О чемъ-то бредилъ до утра,
 И страсти вѣруя залетной,
 Впервые лакомъ до похвалъ,
 Я мой талантъ словоохотной
 Чужимъ причудамъ посвящалъ.
 Стиховъ гармонія и сила
 Плѣняла душу красоты;
 Казалось мнѣ . . . она любила
 Мои весенніе цвѣты.
 Разнообразныя надежды
 Я расточительно питалъ,
 Я ихъ въ мишурныя одежды
 И позаморски одѣвалъ.
 Она улыбкой награждала
 Благовоспитанный мой бредъ,
 Гдѣ громкимъ словомъ идеала
 Знаменовалъ ее поэтъ.
 Любовь возвышенная! ты ли
 Давала жизнь моимъ стихамъ,
 Когда мечты мои служили
 Обыкновеннымъ божествамъ?

Твоя ли дѣйствовала воля,
 Тобой ли полонъ былъ пѣвецъ,
 Когда съ общественнаго поля
 Онъ набиралъ себѣ вѣнецъ?
 Теперь не то — я славлю Бога!
 Она прошла и не придетъ,
 Пора томительныхъ заботъ,
 Моя сердечная тревога.
 Какъ нѣчто странное, объ ней
 Хранится въ памяти моей
 Нравоучительная повѣсть, —
 Она въ стихахъ и не мала;
 Но поэтическая совѣсть
 Ее безумствомъ назвала.
 И правда, вѣрю, я не кстатѣ
 Дары-таланты расточалъ;
 Да впрочемъ ea tempestate
 Я былъ влюбленъ — итакъ не зналъ,
 Что бредилъ я, когда писалъ
 И говорю: любви обѣты,
 Любви надежды и мечты
 Или живые пустоцвѣты,
 Или поддѣльные цвѣты!

ВЪ АЛЬБОМЪ Ш. К.

Не часто ль тягостною мукой
 За откровенныя слова
 Души простой и близорукой
 Платилъ мнѣ слѣпокъ божества;

Не часто ль послѣ вдохновенья
 Отрадъ возвышенныхъ я ждалъ,
 Заранѣ чуялъ наслажденья,
 Заранѣ сердцемъ ликовалъ —
 И только знаки отверженья
 Въ глазахъ красавицы читалъ?
 Любовь, любовь! я помню живо
 Счастливыи день, какъ въ первый разъ
 Ты сильнымъ пламенемъ зажглась
 Въ моей груди самолюбивою!
 Тогда всѣ чувства бытія
 Въ одно прекрасное сливались;
 Они свѣтлѣли, возвышались,
 И гордо радовался я.

ВЪ АЛЬБОМѢ Ш. К.

Довѣрчивый, простосердечный,
 Безумно слѣдую мечтѣ,
 Дается юноша безпечно
 Въ неволю хитрой красотѣ;
 Книшитъ, ликуеть, возвышается
 Его надежда; передъ нимъ
 Міръ очарованныи является
 Безбрежнымъ, яснымъ и святымъ.
 Онъ долго рабствуетъ прекрасной,
 Онъ богомъ идола зоветъ;
 Но сонъ проходить сладострастной
 И въ тоже сердце не придетъ.
 Счастливъ, когда любви вольненіе

Онъ своевольно усмирить,
И стыдъ, и гордость, и презрѣнїе
Для ней во нравъ сохранилъ.

къ П. И. ДИРИНУ.

Еще ты рокомъ не замѣченъ,
Тебѣ прекрасенъ Божїи свѣтъ;
Не зная мукъ, не зная бѣдъ
Ты всѣмъ доволенъ и безпеченъ;
Твои безоблачные дни,
Какъ милый сонъ, мелькаютъ живо;—
Да не закатятся они
Съ порою младости счастливой!
Она пройдетъ, — но пусть она
Не мрачный путь тебѣ укажетъ,
Пробудитъ силы ото сна
И умъ для доблести развяжетъ,
Научитъ родину любить,
Добро и честь любить душою,
За нихъ бѣды переносить,
И не блѣднѣть передъ судьбою.—

И. Д. КИСЕЛЕВУ.

Скажи, какъ жить мнѣ безъ тебя
Чѣмъ врачеваться мнѣ отъ скуки?

Любя нѣмецкія науки,
И нѣмцевъ вовсе не любя,
Кому, собою не довольный,
Повѣрю я свои стихи?

.....
.....

Въ странѣ,

.....

Гдѣ жизнь идетъ, а не летитъ
Гдѣ ѣздить вдолгъ, дарятъ не даромъ, —
Гдѣ рѣдки русскіе умы,
Гдѣ рѣдки искры вдохновенья, —

.....

.....

Любили вмѣстѣ мы дѣлать

Веселой младости досуги

.....

.....

Мелькали быстро дни мои:

Я зналъ не купленное счастье

Въ раю мечтательной любви

И въ идеальномъ сладострастьѣ;

Но я предвижу, милый мой,

Что скоро сбудется со мной.

Живя однимъ воспоминаньемъ,

Я лучшихъ дней не призову, —

И отягчить мою главу

Тоска съ несбыточнымъ желаньемъ.

Мои свободныя мечты

И пѣсни музы горделивой

Замѣнитъ мнѣ покой сонливой;

И жизни глухой суеты

Меня презрѣять утѣхой льстивой, —

И прочь прекрасное! Но ты
 Свидѣтель милой наготы
 Моей поэзіи шутилой
 Пускай тебѣ сіи мечты,
 Въ веселый часъ, представляютъ живо
 Лихія шалости любви
 О! вспомни вольнаго собрата
 И важной дланью дипломата
 Моихъ стиховъ не изорви!

М. И. ДИРИНОЙ.

Не въ первый разъ мой добрый геній
 Кидаеть суетную лѣнь,
 Словами дара пѣснопѣній
 Слѣша привѣтствовать вашъ день;
 Не въ первый разъ восторгомъ блещеть
 Сей даръ, покорствующій вамъ,
 И сердце сладостно трепещеть,
 Кипучимъ тѣсное мечтамъ:
 Всегда вы мило принимали
 Мои привѣты — и живѣй,
 Смѣлѣе, краше ликовали
 Надежды юности моей!
 И нынѣ вами пробужденный,
 Я вамъ по прежнему несу
 Мою любовь, мою красу —
 Стихи Камены откровенной.
 Но что же пѣть моимъ стихамъ
 На праздникъ вашего рожденья?

Молить ли руку Провидѣнья,
 Да покровительствуетъ вамъ?
 И возсылаю къ небесамъ
 Благочестивыя моленья.
 Желать ли, да украсить васъ
 И умъ, и прелесть, и наука;
 Да васъ плѣняетъ сладость звука
 И стихотворческій Парнасъ;
 Да процвѣтаютъ ваши годы
 Подъ кровомъ милой тишины,
 Какъ мѣръ божественной свободы,
 Какъ поле радостной весны?
 И я желаю — но едва ли
 Я не наскучу небесамъ,
 Моля, чтобъ вамъ они послали
 Уже дарованное вамъ?

П Ъ С Н Я.

Кто за покаяньемъ не поетъ,
 Тому не полная отрада:
 Богъ пѣсенъ богу винограда
 Восторги новые даетъ.

Слова святыя: пей и пой!
 Необходимы для пирушки.
 Друзья! гдѣ арфа подлѣ кружки,
 Тамъ бога два — и пиръ двойной!

Такъ ночью краше небеса
 При яркомъ мѣсяца сіяньи;

Такъ въ миловидномъ одѣяньи
Очаровательнѣй краса.

Кто за покаломъ не поеть,
Тому не полная отрада:
Богъ пѣсенъ богу винограда
Восторги новые даетъ! —

МЕЧЕНОСЕЦЪ АРАНЪ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Не разъ, не два Ливонія видала,
Какъ, ратуя за вѣру Христیانъ,
Могучая рука твоя, Аранъ!
Изъ вражыхъ рукъ побѣду вырывала;
Не разъ, не два тебя благословлялъ
Привѣтный крикъ воинственнаго схода,
Когда тобой хвалился воевода
И смѣлаго, какъ сына, обнималъ.

.....
Но мнилось — любовь и наслажденье,
А не войну и славу на войнѣ
Арановой плѣнительной веснѣ
Назначило удѣломъ Провидѣнье.
Аранъ! твои ланиты и уста,
Румянныя, какъ пурпуры денницы,
Твоихъ очей лазурь и быстрота,
Ихъ милый взоръ, ихъ длинныя рѣсницы,
Твой гибкій станъ и черные волосы —
Какъ сладостно, и пламенно, и живо

Мечталися въ полночныя часы
 Красавицѣ надменной и стыдливой
 Въ странѣ, гдѣ ты какъ радость разцвѣтаешь,
 Гдѣ Везеръ льетъ серебряныя воды, —
 Въ странѣ, гдѣ сынъ отчизны и свободы,
 Возвышенный Арминій побѣждалъ!

Какъ яркій лучъ божественнаго свѣта,
 Какъ мощнаго воителя стрѣла,
 Какъ творческій и смѣлый духъ поэта
 И горній леть побѣднаго орла, —
 Дни юноши легки и быстротечны,
 Когда плѣненъ высокимъ и благимъ,
 Мечтательный, живой, простосердечный,
 Онъ весь дался надеждамъ золотымъ —
 И новый міръ яснѣетъ передъ нимъ,
 Для подвиговъ прекрасныхъ безконечный! . . .
 Такъ молодость Аранова текла;
 Ужь полонъ чувствъ и бодрыхъ упованій,
 Онъ былъ готовъ десницею для брани,
 Готовъ душой на славныя дѣла.
 Его мечта туда переносила,
 Гдѣ Божіи свѣтъ крестомъ преображенъ;
 Гдѣ Иорданъ, Голгова и Кедронъ;
 Гдѣ высоты Ермона и Кармила:
 Тамъ юноша, при ратныхъ знаменахъ,
 Намѣстникомъ Петра благословенныхъ,
 Горѣлъ, алкалъ прославиться въ бояхъ
 Красою дѣлъ отважныхъ и священныхъ.
 Не то ему на подвигъ бытія
 Назначило отцовское желанье:
 Онъ полетѣлъ въ ливонскіе края
 Свершить одно и страшное дѣянье!
 На синевѣ безоблачнаго свода

Свѣтило дня прекрасное горить;
 Труба на сборъ воителей манить;
 Надѣлъ броню ихъ старецъ-воевода
 Они стеклись — наточенный булатъ
 Звучить, блестить; геройскія воззванья,
 Веселія текутъ изъ ряда въ рядъ;
 У всѣхъ однѣ надежды и желанья,
 Всѣ бранными восторгами кипятъ! —
 Закрывъ лицо рѣшоткою забральной,
 На рукоять поникнувъ головой,
 Однѣ Аранъ, безмолвный и печальной,
 Не веселѣлъ, не ликовалъ душой
 Когда Магистръ, готовясь на битву,
 Сложивъ шеломя пернатый и стальную,
 Произносилъ сердечную молитву
 Спасителю и Дѣвѣ Пресвятой;
 Когда поднявъ трепещущія длани
 И слезный взоръ къ безсмертнымъ небесамъ,
 Онъ призывалъ внимающимъ полкамъ
 Великую защиту бога брани;
 Когда клялся не холодѣть въ бояхъ,
 Блюсти мечомъ Апостоловъ державу
 И возвѣщать въ языческихъ странахъ
 Всевышняго трисолнечную славу: —
 Что чувствовалъ ты, воинъ молодой,
 Вождя побѣдъ глазами озирая,
 То яркимъ, какъ пламень громовой,
 То мрачными, какъ туча громовая?

.

 Простерты на бархатѣ полянъ,
 Въ безмолвіи окрестность наблюдая,
 Ливонцы ждуть прихода Христіянъ;

Они безъ латъ: мечъ, стрѣлы и чеканъ,
Кошье и щитъ — ихъ сбруя боевая
Блеснула рать знакомая въ дали;
Трескучій зыкъ сзывающаго рога
Ихъ взволновалъ: столпились, потекли —
И началась кровавая тревога!

Не облака ль сверкають и гремятъ?
Не озеро ль Чудское разшумѣлось?
Не облака сверкають и гремятъ,
Не озеро Чудское разшумѣлось! —
Враги Христа съ Винандовымъ полкомъ
Сшибаются

Тамъ общій бой: толпа толпу тѣснить;
Пируетъ смерть, кровь брызжетъ, сталь звенить;
Тотъ мечъ занесъ и, не свершивъ удара,
Оцѣпенѣлъ, разрубленный мечомъ;
Тотъ въ ярости губительнаго жара
Не слышитъ ранъ и рубится съ врагомъ;
Иной кошье изъ тѣла вырываетъ,
И въ судоргахъ влачится по землѣ;
Тотъ навзничъ палъ — и язва на челѣ;
Тотъ, жалостно стоная, издыхаетъ,
Подавленный израненнымъ конемъ;
Кто смерть зоветъ, кто битву проклиная:
Обширный адъ на полѣ боевомъ! —

Ужъ мѣсяцъ всталъ блестящій и багряный
Надъ зеркаломъ балтійской глубины;
Ужъ потекли росистые туманы
По берегамъ лазоревой Двины

Бой пересталъ; огни въ долинѣ стана;

Воители на рыцарскихъ щитахъ
 Несуть въ шатеръ полмертваго Арана:
 Онъ весь въ крови; мерцаніе въ очахъ,
 И широка запекшаяся рана.

РАЗБОЙНИКИ.

(ОТ РЫВОКЪ.)

Синѣе влажнаго вѣтрила
 Надъ Волгой туча проходила;
 Ревѣла буря; ночь была
 Въ пучинѣ зыбкаго стекла;
 Порой огонь воспламенялся
 Во тмѣ потопленныхъ небесъ;
 Шумѣлъ, трещалъ прибрежный лѣсъ
 И, словно Волга, волновался.

Гремятъ и блещутъ небеса;
 Кипитъ отвага въ сердцѣ нашемъ!
 Расправимъ, други, паруса
 И бодро веслами замашемъ!
 Не чужа страха средь зыбей,
 Душой не слушааясь природы,
 Мы бьемся какъ-то веселѣи
 При дикомъ воѣ непогоды!
 Въ лѣсахъ, въ ущельяхъ наши дни
 Всегда свободны, беззаботны;
 Какъ туча, сумрачны они,
 За то, какъ туча, быстролетны!
 Гремятъ и блещутъ небеса;

Кинитъ отвага въ сердцѣ нашемъ!
 Расправимъ други паруса
 И бодро веслами замашемъ!

Такая пѣсня раздавалась
 На скатѣ волжскихъ береговъ,
 Гдѣ своевольныхъ удалцовъ
 Станица буйная скрывалась.
 Заранѣ радуясь душой,
 Они собирались на разбой;
 Какъ пчелы, шумно окружали
 Продолговатыя лоды,
 И на ревуція струн
 Ихъ дружно съ берега сдвигали.

Могучи духомъ и рукой,
 Законъ и казни презирая,
 Они плѣнительнаго края
 Давнишній рушили покой:
 Не разъ пожары зажигала
 Въ сосѣднихъ селахъ ихъ рука;
 Не разъ бурливая рѣка
 Погоню за ними не пускала,
 И жертвы мести роковой
 Непобѣдимую волною
 На дно песчаное бросала.

Многорѣчивая молва
 Объ нихъ далеко говорила;
 Уму несмѣлому ихъ сила
 Казалась даромъ волшебства;
 Ихъ злочестивыя слова,
 Ихъ неопытныя дѣянья,

Угрозы, битвы, предсказанья,
 Пугали старцевъ и молодыхъ;
 Имъ жены съ трепетомъ дивились,
 И прослезались, и крестились,
 Разказы слушая о нихъ.

Э Л Е Г И Я.

Любовь, любовь! веселымъ днемъ
 И мнѣ, я помню, ты свѣтила;
 Ты мнѣ восторги окринула,
 Ты назвала меня пѣвцомъ.

Волшебна ты, когда впервые
 Въ груди ликуешь молодой;
 Стихи, внушенные тобой,
 Звучать и блещуть золотые!

Свѣтлѣ зеркальныхъ зыбей,
 Звѣзды прелестнѣ разсвѣтной,
 Пышинѣ ленты огнецвѣтной,
 Повязки сладостныхъ дождей,

Твои надежды; но умчится
 Очаровательный ихъ сонъ;
 Зови его — не внемлетъ онъ,
 И сердцу снова не приснится.

СЛАВА БОГУ.

О слава Богу, слава Богу!
 Я не влюбленъ, свободенъ я.
 Я выбралъ лучшую дорогу
 На скучной степи бытія;
 Не занять свѣтомъ и молвою,
 Я знаю тихія мечты
 И не поклонникъ красоты,
 И не обмануть красотой!

Э Л Е Г І Я.

Скажи, воротись ли ты,
 Моя плѣнительная радость?
 Уже ль моя погаснетъ младость,
 Мои не сбудутся мечты?

Еще не вѣдалъ я страданій,
 Еще я жизнь не разлюбилъ; —
 Былъ чистъ огонь моихъ желаній
 И онъ ли небо оскорбилъ?!

Не укорялъ бы я судьбины,
 Я ждалъ бы смерти въ тишинѣ;
 Но трепещу ужасны мнѣ
 Забвенья черныя пучины.

Дары Поэзіи святой!
 Уже ль вы были сновидѣнье?
 Ты. жажда чести вѣковой,
 И ты, къ высокому стремленье?

П О Э Т Ъ .

Искать ли славнаго вѣнца
 На полѣ рабскихъ состязаній,
 Тревожа слабыя сердца,
 Сбирая нищенскія дани?
 Сія народная хвала,
 Сей говоръ близкаго забвенья,
 Вознаградить ли музѣ пѣнья
 Ея священныя дѣла?
 Кто ихъ постигнетъ? Геній вспыхнетъ. —
 Толпа любитъся на свѣтъ,
 Шумить, шумить, шумить — затихнетъ:
 И это слава нашихъ лѣтъ!

Такъ мыслить юноша-поэтъ,
 Пока въ душѣ его желанья
 Мелькаютъ, темныя, какъ сонъ,
 И твердый гласъ самосознанья
 Не возвѣстилъ ему, кто онъ.
 И вдругъ, надеждой величавой
 Свои предвидя торжества,
 Безпечный — право иль не право
 Его привѣтствуетъ молва —
 За независимую славой
 Пойдетъ любимецъ божества;

Въ немъ гордость смѣлая проснется:
Свободенъ, весель, полонъ силъ,
Орелъ великій встрепенется,
Расширитъ крылья и взовется
Къ безсмертной области свѣтилъ!

ДВѢ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежить равнина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣтъ,
Едва кольшутся лѣса,
Какъ блески золота, свѣтлѣтъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося берега
Стоять, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня русская, живая,
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
 Когда блистательнымъ столбомъ
 Свѣтило искрится ночное
 Въ его кристалѣ голубомъ:
 Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
 Вдоль искривленныхъ береговъ,
 Чернѣютъ образы лѣсовъ
 И кое-гдѣ огонь пловучій
 Горитъ на челнахъ рыбаковъ;
 Безмолвна синяя пучина,
 Въ дубровахъ мракъ и тишина,
 Небесъ далекая равнина
 Сіянья мирнаго полна;
 Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
 Подъемя сѣти изъ воды,
 Рыбакъ живетъ веселымъ словомъ
 Своихъ товарищей труды;
 Или — путемъ дугообразнымъ —
 Съ небесныхъ падая высотъ,
 Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
 Огнемъ разсыплется алмазнымъ,
 И въ отдаленія пропадетъ.

Г Е Н І Й.

Когда гремя и пламенѣя
 Пророкъ на небо улеталъ —
 Огонь могучій проникалъ
 Живую душу Елисея:
 Святыми чувствами полна,

Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновенемъ озарялась,
И Бога слышала она! —

Такъ геній радостно трепещеть,
Свое величье познаеть,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещеть
Инаго генія полеть;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣеть для чудесъ
И міру новыя свѣтила —
Дѣла избранника небесъ!

КЪ ШЕНЕЛЕВУ.

Въ дѣлахъ вина и просвѣщенья,
Въ дѣлахъ амура мой Орестъ,
Прощай! защитѣ Провидѣнья
Я поручаю твой отъѣздъ.
Въ Россіи, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни.
Туда съ тобою два поклона
Я посылаю, вотъ они:
Одинъ Москвѣ перводержавной, —
Она поэзиі мила;
Въ ней слава Руси благонравной
И прозябала, и цвѣла;
Другой поклонъ инаго рода —
Куда? . . . ты можешь угадать,
Кому работала полгода

Моей Камены благодать;
 Кѣмъ, незлопамятный, доселѣ
 Я восхищаюсь и горжусь;
 О комъ три раза на недѣлѣ
 Святому образу молюсь;
 Чья побѣдительная сила,
 Давно, и въ явѣ и во снѣ,
 Меня мертвила и живила
 И воцарилася во мнѣ.
 Ты помнишь, другъ, ее пѣвали
 Мои элегии: она
 Мила какъ ангель, но едва ли
 Такъ непритворна и скромна.
 Ея чело, ея ланиты,
 Ея власы, ея уста
 И очи — словно у Хариты,
 Все хорошо, все красота
 Ей поклонись, скажи два слова,
 И мнѣ въ усладу напиши,
 Какъ поживаетъ, какъ здорова
 Сія звѣзда моей души?

КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

Скажу ль тебѣ — кого люблю я,
 Куда летать мои мечты
 То занывая, то ликуя
 Среди полночной темноты?
 Она — души моей царица —
 И своенравна и горда;

Но, при очахъ ея, денница
 Обыкновенная звѣзда.
 На взоры страстные, на слезы
 Она безчувственно глядитъ;
 Но пламенны младыя розы
 Ея застѣнчивыхъ ланитъ.
 Ее жестоко осуждаютъ:
 Она проста, она пуста;
 Но эти перси и уста,
 Чего жь они не замѣняютъ? —

АДЕЛАИДЪ.

Ланитъ п персей жаръ и нѣга
 И томный блескъ твоихъ очей
 О другъ! ты альфа и омега
 Любви возвышенной моей.
 Ты вся полна очарованья!
 Я твой! мои живые сны,
 Мои кипучія желанья
 Всѣ на тебя устремлены.
 Предайся жь мнѣ: любви забавы
 Я сладкозвучно воспую,
 И окружу лучами славы
 Младую голову твою!

ВОЕННАЯ НОВГОРОДСКАЯ ПЬЕСА

1170 года.

Свободно, высоко взлетаетъ орель,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своеправное море!

Не такъ ли, о други! къ отчизнѣ любовь,
Краса благороднаго сердца,
На битвѣ за славу и честь
Смѣла, и сильна, и побѣдна?

Смотрите, какъ пышенъ раждается день,
Какъ наши играютъ знамена;
Не даромъ красуется день,
Не даромъ играютъ знамена.

Видиѣ сражаться подъ яркой зарей;
Отважнѣй душа и десница,
Когда передъ бодрымъ полкомъ
Хоругви завѣтныя блещутъ.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцовъ Ярослава!
Не выдадимъ чести народной —
Свободы наслѣднаго права.

Что вольнымъ сосѣдей завистныхъ вражда,
И темныя рати Андрея?

Къ отчизнѣ святая любовь
Смѣла, и сильна, и побѣдна.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море!

КЪ Н. Д. ВИСЕЛЕВУ.

(ОТЧЕТЪ О ЛЮБВИ).

Я знаю, другъ, и въ шумѣ свѣта
Ты помнишь первыя дѣла
И пѣсни русскаго поэта
При звонѣ дерптскаго стекла.
Пора безцѣнная, святая!
Тогда свобода удалая,
Восторги Музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!
Пускай извѣстности прекрасной
И думъ высокихъ я не зналъ;
За то учился безопасно,
За то себя не забывалъ.
Бывало кожаной монетой
Куплю таинственныхъ отрадъ —
И романтически съ Лилетой
Часы ночные пролетятъ.

Теперь, какъ прежде своенравно,
Я жизнь студентскую веду;
Но было время и недавно,
Любви немѣткой и неславной
Я былъ въ удушливомъ чаду;
Я рабствовалъ; я все оставилъ
Для безотвѣтной красоты;
Простосердечно къ ней направилъ
Мои надежды и мечты;
Я ждалъ прилежнаго участья;
Я пѣлъ ланиты и уста,
И станъ, и все, что красота
Въ моей богинѣ сладострастья;
Мнѣ соблазнительна была
Ея дѣвическая скромность,
Очей загадочная томность,
И ясность бѣлаго чела, —
Все нѣжило, все волновало
Мою неопытную кровь,
Все въ юномъ сердцѣ зажигало
Живую первую любовь.
Ахъ! сколько грустныхъ сновидѣній,
Тяжелыхъ вздоховъ, даже слезъ,
Алкая полныхъ наслажденій,
Въ часы полуночныхъ явленій,
Я для надменной перенесъ!
Я думалъ страстными стихами
Ее принудить угадать,
Куда горячими мечтами
Пріятно мнѣ перелетать.
И что жъ? Она не разумѣла,
Кого любилъ, кому я пѣлъ.
Я мучился; вся кровь кипѣла,

А объяснить не захотѣлъ,
Чего душа моя хотѣла.

Такъ пронеслися дни поста,
И, вольнодушна и свята,
Она усердно помолилась,
Межь-тѣмъ узналъ я, кто она;
Межь-тѣмъ сердечная война
Во мнѣ помалу усмирилась,
И Муза юная моя
Непринужденно отучилась
Мечтать о счастье бытія.
Опять съ надеждой горделивой
Гляжу на шиллеровъ полетъ,
Опять и радостно и живо
Въ моей груди славолубивой
Огонь поэзіи растеть.

А признаюся откровенно,
Я самъ постигнуть не могу,
Какъ жаръ любви ненагражденной
Не превратилъ меня въ брызгу!
Мои тѣлесныя затѣи
Отвергла гордая краса, —
А не сержусь на небеса,
А мнѣ все люди — не злодѣи;
А романтической тоской
Я не стѣснилъ живую душу,
И въ честь зазорному Картушу
Не началъ пѣсни удалой!

Сія особенность поэта
Не кстатн нынѣшнимъ годамъ,
Когда питомцы бога свѣта
Такъ мило воспѣвають намъ
Свое невѣстное мученье,

Такъ помыкають вдохновенье,
 И такъ презрительны къ тому,
 Что не доступно ихъ уму.
 Но какъ мнѣ быть? На полѣ славы
 Смѣшаю ль звукъ моихъ стиховъ
 Съ лихими пѣснями аравы
 Всегда отчаянныхъ пѣвцовъ?
 Мнѣ нестерпимы ихъ жеманства,
 Ихъ голосъ буйный и чужой
 Нѣтъ, Муза вольная со мной!
 Прочь жажда славы мелочной
 И легкій демонъ обезьянства!
 Спокоенъ я: мои стихи
 Живить неложная свобода,
 Имъ не законъ — чужая мода,
 Въ нихъ нѣтъ заемной чепухи
 И перевода съ перевода;
 Въ нихъ неподдѣльная природа,
 Свое добро, свои грѣхи!

Теперь довольно, до свиданья!
 Тогда, подробнѣй и яснѣй
 Сего нестройнаго посланья,
 Я расскажу тебѣ дѣянья
 Любви неконченной моей!

Э Л Е Г И Я .

Поэту радости и хмѣля,
 И мнѣ судилъ могучій рокъ

Нравоучительнаго Лея
 Полезный вытвердить урокъ:
 Я испыталъ любви желанье,
 Ее я пѣлъ, ее я ждалъ;
 Безумно было ожиданье,
 Бездушенъ былъ мой идеаль.
 Моей тоски, моихъ привѣтовъ
 Не понялъ слѣпокъ божества —
 И всѣ пропали безъ отвѣтовъ
 Мои влюбленные слова.
 Но былъ во мнѣ — и славу Богу! —
 Избытокъ мужественныхъ силъ:
 Я на прекрасную дорогу
 Опять свой умъ поворотилъ;
 Я разгулялся понемногу —
 И глупость страсти роковой
 Въ душѣ исчезла молодой
 Такъ съ пробудившейся поляны
 Слетаютъ темные туманы;
 Такъ, слыша выстрѣлъ, кулики
 На воздухъ мечутся съ рѣки.

—

КЪ МУЗѢ.

—

Мой ангелъ милый и прекрасный,
 Богиня мужественныхъ думъ!
 Ты занимала сладострастно,
 Ты нѣжила мой юный умъ.
 Служа тебѣ, тобою полный,
 Не видѣлъ я, не слышалъ я,

Какъ на пучинѣ бытія
 Росли, текли, шумѣли волны.
 Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
 Великій міръ уединенья;
 Благообразныя ко мнѣ
 Твои слетали вдохновенья;
 Твоей прекрасна красотой,
 Твоимъ величьемъ величава,
 Сама любовь передо мной
 Являлась пышная, какъ слава
 И весело мои мечты,
 Тобой водимыя, играли;
 Тебѣ стихи мои звучали
 Живые, свѣтлые, какъ ты.
 Такъ разноцвѣтными огнями
 Блестить рѣчная глубина,
 Когда торжественно мирна,
 Въ одеждѣ, убранной звѣздами,
 По поднебесью ночь идетъ
 И смотрится въ лазурь водъ.

—

ТРИГОРСКОЕ.

(Посвящено П. А. Осиповой.)

—

Въ странѣ, гдѣ вольные живали
 Сыны воинственныхъ Славянъ;
 Гдѣ гордо именемъ гражданъ
 Они другъ друга называли;
 Куда великая Ганза

Добро возила издавеча,
Пока московская гроза
Не пересливалась вѣча;
Въ странѣ, которую война
Кровопротитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Гдѣ побѣждающій Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ
Уже сдвигалъ толпы густыя,
Да уничтожитъ Псковитянь,
Да низпровергнется Россія!—
Но ты, къ отечеству любовь,
Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
Ты ополчилась кровь за кровь
И онъ не праздновалъ побѣды!—
Въ странѣ, гдѣ славной старины
Не всѣ слѣды истреблены,
Гдѣ сердцу русскому донинѣ
Краснорѣчиво говорятъ:
То стѣнъ полуразбитыхъ рядъ
И валъ на каменной вершинѣ,
То одинокій древній храмъ
Среди безпажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленѣющимъ брегамъ;
Въ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно между горъ
Свои изгибы разстилая,
Водамъ ясными поить
Поля, украшенныя нивой;—
Тамъ, у раздолья, горделиво

Гора трехолмная стоитъ, —
 На той горѣ, среди лощины,
 Передъ лазоревымъ прудомъ,
 Бѣлѣтся веселый домъ
 И сада темныя картины,
 Село и пажити кругомъ.

Пріютъ свободаго поэта,
 Непобѣжденнаго судьбой!
 Благоговѣю предъ тобой —
 И даръ божественнаго свѣта,
 Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
 Моя надежда и забава,
 Моя любовь и честь и слава —
 Мои стихи тебѣ привѣтъ!

Какъ сна отрадныя видѣнья,
 Какъ утро пышное весны,
 Волшебны, свѣжи наслажденья
 На вѣрномъ лонѣ тишины:
 Когда душѣ, неутомленной
 Житейскихъ бременемъ трудовъ,
 Доступенъ жертвенникъ священный
 Богинь кастальскихъ береговъ;
 Когда родимая природа
 Ее лелѣетъ и хранитъ,
 И ей, роскошная, даритъ
 Все, чѣмъ возвышенна свобода.

Душѣ плѣнительна моей
 Такая райская година;
 Камены пламеннаго сына
 Она утѣшила; объ ней

Воспоминаніе живое
 И нынѣ радуетъ меня.
 Бывало, въ царственномъ покоѣ,
 Великое свѣтило дня,
 Во слѣдъ за раннею денницей,
 Шаромъ восходить огневымъ,
 И небеса, какъ багрянницей,
 Окинетъ заревомъ своимъ;
 Его лучами заиграютъ
 Озеръ живыя зеркала;
 Поля, холмы благоухаютъ;
 Съ нихъ бѣлой скатертью слетаютъ
 И сонъ и утренняя мгла;
 Росой перловой и зернистой
 Деревъ одежда убрана;
 Пернатыхъ пѣсню голосистой
 Звучитъ лѣсная глубина.

Тогда, одинъ, восторга полный,
 Горы прибережной съ высотъ,
 Я озиралъ сей неба сводъ
 Великолѣпный и безмолвный,
 Сипъ круги и ленты водъ,
 Сипъ ликующія нивы,
 Гдѣ серпъ мелькалъ трудолюбивый
 По золотистымъ полосамъ,
 Сирды желтѣлись, тамъ и тамъ
 Жнецы къ товарищамъ зывали,
 И на дорогѣ, вдалекѣ,
 Съ холмовъ бѣгущія къ рѣкѣ
 Стада пылили и блѣяли.
 Бывало, солнце безъ лучей
 Стоитъ и рдѣетъ въ безднѣ пара,

Тяжелый воздухъ полонъ жара;
 Вода чуть движется; надъ ней
 Склонилась томными вѣтвями
 Деревъ безжизненная тѣнь;
 На полѣ жатвы, межъ скирдами,
 Невольная почіеть лѣнь,
 И кони спутанные бродятъ,
 И псы валяются; молчатъ
 Село и холмы; душень садъ
 И птицы пѣсень не заводятъ
 Туда, туда, друзья мои!
 На скать горы, на брегъ зеленой,
 Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
 Гостепріимныя струи, —
 Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
 Дугою выдалась она
 По глади вогнутаго дна,
 Пескомъ усыпанной сребристымъ.
 Одежду прочь! передъ челомъ
 Протянемъ руки удалыя
 И бухъ! — блистательнымъ дождемъ
 Взлетаютъ брызги водяныя.
 Какая сильная волна!
 Какая свѣжесть и прохлада!
 Какъ сладострастна, какъ нѣжна
 Меня обнявшая Наяда!
 Дышу вольнѣе, свѣтелъ взоръ,
 Въ холодной нѣгѣ оживаю,
 И бодрѣ и веселѣ выбѣгаю
 Травы на бархатный коверъ.

Что восхитительнѣе, краше
 Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,

Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
Жрецы високаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ
И грудь трепещетъ молодая,
И гордый вспыхиваетъ взглядъ!
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ;
Или въ тиши благословенной
Жилища Граціи, гдѣ цвѣтутъ
Каменами хранимый трудъ
И умъ изящно просвѣщенный;
Въ часы, какъ сладостные тамъ
Дары Эвтерпы насъ плѣняли,
Какъ персты легкіе мелькали
По очарованнымъ ладамъ:
Съ нихъ звуки стройно подымались,
И въ треляхъ чистыхъ и густыхъ

Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало ихъ!

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день
Отъ сѣней лѣса надъ водами,
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, доль и брегъ;
Въ село вѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телегъ;
Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрипучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій;
И вдругъ отрывной и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой
Уже спокойной и дремучей —
И вдругъ замолкнетъ. Но вдали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія, облачныя волны;
Вонъ разступились — вонъ сошлись —
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.

Уже безмолвіе зѣсное
 Налетомъ вѣтра смущено;
 Уже немирно и темно
 Рѣки теченіе ночное;
 Широко зыблются на немъ
 Тѣней раскидистыя чащи,
 Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
 Почти упущенный пловцомъ,
 Когда внезапно буря встанетъ,
 Покатитъ шумныя струи,
 Рванетъ крыло его ладьи
 И надъ пучиною растянетъ.

Тма потопила небеса;
 Пустился дождь; гроза волнуетъ,
 Взрываетъ воды и зѣса,
 Гремить и блещетъ и бушуетъ.
 Мгновенья дивныя! Когда
 Съ конца въ конецъ, по тучамъ бурнымъ,
 Зубчатой молніи бразда
 Огнемъ разсыплется пурпурнымъ;
 Все видно: цѣпь далекихъ горъ,
 И разноцвѣтныя картины
 Извивовъ Сороти, озёръ,
 Села и берега и долины!
 Вдругъ тма угрюмѣи и чернѣи,
 Удары громче громовые,
 Шумнѣе, гуще и быстрѣи
 Дождя потоки проливные.

Но завтра въ пышной тишинѣ,
 На небо ярко-голубое
 Свѣтило явится дневное,

Возставить утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

Придутъ ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священныхъ памятниковъ Пскова?
Твои родныя красоты
Во имя музъ благословляю,
И вѣрнымъ счастьемъ называю
Все, чѣмъ меня ласкала ты.

Какъ сладко узнику младому,
Покпнувъ тму и грузъ цѣпей,
Взглянуть на день, на блескъ зыбей,
Пройти по берегу луговому,
Упитъся воздухомъ полей!
Какъ утѣшительно поэту
Отъ міра хладной суеты, —
Гдѣ многочисленныя въ Лету
Бѣгутъ надежды и мечты,
Гдѣ въ сердцѣ, Музою любимомъ,
Порой, какъ пламени струя
Густымъ задавленная дымомъ,
Страстей при шумѣ нестерпимомъ
Слабѣютъ силы бытія, —
Въ прекрасный міръ, въ сады природы
Себя свободнаго укрыть,
И вдругъ и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

В Е Ч Е Р Ъ .

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ.
 Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
 Свѣтился; темные покровы ночи сонной
 Струились по коврамъ долины благовонной;
 Надъ берегомъ, въ тѣни разкидистыхъ вѣтвей
 И трепилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.
 Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
 Влюбленный юноша и дѣва молодая
 Бродили вдоль рѣки; казалось, для нихъ
 Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,
 Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
 Для нихъ туманами окрестная долина
 Скрывалась, и въ тѣни разкидистыхъ вѣтвей
 И трепилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

О Л Е Г Ъ .

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
 Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
 То люди выходятъ изъ кievскихъ вратъ:
 Князь Игорь, его воеводы.
 Дружина, свои и чужіе народы
 На берегъ днѣпровскій, въ долину спѣшатъ.
 Могильнымъ общественнымъ пиромъ
 Отправить Олегу почетный обрядъ,
 Великому бранью и миромъ.

Пришли — и широко бойцовъ и гражданъ
 Толпы обступили густыя
 То мѣсто, гдѣ черный возстанетъ курганъ,
 Да вѣщаго помнитъ Россія;
 Гдѣ князь бездыханный, въ досиѣхахъ златыхъ
 Лежалъ средь зеленаго луга,
 И бурный товарищъ трудовъ боевыхъ —
 Конь бѣлый стоялъ изукрашенъ и тихъ
 У ногъ своего господина и друга.

Всѣ, малый и старый, отрадой своей,
 Отцомъ опочившаго звали;
 Горючія слезы текли изъ очей,
 Носилися вопли печали;
 И долго, и долго вопилъ и стеналъ
 Народъ, покрывавшій долину:
 Но вотъ на срединѣ булатъ засверкалъ.
 И бранному въ честь властелину
 Конь бѣлый, булатомъ сраженный, упалъ
 Безъ жизни къ ногамъ своему господину.
 Все стихло руками бойцовъ и гражданъ.
 Подвинулись глыбы земныя
 И вонъ на долинѣ огромный курганъ,
 Да вѣщаго помнитъ Россія.

Волнуясь, могли народъ окружалъ,
 Какъ волны морскія, несмѣтный;
 Тамъ праздникъ надгробный самъ князь начиналъ:
 Въ стаканъ золотой и завѣтный
 Онъ медъ наливалъ искрометный,
 Онъ въ память Олегу его вышивалъ;
 И вновь наполняемый медомъ,
 Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,

Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинувъ доспѣхъ боевой,
Свершить на могилѣ потѣшную драку
Воители строятся въ строй;
Могучи, отваги исполнены жаромъ,
Отъ разныхъ выходятъ сторонъ,
Сошлись и бьются . . . ударъ за ударомъ,
Ударомъ ударъ отражёнъ!
Сверкаютъ ихъ очи; десницы высокой
И ловокъ и мѣтокъ размахъ;
Увертливы станомъ и грудью широкой,
И тверды бойцы на ногахъ!
Расходятся, сходятся . . . ошибка другая . . .
И пала одна сторона!
И громко народъ зашумѣлъ, повторяя
Счастливыхъ бойцовъ имена.

Тутъ съ поприща боя, ихъ рѣчью привѣтной
Князь Игорь къ себѣ подзывалъ;
Въ стаканъ золотой и завѣтной
Онъ медь наливалъ искрометной,
Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подавалъ;
И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки Славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Вдругъ, — словно мятежь усмиряется шумный
И чинно дорогу даётъ,
Когда посѣдѣлый въ добръ и разумный

Бояринъ на вѣче идѣтъ —
 Толпы разступились и сталъ среди схода
 Съ гуслими въ рукахъ славянинъ.
 Кто онъ? онъ не князь и не княжескій сынъ,
 Не старецъ, совѣтникъ народа,
 Не славный дружинъ воевода,
 Не славный соратникъ дружинъ;
 Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
 Красой вдохновеннаго гласа
 Онъ сталъ среди схода — молчанье кругомъ,
 И звучная пѣснь раздалася!

Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужественъ былъ.
 Правитель полночной державы;
 Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
 Древлянъ вѣковыя дубравы;
 Какъ дружно собирались въ далекій походъ
 Народы по слову Олега;
 Какъ шли черезъ пороги подъ грохотомъ водъ
 По высямъ днѣпровскаго берега;
 Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ
 Проворные русскіе челны;
 Летѣла, шумѣла станица вѣтриль
 И прыгали чѣлны черезъ волны;
 Какъ послѣ водима любимымъ вождемъ
 Сражалась, гуляла дружина
 По градамъ и селамъ, съ мечомъ и съ огнемъ
 До града царя Константина;
 Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибилъ
 Свой щитъ, знаменитый во брани,
 И какъ онъ дружину свою одѣлалъ
 Богатствами греческой дани.

Умолкъ онъ — и радостнымъ крикомъ похвалъ,
 Народъ отзывался несмѣтный,
 И братски баяна самъ князь обнималъ;
 Въ стаканъ золотой и завѣтный
 Онъ медъ наливалъ искрометный,
 И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ;
 И вновь наполняемый медомъ,
 Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,
 Съ конца до конца, межъ народомъ
 Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

КЪ ВУЛЬФУ, ТЮТЧЕВУ И ШЕНЕЛЕВУ.

Намъ было весело, друзья,
 Когда мы лихо шировали
 Свободу нашего житья
 И цѣлый міръ позабывали!
 Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
 Могучимъ кинутая лукомъ;
 Они звучали яркимъ звукомъ
 Разгульныхъ пѣсенъ и стекла;
 Какъ искры брызжущія стали
 На поединкѣ роковомъ,
 Какъ очи, свѣтлыя виномъ,
 Они плѣнительно блистали.
 Въ тѣ дни, мила, явилась мнѣ
 Надежда творческая славы,
 Манила думы величавы
 Къ браннолюбивой старинѣ:
 На вѣчи Новграда и Пскова,

На шумъ народныхъ мятежей,
 Въ походы воинства Христова
 Противу сѣверныхъ князей;
 Въ тѣ дни, мечтательно-счастливый,
 Искаль я взглядовъ красоты,
 Ей посвящалъ я горделиво
 Моей поэзіи цвѣты. —
 Вы помните бесѣды наши,
 Какъ мы бывало, за столомъ
 Роскошно нѣжимся втроемъ,
 И быстро чокаются чаши,
 И пьемъ, и споримъ, и поемъ;
 Тогда восторженъ передъ вами,
 Чью душу я боготворилъ,
 Чье имя я произносилъ
 Благоуханными устами?
 Она мой ангелъ. Гдѣ жъ она? —
 Теперь, друзья, иное время:
 Не пьяной сладостью вина
 Мы услаждаемъ жизни бремя;
 Теперь не праздничаемъ мы;
 Богаты важными трудами,
 Не долго спимъ, порою тмы
 Встаемъ по утру съ пѣтухами;
 Минувшихъ лѣтъ во глубинѣ
 Слѣдимъ великія державы,
 Дѣла ихъ въ мирѣ и войнѣ,
 Ихъ образованность, ихъ нравы,
 Ихъ управленіе, уставы,
 Волненія бурныя умовъ,
 Торговлю, силу и боговъ,
 Причины бѣдъ, причины славы;
 Мы по наукѣ мудрецовъ

Свободно хвалимъ, порицаемъ,
Не любимъ, любимъ, и порой
Скрижали древности съдой
О настоящемъ вопрошаемъ.
Работа здравая! на ней
Душа прямится, крѣпнеть воля,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй.
Такъ мы готовимся, о други!
На достохвальныя заслуги
Великой родниѣ своей;
Намъ поле свѣтлое открыто
Для думъ и подвиговъ благихъ:
Желаній полны мы живыхъ,
Въ странѣ мы дышемъ знаменитой,
Мы ей гордимся. Покажи
Въ листахъ чужихъ бытописаній
Рядъ благороднѣйшихъ дѣяній!
Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но въ нихъ является вездѣ
Народъ п смѣлый и могучій,
Неукротимый во враждѣ,
Въ любви и твердый и кипучій.
Такъ съ той години, какъ царямъ
Покорна сѣверная сила,
Вѣковъ по льдянымъ степенямъ
Россія бодро восходила;
И днесъ красуется она
Добромъ п честію военной:
Давно ли наши знамена
Освободили полвселенной?
О, разучись моя рука

Владѣть струнами вдохновеній!
Не удостойся я вѣнка
Въ алмазномъ храмѣ пѣснопѣннѣй!
Холодный вѣтеръ суеты
Надуи и мчи мои вѣтрила
Подъ океаномъ темноты
По ходу блѣднаго свѣтила,
Когда умалится во мнѣ
Сей неба даръ благословенный,
Сей пламень чистый и священнѣй —
Любовь къ родимой сторонѣ!

Во прахъ надежды мелочныя,
И дѣлъ и мыслей мишура!
У насъ надежды золотыя
Сердца насытить молодыя
Дѣлами чести и добра!
Что имъ обычная тревога
Въ извѣстномъ морѣ бытія?
Во имя родины и Бога
Онѣ исполнятся, друзья!
Лады, гонимыя вѣтрами,
Безвѣстны гибнуть средь зыбей,
Когда станица кораблей,
Шумя обширными крылами,
Ряды бушующихъ валовъ
Высокой грудью раздвигаетъ
И въ край родимѣй прилетаетъ
Съ богатствомъ дальнихъ береговъ!

КЪ НАНТЪ А. С. ПУШКИНА.

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя?
 Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
 Я покидалъ для ней и славу, и науки,
 И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки, —
 Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
 Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
 Презрѣвъъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
 Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены, —
 Всегда привѣтами сердечной доброты,
 Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты;
 Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
 Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта,
 И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
 Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой.
 Какъ сладостно твое святое хлѣбосоельство
 Намъ базовало вкусъ и жажды своевольство!
 Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
 Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
 Сама и водку намъ и брашна подавала,
 И соты, и плоды, и вина уставляла
 На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
 Ты занимала насъ — добра и весела —
 Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разговоромъ:
 Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
 Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
 Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
 Свободно говорилъ языкъ словоохотной —
 И легкіе часы летали беззаботно!

СОМНѢНІЕ.

Когда зовуть меня поэтомъ
 Уста ровесницы Харитъ,
 И соблазнительнымъ привѣтомъ
 Она мечты мои живить;
 Когда душѣ моей опасенъ
 Любви могущественный жаръ:
 Я молчаливъ, я не согласенъ,
 Я берегу небесный даръ
 Избранникъ бога пѣснопѣнья,
 Надменно чувствуя, кто я,
 Означу ль свѣтомъ вдохновенья
 Простую жажду наслажденья,
 Безумный навѣкъ бытія?
 Сей міръ поэзіи обычной —
 Онъ тѣсенъ славъ: міръ пной,
 Свободный, свѣтлый, безграничной,
 Какъ рай, лежитъ передо мной! —

КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

Мой другъ, учи меня рубиться:
 Быть-можетъ, нѣкогда и мнѣ,
 Во славу Руси, пригодится
 Рука привычная къ войнѣ.
 Питомецъ скромныхъ наслажденій,
 Доселѣ въ мірѣ вѣдалъ я

Одиѣ бездѣлки бытія:
 Приволье Бахуса и лѣни,
 Утѣхи вязої тишины,
 Амура приторную сладость,
 Да усыпительную радость,
 Да незаманчивые сны.
 Теперь служу иному чувству,
 Пылаю жаждою иной:
 Учи жь меня, товарищъ мой,
 Головоломному искусству.

ВЪ ПЕЛЬЦЕРУ.

Свободны, молоды, въ цвѣтѣ силъ,
 Мы весело, мы шумно жили;
 Насъ Бахусъ пламенный любилъ,
 Насъ дѣвы хищныя любили;
 Въ обгонъ летѣли наши дни.
 Свѣтились ярко наши ночи
 Такъ въ тучѣ рѣются огни,
 Такъ блещутъ радостныя очи!
 И гдѣ жь она, товарищъ мой,
 Сія волшебная година?
 Гдѣ наши пѣсни, наши вина
 И праздникъ жизни удалой?
 Все миновалось! . . . на разлуку,
 Задумчивъ, тихъ, твоей рукѣ
 Мою протягиваю руку;
 Предвижу сонъ, предвижу скуку
 Въ моемъ пустынномъ уголкѣ,

Гдѣ мы, надеждъ могучихъ полны,
 Шивали сладость бытія,
 И гдѣ вчера еще, какъ волны,
 Шумѣли бурные друзья.
 Но, милый мой, пройдетъ ненастье;
 Когда-нибудь и гдѣ-нибудь,
 Хотя на мигъ, земное счастье
 Украситъ жизненный нашъ путь;
 Я обниму тебя, какъ брата;
 Подъ кровомъ добраго Пената
 Съ твоимъ сольется мой досугъ.
 Тогда, мой другъ, тогда, мой другъ!
 Послѣдній грошъ ребромъ поставлю,
 Упьюсь во имя прошлыхъ дней
 И поэтически отправлю
 Поминки юности моеи!

—

къ в. ю.

—

Невольный гость Петрова града,
 Несчастный другъ веселыхъ мѣсть,
 Гдѣ мы кистями винограда
 Разукрашаемъ жизни крестъ, —
 Гдѣ такъ роскошно, такъ свободно,
 Надеждой сладостной горя,
 Мы веселились всенародно
 Во здравье новаго Царя, —
 И праздникъ нашъ страннопримный
 Шумя, по городу гулялъ;
 Стекло звенѣло; пѣлись гимны;

Тимпанъ торжественный бряцалъ —
 Прощай! Когда рука судьбины
 Благоволитъ передъ тобой
 Стаканъ поставить пуншевой
 Иль утѣшительныя вины,
 И вспомнишь юности лпхой
 Краснорѣчивыя картины:
 Какъ мы пивали, пей до дна;
 Пируй по нашему на диво
 И вновь плѣнительно и живо
 Тебѣ привидится она!

УЖЬ Я НЕ ТО, ЧТО БЫЛЪ.

Ужь я не то, что былъ я встарь:
 Брожу по свѣту, какъ разстрига;
 Мнѣ жизнь, какъ старый календарь,
 Какъ сто разъ читанная книга.
 Судьба казною стрѣлой
 Пробила сердце мнѣ на вылетъ
 Она десницей удалой
 Мнѣ голову и бьетъ и мылнить.
 Какъ змѣи, язвить меня тоска,
 Грызеть печаль, какъ звѣрь пустынный.
 И чаша дней моихъ горька,
 Какъ чаша съ водкою полынной.

Минута кажется мнѣ часомъ,
 Терновникомъ — постельный пухъ,
 Вино и медъ — прокислымъ квасомъ.

И музыка — жужжаньемъ мухъ:
 Такъ мысли мнѣ перемѣнила
 Сердцецъ пѣявица — любовь;
 Она мнѣ два вонзила жала,
 И оба въ око, а не въ бровь.
 Изъ нихъ мнѣ ядъ стремится въ душу:
 Одно пилить ей жизни вервь,
 Другое ѣсть ее, какъ грушу
 Изъ яблоко голодный червь.
 Мнѣ свѣтъ, какъ дикая пустыня;
 Я гибну жизни на зарѣ,
 Какъ на морозѣ въ пустырѣ
 Забытый огурецъ или дыня.

Э Л Е Г И Я.

Моя Камена ей пѣвала;
 Но сила взора красоты
 Не мучила, не услаждала
 Моей надежды и мечты;
 Но чувства пылкаго, живаго,
 Любви не зналъ я: такъ возна
 Въ лучахъ свѣтила золотаго
 Блестить, кипить, но холодна

ЭЛЕГИЯ.

Свободенъ я: уже не трачу
 Ни дня, ни ночи, ни стиховъ
 За милый взглядъ, за пару словъ.
 Мнѣ подаренныхъ на удачу
 Въ часы бездушныхъ вечеровъ.
 Мои свѣтлѣютъ упованья,
 Печаль отъ сердца отошла,
 И съ ней любовь: такъ паръ дыханья
 Слетаетъ съ чистаго стекла.

ЭЛЕГИЯ.

Я зналъ живое заблужденье;
 Любовь прѣвалъ я — были дни! —
 Теперь умчался онъ;
 Теперь клянусь волненью,
 Ея блудящія огни
 Я понялъ вѣтреность прекрасной,
 Пустые взгляды и слова,
 И въ сердцѣ стихнулъ жаръ опасной.
 И не кружится голова.
 Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
 Въ глаза кумпру моему;
 Но я не вѣрую надеждѣ,
 Но я молюся не ему.

КЪ Т — ВУ.

Хвалю тебя, мой спутникъ новѣй
 На чистомъ поприщѣ наукъ:
 Славянъ могущественныхъ внукъ,
 Нѣмецкой вольности въ оковы
 Ты не отдашь свободныхъ рукъ.
 Не нашъ удѣлъ ея порывы
 И жажда чести мелочной;
 Иную жизнью мы живы,
 Мы славой славимся пной;
 Свѣтлѣе, выше намъ дорога:
 Не вѣрь же чуждому уму,
 Не призывай чужаго бога,
 Живи и пей по своему!

Р У Ч Е Й.

Подъ склономъ сѣтчатыхъ вѣтвей
 Черезъ груды камней и корней
 Играютъ, скачутъ, силы полны,
 Твои серебряныя волны;
 Свѣтло и пышно лучъ дневной,
 Скользя на грани водяныхъ,
 На быстринѣ твоей живой
 Дробится въ искры огневья.

Лежу — деревъ нагорныхъ тѣнь
 Мою задумчивую лѣнь

Своей прохладою осѣняетъ;
 Въ вершиннахъ лѣса, тамъ и тамъ,
 По шепотливымъ ихъ листамъ
 Мгновенный шорохъ пробѣгаетъ —
 И смолкнетъ вдругъ, и вдругъ сильнѣй
 Зашевелится мракъ вѣтвей,
 И лѣсъ пробудится дремучій,
 И въ чащѣ ходитъ шумъ глухой —
 Здѣсь и тогда, ручей гремучій,
 Твой говоръ слышенъ волновой!

Люблю его; ему внимая,
 Я наслаждаюсь — и во мнѣ
 Мечта яснѣетъ золотая
 О незабвенной сторонѣ
 Бѣгите, дни, какъ эти воды,
 Бѣгите, дни быстрѣй, быстрѣй,
 Да вновь священный лучъ свободы
 Въ душѣ заскрится моей!

Н О Ч Ь .

Померкла неба сплева,
 Безмолвны рощи и поляны;
 Тамъ подъ горой, едва, едва
 Бѣжитъ, журчитъ ручей стекляный.
 Царица сна и темноты,
 Царица дивныхъ сновидѣній!
 Какъ сладостно ласкаешь ты

Уединенныя мечты
И нѣгу вольныхъ вдохновеній!

Онъ отдыхаетъ, грѣшный свѣтъ:
Главу страдальца утомило
Однообразіе суетъ,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй видѣнья золотыя,
Да уелѣбанный тобой
Забудеть онъ и шумъ дневной,
И страхъ, и надежды злыя.

Но ты лампы не туши,
Не водворяй успокоенья
Тамъ, гдѣ поэтъ своей души
Свершаетъ стройныя творенья;
Пускай торжественный восходъ
Великолѣбнаго свѣтила
Его бессоннаго найдеть,
И снова думъ его полеть
Подыметъ божеская сила!

КУДЕСНИКЪ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,
Счастливыя дарами природы,
Народъ Ярославовъ, на волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы
И жалуетъ миромъ сосѣдей-враговъ —

Толпятся: Кудесникъ явился изъ Чуди
 Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
 Стеклись любопытные люди.

И старецъ Кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
 Въ толпу изъ толпы переходить;
 Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
 О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
 Твердить и руками разводить;
 Святителей, церковь и святость мощей,
 Христа и Пречистую Дѣву поносить;
 Онъ сдѣлаетъ чудо — и добрыхъ людей
 На чудо пожаловать просить.

Онъ сладко, хитро празднословить и лжетъ,
 Смущаетъ умы и морочитъ:
 Ужь онъ-то потѣшитъ великій народъ,
 Ужь онъ-то Кудесникъ чрезъ Волховъ пойдетъ
 Водой — и ноги не замочитъ.
 Вотъ вышелъ епископъ Ѳеодоръ съ крестомъ
 Къ народу — народъ отъ него отступился;
 Лишь Князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
 Ко святому кресту приложился.

И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
 Подходить онъ, грозенъ и пылокъ;
 «Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?»
 Замялся Кудесникъ и . . . самъ онъ не свой,
 И жметъ, и чешетъ затылокъ.
 — Я сдѣлаю чудо. — «Безумный старикъ,
 Созгаль ты!» и княжеской дланью своею
 Онъ поднималъ топоръ свой тяжелый — и въ мигъ
 Чело раздвоилъ чародѣю.

къ ИРАСКОВЪ А. ОСИНОВОЙ.

Тѣ дни мнѣ милы и священны,
Когда по Сороти брегамъ,
То своенравный, то смиренный,
Бродилъ я вольно тамъ и тамъ;
Когда вся живость наслажденій
Во славу Грацій и вина,
Свѣжа, роскошна, какъ весна,
Чиста, какъ звуки вдохновеній,
Какъ лента радуги ясна,
Во мнѣ могучая кишѣла, —
И я счастливецъ забывалъ
Рѣку, гдѣ Разинъ воевалъ,
Поля родимаго предѣла,
Симбирскъ и кровныхъ, и друзей,
И все, что нравилось когда-то
Моей фантазій крылатой,
Душѣ неопытной моей.
И та, кого мощь свѣтиломъ
И божествомъ я называлъ,
Кому въ восторгѣ нѣжно-миломъ
Стихи и сердце отдавалъ, —
Та красота, едва земная,
Та знаменитая жена,
Многоученая, святая,
Которой наши времена
Сіяютъ радости рая, —
Та, для кого не разъ, не два
Моя порочилась молва, —
Та красота, которой много

Россійскій жертвовалъ Парнасъ,

 Та благосклонная вотъ чудо!
 Подъ вашимъ небомъ и во снѣ
 Она не грезилася мнѣ,
 И вообще я помнилъ худо
 О достопамятной веснѣ
 Такъ лучъ денницы прогоняетъ
 Пары съ проснувшихся полянъ;
 Такъ возмутительный стаканъ
 Мечты и мысли возвышаетъ.
 Благословенная пора!
 Она жива мнѣ, какъ вчера.
 Бывало, звѣзды тихой ночи
 Глядятся въ зеркалѣ пруда
 Какъ чаровались мнѣ тогда
 Душа и сердце, слухъ и очи!
 Самодовольныя, во мнѣ
 Надежды пылкія вставали,
 Играли весело онѣ,
 И въ даль ни разу не летали
 Надежды лучшія мои!
 А домъ, а садъ густозеленой,
 Пруды и Сороти студёной
 Гостепріимныя струи!
 А видъ на доли и на горы
 И сѣнь прибережной горы!
 А мостъ и пышные дары
 Помоны, Бахуса и Флоры!

.....
 Все это радуетъ меня,
 Все мнѣ плѣнительно донинѣ
 Здѣсь, гдѣ на жизненной пучинѣ
 Нѣтъ ни вѣтрила, ни огня.
 О! я молюсь, мой добрый геній!
 Да вновь увижу тѣ края,
 Гдѣ все достойно пѣснопѣній,
 Гдѣ вѣчный праздникъ бытія!

—
ВЪ * * * * .

—
 Во имя Руси, милый братъ,
 Твою главу благословляю;
 Изъ края нѣмцевъ, горь и стадь,
 Ты возвращенъ родному краю.
 Позоръ событій нашихъ лѣтъ,
 Великихъ сплетней и суетъ,
 Тебя не долго позабавилъ;
 Ты ихъ презрѣлъ, ты ихъ оставилъ,
 И на добро, на Божій свѣтъ
 Живые помыслы направилъ.
 Любезный гражданинъ Москвы,
 Теперь ни славы заграничной,
 Ни расказней молвы столичной,
 Ни государственной молвы
 Не слушаешь; отцовскимъ Ларамъ
 Твои часы поручены;
 Ты пьешь приволье тишины,
 Подобно счастливымъ боярамъ

Веселонравной старины;
 На свѣжихъ розахъ Гименея,
 Въ чело, и очи, и уста,
 То замирая, то краснѣя,
 Тебя лобзаетъ красота
 Кипятъ, пылаютъ наслажденья,
 Ихъ нѣгу вѣрность бережетъ,
 И быстро вѣчный скороходъ
 Уноситъ легкія мгновенья.

А я, гуляющій поэтъ
 У вратъ святилища науки,
 Брожу и жду, пройдутъ иль нѣтъ
 Мои томительныя скуки?
 Блеснетъ ли вновь передо мной
 Звѣзда любви и вдохновеній,
 И жажда славы пѣснопѣній,
 Въ груди забьется молодой,
 И благозвучными стихами
 Означу сладостные дни?
 Напрасно: дни бѣгутъ за днями
 И въ Лету падаютъ они.
 Она прошла, пора золотая,
 Восторговъ пламенныхъ пора;
 Владѣютъ мной тщета мірская
 И лѣнь, и грусть, и мишура.

Теперь святому Провидѣнью
 Я говорю одну мольбу:
 Да не предастъ оно забвенью
 Мою грядущую судьбу;
 Да возвратитъ мнѣ міръ свободы,
 Мечты и пѣсни прошлыхъ дней,
 Поля, холмы и непогоды,
 И небо родины моей.

Тогда, надеждами богатый,
 Спѣша отъ лѣни и заботъ,
 Я посѣщу твои палаты
 На брегѣ москворѣцкихъ водъ;
 Краснорѣчивые рассказы
 Про жизнь альпійскихъ пастуховъ,
 Про горы выше облаковъ
 И про любовныя проказы
 Въ виду потоковъ, скалъ и льдовъ,
 Часы летучаго досуга
 Намъ очаруютъ въ тишинѣ;
 Моя веселая подруга,
 Камена, улыбнется мнѣ,
 И пѣсню лиры вдохновенной
 Тебѣ радушно воспою
 Утѣхи жизни просвѣщенной
 И долю мирную твою.

ВЪ ВУЛЬФУ.

Теперь я въ Камби, милый мой!
 Для поэтическихъ занятій,
 Для жизни дѣльной и простой
 Покинулъ я хмѣльныхъ собратій
 И цѣль неволи городской.
 Брожу, задумчивости полный,
 И лѣсъ шумить надъ головой,
 И свѣтлыя играютъ волны
 И жатвы блещутъ предо мной.
 Здѣсь Муза, нѣжная подруга

Уединеннаго досуга,
 Подъ мой отшельнической кровъ
 Въ прохладѣ вечера приходитъ :
 Легко потоки думъ и словъ
 Струятся въ образы стиховъ ;
 Неслышенъ скорый бѣгъ часовъ —
 И лучъ востока насъ находить
 Въ раздольѣ сладостныхъ трудовъ.
 Здѣсь, миловидная, какъ роза,
 Моя поэзія цвѣтетъ :
 Ей не мѣшаетъ міръ заботъ,
 Ни лѣнь друзей, ни жизни проза,
 И ревностно готовлюсь я
 Въ тиши безпечнаго житья,
 Самостоятельно и смѣло
 Свершить возвышенное дѣло,
 Хотя нерѣдко, милый мой,
 Раздумья гордаго порой,
 Мнѣ говоритъ богиня слово :
 «Себя извѣдай и смирись!
 Взгляни, какъ Ѡ. . . . Борисъ
 Срамитъ Бориса Годунова!»
 Но что? Кипитъ душа моя
 И жаждетъ чести Геликона
 И «жребій брошень» молвлю я —
 И бухъ на воды Рубикона!

—

КЪ ВУЛЬФУ.

—

Повѣрь, товарищъ, сладко мнѣ
 О мирной думать сторонѣ,

Гдѣ я, разгульный и свободной,
 Завѣтнымъ преданный мечтамъ,
 Бродилъ рѣки голубоводной
 По величавымъ берегамъ
 Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ.
 Все свято: Пушкинъ, ты, да я —
 Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
 Мы пили нѣгу бытія!
 Туда, туда, туда! но свѣту
 Въ цари поставленъ гнѣвный рокъ,
 Равно досаденъ и жестокъ
 И непоэту, и поэту —
 И онъ-то шутить надо мной.
 Но будь утѣшенъ ты, герой,
 Питайся медомъ ожиданій:
 Придетъ пора моихъ желаній,
 Осуществится милый сонъ,
 Покину дерптскаго Пената,
 Возвеселюся, какъ Сіонъ,
 И обниму тебя, какъ брата.

И ъ с н я.

Изъ страны, страны далекой,
 Съ Волги-матушки широкой,
 Ради сладкаго труда,
 Ради вольности высокой
 Собралися мы сюда.
 Помнимъ холмы, помнимъ доли,
 Наши храмы, наши селы,

И въ краю, краю чужомъ,
 Мы пируемъ пиръ веселый
 И за родину мы пьемъ.
 Благодѣтельной силой
 Съ нами Нѣмцевъ подружило
 Откровенное вино;
 Шумно, пламенно и мило
 Мы гуляемъ заодно.
 Но съ надеждою чудесной
 Мы стаканъ и полноувѣсной
 Нашей Руси — будь она
 Первымъ царствомъ въ поднебесной,
 И счастлива и славна!

КАТЕНЬКЪ МОИЕРЪ.

Благословенны тѣ мгновенья,
 Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
 Предъ омиамомъ вдохновенья
 Священнодѣйствуетъ поэтъ.
 Какъ мысль о небѣ, величавы,
 Торжественны его слова;
 Ихъ принимаютъ крылья славы,
 Имъ изумляется молва!
 Но и тогда, какъ онъ играетъ
 Своимъ возвышеннымъ умомъ,
 Онъ преполненъ, онъ сіяетъ
 Его хранящимъ божествомъ,
 И часто даромъ прорицанья,
 Творящей прихоти сыны,

Его небрежныя созданья,
Его мечты одарены.

Быстрѣе, легче сновидѣнья
Пройдутъ твои молодые дни,
Но благодѣтельно: они,
Служа богинѣ просвѣщенья,
Игривый умъ твой разовьютъ,
И сердца съ чувствомъ безмятежнымъ,
Какъ яркій звукъ со звукомъ нѣжнымъ,
Въ одну гармонію сольютъ.

Тебя полюбятъ миръ и счастье;
Не возмутятъ груди твоей
Порывы буйныя страстей,
Не охладитъ ее безстрастье;
Прекрасна будетъ жизнь твоя;
Свѣтла, свободна и спокойна,
Души божественной достойна,
Достойна чести бытія.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕТВЕРОСТИШІЯ*.

1. Равновѣсіе.

О мирный селянинъ! въ твоёмъ жилищѣ нѣтъ
Ни злата, ни серебра; но ты счастливъ стократно:
Съ любовью, съ дружбой ты проводишь дни пріятно
А въ городѣ и шумъ, и пыль, и стукъ каретъ!

* Это — пародія на извѣстныя четверостишія И. И. Дмитріе

2. Удѣлъ гения.

Змѣя увидѣла подси́жникъ, ранній цвѣтъ,
 И ядомъ облила прелестное растенье.
 акъ гений, наглости завистника предметъ,
 Страдаетъ безъ вины и терпѣтъ угнетенье.

3. Вѣрное предсказаніе.

Пройдетъ ли мой недугъ? — Левъ у осла спросилъ;
 Осель отвѣтствовалъ: о царь, сильнѣйшій въ мірѣ!
 Когда ты не умрешь, то будешь живъ, какъ былъ:
 Два раза два — четыре.

4. Справедливость пословицы.

Одна свѣча избу лишь слабо освѣщала;
 Зажгли другую — что жъ? изба свѣтлѣе стала.
 Правдивы древняго рѣченія слова:
 Умъ хорошо, а лучше два.

5. Мстительность.

Пчела ужалила медвѣдя въ лобъ.
 Она за соты мститъ обидчику желала;
 Но что же? умерла сама, лишившись жала.
 Какой удѣлъ того, кто жаждетъ мести? — гробъ.

6. Непоколебимость.

Познай, свѣтлѣйшій левъ, смятенія вину,
 Рекъ слонъ: въ народѣ бунтъ! повсюду шумъ и клики!

Смирятся, левъ сказалъ, лишь гривой я тряхну!
Опасность не страшна для мощнаго владыки.

7. Сила и Слабость.

Орелъ бьетъ сокола, а соколъ бьетъ гусей;
Страшятся щуки крокодила;
Отъ тигра гибнетъ волкъ, а кошка бьетъ мышей.
Всегда имѣетъ верхъ надъ Слабостію Сила.

8. Лебедь и Гусь.

Надъ Лебедемъ желая посмѣяться,
Гусь тиною его однажды замаралъ;
Но Лебедь вымылся и снова бѣлымъ сталъ. —
Что дѣлать, если кто замаранъ? . . . Умываться.

9. Мартышка.

Мартышка, съ юныхъ лѣтъ прыжки свои любя.
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что жъ вышло изъ того? — лишь ноги изломала.
Поэтъ! на старости побереги себя!

Э Л Е Г И Я.

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенныя мечты:
Моя краса, мое свѣтило,
Моя желанная, гдѣ ты? —

Давно ль очей твоихъ лазурныхъ
 Я любовался тишиной,
 И волны думъ крутыхъ и бурныхъ
 Въ дунѣ смирялись молодой?

Далеко ты, но терпѣливо
 Моей покорствую судьбѣ;
 Во мнѣ божественное живо
 Воспоминанье о тебѣ
 Такъ пробужденье сохраняетъ
 Черты плѣнительнаго сна;
 Такъ землю блескомъ осыпаетъ
 Небесъ красавица, луна.

РАЗВАЛИНЫ.

Ночь; тихи небеса; съ восточнаго ихъ края
 Луна, красивѣйшій блескъ на землю разсыпая,
 Въ пучинѣ воздуха лазурной возстаетъ;
 Безмолвенъ горный лѣсъ; чуть льются зыби водъ;
 Вонъ тамъ, господствуя надъ берегомъ и холмами,
 Двѣ башни и стѣна съ высокими зубцами —
 Остатки подвиговъ могучей старины —
 Какъ снѣгъ, бѣлѣются, луной озарены;
 Далеко, голыхъ скалъ чрезъ каменны ступени
 Сошли на свѣжій лугъ пробитыя ихъ тѣни,
 И темны, какъ молва давно минувшихъ дней,
 Лежатъ предъ новыми жилищами людей.
 Вонъ рядъ обломковъ! Тамъ на вышины крутыя
 Отчаянно толпы взбѣгали боевыя,

И гibli! Радостный пріютъ моей мечты,
 Чернокудрявая красавица, гдѣ ты?
 Приди; на этотъ холмъ, вѣтвями осѣненный,
 Возсядемъ; твой пѣвецъ, младый и вдохновенный,
 Повѣдаю тебѣ сказанья старины
 Про гордыхъ витязей свободы и войны;
 И сладостны, какъ шумъ таинственный дубравы,
 Звучны, какъ говоръ волнъ пустынныхъ, пѣсни славы
 Польются ясная улыбка оживитъ
 Твои уста и жаръ на пурпурѣ ланить,
 Свѣтло заискрятся божественныя очи;
 Приди! но я одинъ; спокойно царство ночи;
 Высоко шаръ луны серебряной встаетъ;
 Безмолвень горный лѣсъ; чуть льются зыби водъ.

А. И. СТЕПАНОВУ.

Прощай надолго, милой мой;
 Да Провидѣніемъ хранимый,
 Ты возвратишься невредимый
 На пользу родниѣ святой!
 Да жаръ возвышенныхъ желаній
 Въ тебѣ мужаеть и растетъ
 Среди классическихъ работъ
 На свѣтломъ поприщѣ познаній!
 Да тамъ, откуда съ давнихъ поръ
 Надеждъ питомцы дорогіе,
 Россіи книжники молодые,
 Вывозятъ ей лишь тлѣнь и вздоръ,
 Туманъ шальнаго мудрованья,

Глухую спѣсь, немилость къ намъ.
 И знаменитыя прозванья
 Своихъ учителей, — да тамъ
 Въ странѣ наукъ правдиво-гордой.
 Служа Каменамъ и добру,
 Не окрестится въ нѣмчуру
 Твой духъ дѣятельный и твердой, —
 Но жадный творческихъ трудовъ,
 Но полный силы своенравной,
 Сберетъ сокровища вѣковъ,
 И посвятитъ ихъ православно
 Богамъ родимыхъ береговъ!
 Прощай! Когда-то наша младость
 Цвѣла роскошно, милый мой;
 Гуляли мы рука съ рукою,
 Учились вмѣстѣ, жизни сладость
 Мы пили чашею одной.
 И что жь? Какъ призракъ сладострастья,
 Пора безоблачнаго счастья,
 Всегда любимая душой,
 Исчезла вмгъ; но ты съ собою
 Возмешь подъ небеса чужія
 Воспомнанья золотыя
 Про міръ возвышенныхъ суетъ,
 Про наслажденья удалыя,
 Про шумъ и пѣсни прошлыхъ лѣтъ.
 И въ часъ раздумья и досуга
 Мечта волшебною рукою,
 Какъ наяву, передъ тобой
 Въ картинѣ пестрой и живой
 Поставитъ недруга и друга;
 Тебя восторги обіймутъ,
 И взоръ филолога угрюмой

Развеселится ясной думой —
И закипит ученый трудъ!

ГРАФУ Д. Н. ХВОСТОВУ.

Почтенный старецъ Аполлона!
Какъ счастливъ ты: давнымъ давно
Въ тѣнистыхъ рощахъ Геликона
Тебѣ гулять позволено.
Еще теперь, когда лѣтами
Твоя бѣлѣетъ голова,
Краснорѣчивыми хвалами
Тебя привѣтствуетъ молва,
И поздній гласъ твоей цѣвницы
Восторгомъ юнымъ оживлешъ
Такъ блескомъ утренней зарницы
Вечерній блещетъ небосклонъ.
Слуга отечественной славы,
Ты пѣлъ побѣды и забавы
Благословеннаго царя,
Кубры серебряныя воды,
И ужасъ невской непогоды,
И юга бурныя моря.
Ты украшалъ, разнообразилъ
Страннопримный нашъ Парнасъ,
И зависти коварный глазъ
Твоей поэзіи не сглазилъ.
А я . . . кака я миѣ дорога
Въ гурьбѣ поэтовъ-удальцовъ?
Дарами вѣтренныхъ стиховъ

Честимъ блистательнаго бога;
 Бездѣля вольнаго сыны,
 Томимы грустью безутѣшной,
 Поемъ задумчивые сны
 И грезы молодости грѣшной;
 Бранимъ людей и свѣта шумъ,
 И съ чувствомъ гордости лѣбной
 Питаемъ, лакомимъ свой умъ
 Самодовольный и брюзгливой.
 Что слава? Суета суеть!
 Душой высокою и свободной
 Мы презираемъ благородно
 Ея докучливый привѣтъ;
 Но соблазнительныя дѣвы
 За наши милые напѣвы
 Дарятъ намъ пару тайныхъ словъ,
 Изъ кошелекъ хитросплетенный,
 Изъ скляночку воды безцѣнной,
 Отрады ноющихъ зубовъ.
 Вотъ нашъ вѣнецъ и вся награда
 Текучимъ, сладостнымъ стихамъ!
 Но, люди . . . горькая досада
 На свѣтъ вѣдома и намъ!
 Насъ гонитъ зависть, намъ злодѣи —
 Всѣ записные грамотѣи;
 И часто за невнишій вздоръ.
 За выраженье удалое,
 Насъ выставляютъ на позоръ
 Ихъ остроуміе тупое!
 О, паучи меня, Хвостовъ!
 Отрѣчься буйнаго союза
 Тѣхъ утомительныхъ пѣвцовъ.
 Чья — недостойная боговъ —

У касталійскихъ береговъ
 Шальная вольничаетъ Муза.
 Дай мнѣ классическiи совѣтъ
 Свой умъ настроить величаво:
 Да увѣнчаюсь доброй славой
 Я на Парнасѣ нашихъ лѣтъ. —

КЪ А. И. ВУЛЬФУ.

Помнишь ли, мой другъ застольный,
 Какъ въ лѣсу, порою тмы,
 Праздникъ молодости вольной
 Вмѣстѣ праздновали мы?
 Мы лежали, хмѣля полны;
 Возлѣ насъ горѣлъ костеръ;
 Были огненные волны
 И кипѣли; братскiй хоръ
 Пѣсни пѣлъ; мы любовались
 На товарищей: они
 Веселье разбѣгались
 И скакали чрезъ огни.
 Въ насъ торжественно бурлила
 Чародѣйственная сила
 Первой, дѣвственной любви;
 Мы другъ-другу объясняли
 Сердца тайныя печали
 И желанiя свои.
 Помнишь ли, какъ нѣжно-пылки,
 Въ честь Воейковой, потомъ
 Пили, били мы бутылки

У пруда, передь костромъ?
 Такъ и жить во время-оно
 Здѣсь, въ нѣмецкой сторонѣ,
 Разсудительной, ученой
 И когда-то милой мнѣ;
 А теперь тоскѣ да лѣни
 Хладнокровно предаю
 Утро свѣтлыхъ вдохновеній,
 Юность добрую мою:
 Не шумять мои досуги,
 Не торопится мой трудъ
 И порой, какъ въ мой пріютъ
 Загулявшіеся други
 Ненарокомъ забредутъ —
 Молодцовъ любезныхъ шайка
 Станетъ въ кругъ, середь двора;
 Нашу праздность тѣшитъ свайка
 Право, славная игра!
 Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно
 Бьетъ въ кольцо; кольцо бренчитъ;
 Вешній вечеръ беззаботно
 И невидимо летитъ
 Поздно Молча, кругъ удалый
 Разойдется ради сна
 Помнишь ты? Ну, то ль бывало
 Прежде, въ наши времена?!

—

А. Н. ВУЛЬФУ.

—

Прощай! — неси на поле чести
 Отваги юношеской жаръ,

Сердечный гласъ вражды и мести
 И неизбѣжный твой ударъ;
 За Русь, товарищъ, за свободу
 Геллады пламенныхъ сыновъ,
 На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду
 Пойдешь ты, силенъ и суровъ!

Блаженъ, кто гнѣвомъ упоенной
 Гулялъ на праздникъ мечей,
 И вырвалъ дланью вдохновенной
 Побѣду родинѣ своей.
 Свѣтла кончина боевая;
 Блаженъ, кто очи затворилъ,
 Послѣднимъ взоромъ провожая
 Побѣгъ и казнь противныхъ силъ!

Уже зардѣлась величаво
 Высокихъ подвиговъ заря;
 Шумятъ суворовскою славой
 Знамена русскаго царя,
 Да вновь страшилищу Стамбула
 Напомнятъ наши торжества
 Пожаръ Чесмы, чугуны Кагула,
 И Руси грозныя права!

Дай руку мнѣ; во дни былые,
 Въ кругу внимательныхъ друзей,
 Я воспѣвалъ пиры лихіе
 Кипучей младости твоей:
 Я стану пѣть твои побѣды,
 Восторгомъ веселье огневымъ;
 И бурной юности бесѣды
 Наполню именемъ твоимъ!

КЪ А. Н. ОЧВИНУ.

Было время, мой пріятель,
 Какъ прельщенный суетой,
 Музъ невѣрныхъ обожатель,
 Имъ я жертвовалъ собой;
 Часто рѣзвыя мечтанья
 И младыхъ восторговъ сны,
 На усердныя призванья,
 Изъ эфирной стороны
 Ниспускалися къ поэту
 Легкокрылою толпой;
 Но теперь ихъ нѣтъ со мной,
 Мой челнокъ несется въ Лету
 Лѣни сонною волной,
 И ничтожество нѣмое
 На кормѣ его сидить!
 Ты, которому въ покоѣ
 Дни свобода золотить,
 Пой, пѣвецъ уединенный,
 Радость юношескихъ лѣтъ,
 А товарищъ твой забвенный
 Пусть молчитъ: — онъ не поэтъ!

ДѢВА НОЧН.

Какъ эта ночь, стыдливъ и томень
 Очаровательный твой взоръ;

Какъ эта ночь, прелестно темень
Съ тобою нѣжный разговоръ;
Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Какъ пламенны твои уста!
Какъ безгранично сладострастна
Твоихъ объятій полнота!

Но успокойся, дѣва ночи!
Спусти завистливый покровъ,
Сокрой твои уста и очи
И злато вьющихся власовъ:
Не на твоей груди перловой
Моя воздремлетъ голова;
Не ты внушишь мнѣ жизни новой
Родныя чувства и слова.

Тамъ, тамъ, гдѣ пышный токъ Родана,
Въ виду заоблачныхъ вершинъ,
Сребромъ выходитъ изъ Лемана
На гладь шелковую долинь
Туда — сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надеждъ и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.

Смотри! стою передъ тобою;
Вдругъ освѣжилась грудь моя;
Торжественъ, радостенъ душою,
И смѣлъ, и гордъ, и свѣтелъ я.
Прекрасна ты, о дѣва ночи!
Покинь меня и не зови
Лобзать твои уста и очи,
Истаевать въ твоей любви!

ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользяи волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣи,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятся волны
Только сильнаго душой!
Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

ЭЛЕГИЯ.

Ты восхитительна! ты пышно разцвѣтаешь —
 И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
 Сапфирами твоихъ возвышенныхъ очей,
 И пурпуромъ ланить, и золотомъ кудрей,
 И перлами зубовъ, и грудью лебединой,
 И стана полнотой, и поступью павлиной.
 Отчаянье подругъ и чудо красоты!
 Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
 Порой, какъ въ тишинѣ благословеньемъ ночи
 Смежаются твои лазоревыя очи,
 Какъ тайныя мечты не дремлютъ — и любовь
 Воспламеняетъ ихъ и гаситъ вновь и вновь?
 Я знаю: это онъ, младый и чернобровый,
 Прекрасный дѣвственникъ, надменный и суровый;
 Имъ соблазнилась ты. Онъ маниемъ руки
 Смиряетъ конскіе разбѣги и прыжки;
 Онъ мѣтко боевымъ булатомъ управляетъ,
 въ часъ, какъ хладными лучами осыпаетъ
 Полночная луна недвижимый заливъ,
 Онъ, смѣляя стопы желѣзомъ окриливъ,
 Одинъ, на звонкомъ льду, межъ сонными берегами,
 Летаетъ съ края въ край проворными кругами.
 О немъ мечтаешь ты; твой небезгрѣшный сонъ.
 То нѣжно скрашенъ имъ, то жарко возмущенъ:
 Чело твое горитъ, и вздохи грудь волнуютъ,
 И воздухъ . . . медленно уста твои цѣлуютъ!

ПАМЯТИ А. Д. МАРКОВА.

Кипятъ и блещутъ фински волны
Передъ могилкою твоей;
Широкимъ пологомъ надъ ней
Склонили сосны, мрака полны,
Печальный шумъ своихъ вѣтвей:

Такъ жизнь плѣнительнымъ возненьемъ
Въ тебѣ кипѣла молодомъ;
Такъ ты блисталъ своимъ умомъ,
И самобытнымъ просвѣщеньемъ,
И поэтическимъ огнемъ.

Но рано, рано годы злые
Тебя настигнули толпой,
И темны стали надъ тобою,
Какъ эти сосны гробовыя,
Угрюмой движимы грозой.

Цѣпями нужды обремененный,
Безъ друга въ горѣ и слезахъ
Погибъ ты . . . При чужихъ водахъ
Лежить, безгласный и забвенный,
Многострадальческій твой прахъ.

О! мнѣ ль забыть тебя! какъ сына,
Любилъ ты отрока меня;
Ты предузналъ, кто буду я,
И что прекраснаго судьбина
Мнѣ дастъ на подвигъ бытія.

Твои радушныя заботы
 Живое чувство красоты
 Во мнѣ питали; нѣжно ты
 Лелѣялъ первые полѣты
 Едва проснувшейся мечты.

Лѣта прошли. Не камню предалъ.
 Ты сѣмена благихъ трудовъ:
 Для свѣтлой жизни я готовъ,
 Я сердцемъ пламеннымъ увѣдалъ
 Музыку мыслей и стиховъ.

Прими жь привѣтъ мой благодарный
 За много, много красныхъ дней,
 Блестящихъ въ памяти моей,
 Какъ образъ мѣсяца янтарный
 Въ стеклѣ играющихъ зыбей!

АЛЕКСѢЮ ВАС. ТИХВИНСКОМУ*.

Какъ знать, куда моя дорога
 На тайномъ попрницѣ земли?
 Навѣчно ль душу мнѣ зажгли
 Огни дельфического бога?
 Пройдутъ ли съ младостью пѣвца
 И сила чувствъ и жажда славы,
 Иль покорять меня уставы
 Жены хромага кузнеца?

* Алексѣй Васильевичъ Тихвинскій былъ лекторомъ русскаго языка въ дерптскомъ университетѣ.

Или рокъ дѣла мои прославить,
 Меня спокойно переправить
 Черезъ волны жизненныхъ заботъ,
 И въ искушенъе не введеть,
 И отъ лукаваго избавить? —
 Что будетъ — будетъ! но клянусь
 Тѣмъ вѣчнымъ Промысломъ, тѣмъ Богомъ,
 Который править нашу Русь
 И помогаетъ ей во многомъ:
 Въ странѣ, гдѣ правственно добра,
 Всему покорна, всѣмъ довольна,
 Живеть, мила и безкрамольна,
 И процвѣтаетъ нѣмчура;
 Въ странѣ, гдѣ богу просвѣщенъя
 Благословенный государь
 Для православнаго служенья
 Поставилъ пламенный алтарь, —
 Здѣсь благодѣтельные годы
 Сіяли юности моеи,
 Здѣсь я нашелъ дары свободы,
 Богиню пѣсенъ и друзей;
 Здѣсь поэтическое пьянство,
 Да мѣръ могущественныхъ думъ
 Мнѣ замѣняли свѣта шумъ,
 Любви восторги и жеманство! —
 Найду ль боговъ моихъ, когда
 Сію страну и васъ покину,
 И незнакомая звѣзда
 Опредѣлитъ мою судьбину?
 Но я душой не измѣнюсь:
 Священны мнѣ всегда и всюду
 Науки, слава, умъ и Русь —
 Итакъ я васъ не позабуду!

КАРОЛИНЪ К-Ъ ЯНИНЪ.

Въ былые дни, отъ музы пѣснопѣній,
 Въ кругу друзей я смѣло принималъ
 Игривыхъ сновъ, веселыхъ вдохновеній
 Живительный и сладостный фіалъ.

Тогда, не зная боязни осужденій
 И прелести взыскательныхъ похвалъ,
 Сынъ вольныхъ думъ и ясныхъ впечатлѣній,

Мой гордый стихъ торжественно стоялъ.

Здѣсь, окруженъ великихъ именами,
 Онъ трепетень, падающій передъ вами.
 Такъ, съ торжища суетъ возведена
 Предъ клиросы молебнаго чертога,
 Душа дрожитъ, таинственно полна
 Присутствіемъ созвавшаго пхъ Бога!

ОТЪЪЗДЪ.

Не долго мнѣ подъ этимъ небомъ,
 По здѣшнимъ доламъ и горамъ
 Скитаться, брошенному Фебомъ
 Тоскѣ и скукѣ и друзьямъ!
 Теперь священныя желанья
 Законно царствуютъ во мнѣ;
 Но я, въ сердечной глубинѣ,
 Возьму съ собой воспоминанья
 О сей нѣмецкой сторонѣ.

Здѣсь я когда-то жизни сладость
 И вдохновенье находилъ,
 Игралъ избыткомъ юныхъ силъ
 И воспѣвалъ любовь и радость.
 Какъ сновидѣнье день за днемъ
 И ночь за ночью пролетали

 Вонъ лѣсъ и дремлющія воды,
 И лугъ прибрежный, и кругомъ
 Старинныхъ липъ густые своды,
 И яркій мѣсяцъ надъ прудомъ,
 Туда, веселья, бывало,
 Ватаги вольницы удалой
 Сходились, дружнымъ торжествомъ
 Знаменовать свой день великой:
 Книжки звуки пѣсни дикой.
 Стекло шибалось со стекломъ.
 Костеръ бурлилъ и разливался
 И лѣсъ угрюмый пробуждался,
 Хмельнымъ испуганный огнемъ.
 Вонъ площадь: тамъ, пышна, явилась
 Ученыхъ юношей гульба,
 Когда въ порфиру облачилась
 Россіи новая судьба.
 Бренчали бубны боевые,
 Свисталъ пронзительный гобой;
 Подъ ладъ ихъ бурный и живой,
 На удивленной мостовой
 Вертѣлись пляски круговья;
 Подобно лону гнѣвныхъ водъ
 Пиръ волновался громогласной,
 И любознательный народъ

Смотрѣль съ улыбкой сладострастной,
 Какъ Бахусъ потчивалъ прекрасной
 Свой разгулявшійся приходъ.

О юность, юность, сонъ летучій,
 Роскошно свѣтлая пора,
 Приволье радости могучей,
 Свободы, шума и добра! . . .
 Мои товарищи и други!
 Гдѣ вы, мнѣ милые всегда?
 Какъ наслаждаетесь? Куда
 Перенесли свои досуги?

Я помню васъ. Тебя, герой
 Любви, рапиры и бутылки,
 Самонадѣянный и пылкій
 Въ потѣхахъ нѣги молодой!
 Съ твоимъ прекраснымъ идеаломъ.
 Тебя Киприда не свела:
 Полна любви, чиста была
 Твоя душа, но въ тѣлѣ маломъ
 Она, великая, жила!
 Теперь волшебницу иную
 Боготворишь безопасно ты,
 На жизнь рѣшительно-пустую
 Ты промѣнялъ свои мечты
 Про славу, Русь и дѣвъ Ирана!
 И гдѣ жъ? въ Козельскѣ наконецъ.
 Блуждаешь, дружбы и стакапа
 И сладкой вольности бѣглець! . . .

 И ты! . . . тебя благословляю,
 Мой добрый другъ, воспѣтый мной.
 Лихой гусаръ, родному краю

Слуга мечомъ и головой.
 Христолюбиваго поэта
 Надежду грудью оправдай,
 Рубись — и царство Магомета
 Неумолимо добивай!

А ты, страдалецъ скуки томной,
 Невольникъ здѣшняго житья,
 Ты, излѣнившійся, какъ я,
 Какъ я свободно бездипломной!
 Люблю тебя, проказникъ мой,
 Въ тиши поющаго ночной;
 Люблю на праздникъ за ромомъ,
 Въ раздумьи, въ пламенныхъ мечтахъ,
 Въ ученыхъ спорахъ и трудахъ,
 Съ мечомъ, цѣвницею и ломомъ.
 Что медлишь ты? Спасайся, братъ!
 Не здѣсь твое предназначенье;
 Уже намъ вреденъ чуждый градъ,
 И задушаетъ вдохновенье.
 Покинь стакановъ хмѣль и стукъ!
 Бѣги, ищи иной судьбины!
 Но да цвѣтутъ они, мой другъ,
 Сии ливонскія Аонны!
 Не здѣсь ли нѣкогда, мила,
 Насъ юность рѣзвая ласкала,
 И наша дружба возросла,
 И грудь живая возмужала
 На правовѣрныя дѣла?
 О! будь же вамъ благодаренье,
 Вамъ, коихъ знанья, вкусъ и умъ
 Блюли порядокъ нашихъ думъ,
 Въ насъ водворяли просвѣщенье!

Всѣмъ вамъ! Тебѣ жь, какъ ἑξοχῆν,
 Наставникъ нашъ, хвала и слава,
 Душой воспитанникъ Камень,
 А тѣломъ ровня Болеслава,
 Мужъ государственныхъ наукъ!
 Не удалось мнѣ съ тобою
 Прощальный праздновать досугъ
 Виномъ и пѣснью круговою!
 Тамъ, тамъ, гдѣ шумно облегли
 Эстонскій градъ морскія волны,
 Въ песчаномъ берегѣ, вдали
 Твоей отеческой земли,
 Твой прахъ покоится безмолвный;
 Но я, какъ благо лучшихъ дней,
 Тебя донинѣ вспоминаю,
 И здѣсь, съ богинею моею,
 Тебѣ, учитель, воздвигаю
 Нерукотворный мавзолей!

.....

Такъ, вотъ мои воспоминанья,
 Безъ торгу купленныя мной!
 Святаго полный упованья,
 Съ преобразившейся душой,
 Бѣгу надолго въ край родной,
 Спасая Божьи дарованья.
 Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
 Я просвѣтлѣю жизнью новой,
 И гордо брошу мой лавровый
 Виномъ обрызганный вѣнецъ!

БАРОНЪ ДЕЛЬВИГУ.

Иные дни — иное дѣло!
 Бывало, помнишь ты, баронъ,
 Самонадѣянно и смѣло
 Я посѣщаль нашъ Геликонъ;
 Молва стихи моп хвалила,
 Я непритворно вѣрилъ ей,
 И поэтическая сила
 Огнемъ могущественнымъ била
 Изъ глубины души моей:
 А нынѣ? міру вдохновеній
 Далеко недоступенъ я;
 На лонѣ скуки, сна и гѣни
 Томится молодость моя;
 Моей Камены сынъ ослупной,
 Я чуждъ возвышенныхъ трудовъ,
 Пугаюсь ихъ — и равнодушно
 Гляжу на поприще стиховъ.
 Блаженъ, кто имъ не соблазнялся!
 Блаженъ, кто отъ его суетъ,
 Его опасностей и бѣдъ
 Ушелъ въ себя — и тамъ остался!...
 Завидна славы благодать,
 Привѣтъ завиденъ многолюдной;
 Но часто ль сей наградой чудной
 Ласкають насъ? И то сказать,
 Непроходимо-безпокойно
 Служенье Фебу въ наши дни:
 Въ раздолби буйной толкотни,
 Кричатъ, бранятся непристойно

Жрецы поэзии святой
 Такъ точно праздничной порой
 Кипитъ торговля площадная;
 Такъ говорливо вторитъ ей
 Разноголосица живая
 Старухъ, индѣекъ и гусей.
 Туда ль душѣ честолюбивой
 Нести плоды священныхъ думъ,
 Да увлекутъ они счастливо
 Простонародный крикъ и шумъ?
 А ты, прихвостница талантовъ
 И повивальница стиховъ,
 Толпа словесныхъ дуръ и франтовъ,
 Не ценсурованныхъ глупцовъ: —
 Не ты ль на подвигъ православной
 Поэта-юношу зовешь
 И вдругъ рукой самоуправной
 Его же ставишь на правезь? —
 Не ты ль въ судью и господина
 Даешь Парнасу кой-кого,
 И долго. долго твой дѣтина,
 Прищурясь, смотреть на него? —

Вотъ такъ-то нынѣ область Феба
 Миѣ представляется, баронъ.
 Ты мирно скажешь: «Это сонъ,
 Даръ испытующаго неба;
 Онъ легкимъ лѣтомъ пролетитъ:
 Такъ иногда въ жару недуга,
 Страдалецъ сердится на друга
 И задушевнаго бранитъ!»
 Ну такъ, баронъ! Поэтовъ богу
 Поставь усердную свѣчу,

Да вновь на прежнюю дорогу
 Мои труды поворочу,
 Да снова пѣсню сладкогласно
 Я возвѣщу, что я поэтъ —
 И оправдается прекрасно
 Мнѣ вдохновенный твой привѣтъ!

Э Л Е Г И Я .

Языкъ души краснорѣчивый,
 Восторга пламенный полетъ,
 Стиховъ и мыслей переплывы
 И силу ихъ, — она пойметъ;
 Но велика ль ея награда
 За вдохновеніе любви? . . .
 Порою два, три небесныхъ взгляда,
 И то при васъ, друзья мои!

П Ѣ С Н Я .

Когда умру, смиренно совершите
 По мнѣ обрядъ печальной и святой,
 И мнѣ стиховъ надгробныхъ не пишпте,
 И мрамора не ставьте надо мной.

Но здѣсь, друзья, гдѣ нынѣ сходка наша
 Бесѣдуетъ, разгульна и вольна,

Гдѣ весела, какъ праздничная чаша,
 Душа выпить студенчески-шумна, —

Во славу мнѣ, вы чашу круговую
 Наполните блистательнымъ виномъ,
 Торжественно пропойте пѣснь родную,
 И пьянствуйте о имени моемъ.

Все тлѣнь и мигъ! Блаженъ, кому съ друзьями
 Свою весну пропировать дано,
 Кто видитъ мѣръ туманными глазами,
 И любитъ жизнь за пѣсни и вино!...

КЪ А. И. ТЮТЧЕВУ.

Не вспоминай мнѣ, Бога ради,
 Веселыхъ юности годовъ,
 И не развертывай тетради
 Моихъ студенческихъ стиховъ!
 Ну, да! судьбою благосклонной
 Во здравье было мнѣ дано
 Той жизни мило-забубенной
 Извѣдать крѣпкое вино!
 Успѣхъ трудовъ и пѣснопѣнье
 Младое, полное огня,
 На знаменитое служенье
 Тогда готовили меня;
 Тогда мои плѣняла взгляды,
 Мои тревожила мечты
 Душа, одѣтая въ черты

Богинь божественной Геллады.
 Какъ гордо радовался я!
 Какъ вдохновенно сердце билось!
 А нынѣ? . . . Все перемѣнилось,
 Жизнь и поэзія моя! —
 Гляжу печальными глазами
 На вялый ходъ мнѣ новыхъ дней,
 И славлю смертными стихами
 Красавицъ родины моей:
 Не такъ ли сынъ богатырей,
 Имъ измѣнившій богохульно,
 Недужень тѣломъ и душой,
 Изъ чаши прадѣда разгульной
 Пьетъ охлаждаемый настой?

—

П Ъ С Н Я.

—

Разгульна, свѣтла и любовна
 Душа веселится моя;
 Да здравствуетъ Марья Петровна,
 И ножка, и ручка ея!
 Какъ розы денницы живыя,
 Какъ ранніе снѣги полей —
 Ланиты ея молодыя
 И дѣвственный бархатъ грудей.
 Какъ звѣзды задумчивой ночи,
 Какъ вешняя пѣснь соловья —
 Ея восхитительны очи
 И сладостенъ голосъ ея.
 Блаженъ, кто, роскошно мечтая,

Зоветь ее дѣвой своей;
 Блаженнѣй избранниковъ рая
 Студентъ, полюбившійся ей!

Э Л Е Г И Я .

Тотъ не поэтъ, въ комъ не пробудитъ
 Восторговъ нѣжныхъ, сновъ и мукъ
 Твоихъ рѣчей волшебный звукъ;
 Тотъ не поэтъ, кто не забудетъ
 Судьбы и вольности своей,
 Всѣхъ думъ и смѣлыхъ и надменныхъ,
 Постигнуть искрой сихъ очей
 Побѣдоносныхъ, вдохновенныхъ!
 Блаженъ, кто грудью молодой,
 Кто сладострастными устами . . .
 Но ты смѣешься надъ мольбами,
 Воспламененными тобой;
 Ты прерываешь грознымъ взглядомъ
 Сердечный юноши привѣтъ, —
 И полонъ мужествомъ и хладомъ
 Ему нежданый твой отвѣтъ.

А — 'Ъ .

Какъ мысли творческой созданья,
 Какъ сладострастная мечта,

Свѣтла, полна очарованья
 Твоя дѣвичья красота;
 Ланитъ и персей жаръ и нѣга,
 Живыя груди, блескъ очей
 И волны вѣтренныхъ кудрей
 О другъ! ты альфа и омега
 Любви возвышенной моеи!
 Съ минуты нашего свиданья
 Мои пророческіе сны,
 Мои кипучія желанья
 Всѣ на тебя устремлены!
 Предайся мнѣ: любви забавы
 Я пѣсню звучной воспою
 И окружу лучами славы
 Младую голову твою!

РОМАНСЪ.

Конрадъ одѣвается въ латы,
 Беретъ онъ сѣкиру и щитъ.
 «О рыцарь! о милый! куда ты?»
 Дѣвица ему говоритъ.

— Мнѣ время на битву! Назадъ
 Я скоро со славой приѣду:
 Сосѣдомъ обиженъ Конрадъ,
 Но грозно отмстить онъ сосѣду!

Вотъ гибельный бой зашпѣлъ,
 Сшибаются, блещутъ булаты,

И кто-то сразилъ — и надѣлъ
Противника мертваго латы.

Спустилась вечерняя мгла.
Милѣе задумчивой ночи,
Красавица друга ждала,
Потупивъ лазурныя очи.

Вдругъ сердце забилось въ ней —
Предъ нею знакомый воитель:
«О рыцарь! о милый! скорѣи
Меня обними, побѣдитель!»

Но рыцарь стоитъ и молчить.
«О милый! утѣшься любовью!
Ты страшень, твой панцырь покрытъ
Противника дерзкаго кровью!»

«Но сердцемъ, какъ прежде, ты мой!
Оно ли меня разлюбило?
Скинь латы и шлемъ боевой;
Скорѣе въ объятія милой!»

Но рыцарь суровый молчить,
Онъ поднявъ рѣшетку забрала:
«О Боже! Конрадъ мой убить!»
И дѣва безъ жизни упала.

ЗИМА ПРИШЛА.

Какъ рада дѣвица-краса
Зимы веселому приходу,
Какъ ей любезны небеса
За ихъ замерзнувшую воду! —
Съ какою радостью она,
Сквозь потемнѣвшаго окна,
Глядитъ на снѣжную погоду!
И вдругъ жива и весела
Бѣжитъ къ своей подругѣ бальной
И говоритъ ей триумфально:
Зима пришла! зима пришла!

Воспитанникъ лѣсной Діаны,
Душою радуясь, глядитъ,
Какъ помертвѣлыя поляны
Зима роскошно серебрить;
Порою осени унылой
Ходитъ съ ружьемъ совѣмъ не мило:
И льется дождь и вѣтръ шумитъ,
Но выпалъ снѣгъ, прощай терпѣньѣ!
Его охота ожила
И говоритъ онъ въ восхищенье:
Зима пришла! Зима пришла!

Казны служитель не безвинной,
Какъ рая зимней ждетъ поры:
Плохой барышъ съ продажи винной
Весной и въ лѣтніе жары:
Крѣстьяне заняты работой,

Онъ зрять съ печальною зѣвотой
 Цереры добрые дары;
 Но вотъ зима — и непрестанно
 Торговля ѣздить начала —
 И онъ кричить, восторгомъ пьяной:
 Зима пришла! Зима пришла!

Питомцу музы не отрада
 И пылкой музѣ не сладка
 Зимы суровая прохлада:
 Въ лѣсу морозъ, стоитъ рѣка,
 Повсюду мрачное молчанье
 И гдѣ жь пѣвцу очарованье,
 Восторгъ и мирты для вѣнца?
 Онъ взглянетъ на землю — пустыня,
 На небо взглянетъ — небо спитъ;
 Но если юношѣ велить
 Душой и разумомъ богиня
 Прославить зимнія дѣла:
 Въ поэтѣ радость оживаетъ
 И вдохновенный восклицаетъ:
 Зима пришла! Зима пришла!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Въ послѣдній разъ приволье жизни братской,
 Друзья мои, вкушаю среди васъ;
 Сей говоръ чашъ, свободный дружбы гласъ,
 Сей крикъ и шумъ, разливъ души бурсацкой,
 Привѣтствуютъ меня въ послѣдній разъ.

Завтра день засвѣтитъ мнѣ новый;
 Свѣжо вздохнетъ младая грудь моя;
 Веселыми очами встрѣчу я
 Родимыя долины и дубровы
 Гдѣ жъ вы, мои разгульные друзья?

Могучій Богъ ведетъ меня далече
 Отъ васъ, моихъ согражданъ-бурсаковъ:
 Найду ли гдѣ поэзію трудовъ,
 Нашъ дивный бытъ и пламенное вѣче,
 Живую жизнь и мысли безъ оковъ?

О, будь же вамъ звѣздою путеводной,
 Друзья мои, свобода юныхъ лѣтъ!
 Да радостно, средь удалыхъ бесѣдъ,
 Она хранитъ вашъ духъ своенародной
 И сумрачный вамъ озаряетъ свѣтъ.

А мнѣ, друзья, отрадою священной
 Останется счастливая мечта
 Про васъ и Дерить, про милыя мѣста,
 Гдѣ я гулялъ, молодой и вдохновенной,
 И съ вами пѣлъ: всё мигъ и суета!

АННЪ ИВАНОВИЧЪ.

Влюбленъ я, дѣва-красота,
 Въ твой разговоръ живой и страстный,
 Въ твой голосъ ангельски-прекрасный,
 Въ твои румяныя уста!

Дай мнѣ тобой налюбоваться,
 Твоихъ наслушаться рѣчей,
 Упиться пѣснію твоей,
 Твоимъ дыханьемъ надышаться.

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ.

Итакъ — мнѣ новая награда
 Отъ Музы доблестной твоей,
 Младыхъ поэтовъ Петрограда
 Серебровласый корифей!
 Ее съ поклономъ принимаю,
 Умѣю чувствовать ее;
 Но заслужилъ ли я — не знаю —
 Неоставленіе твое?
 Какими подвигами славы
 На свѣтѣ выказался я?
 Ужь не стихами ль про забавы,
 Про удаль братскаго житья,
 Про нѣгу дружбы вольнодумной,
 Про незабвенные края,
 Гдѣ пролетѣла шумно, шумно,
 Лихая молодость моя? —
 Нѣтъ. Но за то, главою трезвой,
 На послѣдяхъ моей весны,
 Отъ жизни праздничной и рѣзвой
 Поникшій въ лоно тишины,
 Теперь, какъ сердцѣ не тревожить
 Мнѣ красота великихъ дней,
 Достоинъ буду — Богъ поможетъ —

Я благосклонности твоей.

Вѣдь я не даромъ же оставилъ
 Потѣхи лѣни и гульбу,
 На свой обычай переправилъ
 Свою грядущую судьбу,
 И посвятилъ уединенью
 Мой возрастъ силы и трудовъ!
 Отъ первыхъ смысленныхъ годовъ
 Знакомъ и вѣренъ вдохновенью,
 Лишь всемогуществу его
 Обязанъ вольностью и счастьемъ,
 И чистымъ, свѣтлымъ сладострастьемъ
 Ума и сердца моего:
 Его забуду ли я нынѣ?
 Я ль, живо сознанный собой,
 Въ моей любви, въ моей святынѣ
 Раскаюсь зрѣлою душой?

Но признаюсь, я робкимъ взоромъ
 Смотрю на будущность мою,
 Хотя не вмѣстѣ съ буйнымъ хоромъ
 Безкнижной сволочи пою.
 Кого талантъ мой разобидѣлъ?
 Кого мой стихъ оклеветалъ?
 Какой невѣжда или нахалъ
 Меня торгующимся видѣлъ
 На рынкѣ браней и похвалъ?
 Почто же страхомъ ожиданій
 Грудь возмущается моя?
 Уберегусь ли мирно я
 Отъ криводушныхъ порицаній,
 Отъ пошлыхъ козней и обидъ?
 Мнѣ ль предузнать, какимъ возгласомъ
 Мои труды передъ Парнасомъ

Его кричалщикъ, возвѣстительъ,
 Онъ чудень: карлу великаномъ,
 Гетеру Музой, хмѣль дурманомъ,
 Во всеуслышанье зоветъ,
 Немилосердо-самовластный!
 И кто противу, кто несчастный?
 Ну, право, дрожь меня беретъ!
 Ты, Феба ревностный поклонникъ,
 Его классическiй законникъ!
 Къ тебѣ съ надеждою моею,
 Съ моею неопытною лирою,
 Къ тебѣ, ужасному сатирой
 Главамъ парнасскихъ бобылей,
 Прибѣгну я: грозою правой
 Ты знаменито ихъ пугнешь
 И пощадить меня ихъ ложь,
 Твоею заступеннаго славою.

А. И. ТЮТЧЕВУ.

Здорово, братъ! Поставь сюда двѣ чашки;
 Наполнимъ ихъ и вмѣстѣ вознесемъ
 За Дерить, и музъ, и наслажденья наши,
 Свободныя, кпшѣвшія виномъ!
 Въ моеи груди есть сердце молодое
 Воспоминать и чувствовать бывшее.
 Мнѣ ль разлюбить безоблачные дни
 Отважныхъ думъ, разгульныхъ вдохновеній,
 Живыхъ трудовъ и просвѣщенной глѣни?
 Волшебные, зачѣмъ прошли они?

Такъ — за него, за этотъ міръ прекрасный!
 Все, чѣмъ судьба возвышенна моя,
 Что въ ней земнымъ оковамъ не подвластно,
 Все чистое, святое бытія,
 Чѣмъ радостно пылаютъ мысли юны,
 Чѣмъ движутся божественныя струны,
 Все, чѣмъ живетъ и дѣйствуетъ поэтъ —
 Моей душѣ явилъ онъ, свѣтозарный
 И здѣсь, его питомецъ благодарный,
 Творю ему задравный мой привѣтъ!

Да никогда его очарованье,
 Счастливое, не оставляетъ насъ;
 Будь радостенъ, ему въ воспоминанье,
 Меня съ тобой соединившей часъ —
 И яркими увѣнчана мечтами,
 Та райская надежда передъ нами
 Заблещетъ вновь — и вновь повѣримъ ей,
 Что для всего земнаго перехода
 Намъ станеть чувствъ, которыя свобода
 Въ насъ развила по милости своей.
 Таковъ булатъ въ браннолюбивой длани,
 Несокрушимъ, однажды закаленъ!

Свѣрились плоды моихъ желаній,
 Сбылся души благословенный сонъ!
 И вотъ они, мѣста мои родныя
 Кругомъ лѣса и горы мѣловыя;
 По скатамъ ихъ разбросано село;
 Вонъ Божій храмъ, и барскій домъ, и нивы,
 Луга, рѣки подгорныя извивы,
 И двухъ прудовъ спокойное стекло.

Гдѣ жъ вы, мои товарищи и други?
 По прежнему ль увеселяютъ васъ
 И тихій трудъ, и шумные досуги,

И родины краснорѣчивый гласъ?
 Нашъ лучший другъ, пируетъ ли онъ съ вами,
 Онъ, видѣвшій учеными глазами
 Златой Иранъ и патріарха горъ,
 И надъ его священной головою,
 Ночныхъ свѣтилъ блистающій красою,
 Торжественный, лазоревый шатеръ?

Дай руку, братъ! въ виду страны родимой
 Мы повторимъ отраднѣйшій свой обѣтъ
 Еще узрѣть тотъ край, всегда любимой,
 Привольное гузбище юныхъ лѣтъ,
 Разсадникъ чувствъ и помысловъ высокихъ!
 Обнимемъ вновь своихъ друзей далекихъ,
 Ихъ въ бурную бесѣду соберемъ —
 И чокнутся привѣтственныя чаши
 За Дерптъ, и музъ, и наслажденья напши,
 Свободныя, кипѣвшія виномъ! —

ВАРИАНТЫ ШЕСТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Песня Короля Ренера. стр. 12.

Стх. 10. «Когда, побѣдивши морскія пучины»,
читаемъ въ Нов. Лит.:

«Когда, побѣдивши и хладъ и пучины»,

Песнь Ванна, при началѣ войны, стр. 16.

Стх. 17: «Промчится буря боевая.
читаемъ въ Нов. Лит.:

«Умолкнетъ буря боевая.»

Евпатій. стр. 27 — 29.

Стх. 4. «Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь»
читаемъ въ Нов. Лит.:

«Тамъ яростно билась съ насиліемъ честь.»

Стх. 12 — 16. «И встрѣчены грозной нежданной войной.

Мы бились жестоко: какъ мы, удалые,

Враги насъ тѣснили толпа за толпой;

Ихъ кровью намокли поля боевыя.»

читаемъ: «И вызвали сильныхъ на споръ боевой.

Мы бились жестоко — и жадные мщенья

Враги къ намъ летали, толпа за толпой.

Ихъ кровью намокла равнина сраженья.»

Стх. 25. «Отчизна, отчизна! подь латами чести»

читаемъ: «О родина, родина! подь латами чести»

Стх. 33. «Не синее море кипить и шумить,

читаемъ: Какъ море вздымается, какъ море шумить.»

Стх. 36. «Оружіе блестятъ, труба дребезжить»

читаемъ: «Подь топотомъ конскимъ долина дрожить».

Муза стр. 29.

Стх. 4. «Она прекрасныхъ рукъ въ оковы не дала
«Вѣкамъ тиранства и разврата»

читаемъ въ Соревнователь :

«Она прекрасныхъ рукъ въ желѣзы не дала
«Вѣкамъ убійства и разврата.

Стх. 6. «Въ вѣнцѣ раскованная сила»

читаемъ : «Все рушить дерзостная сила»

Стх. 9. «Но съ праха рушенныхъ громадъ»

читаемъ : «Но съ праха тлѣющихъ громадъ»

Стх. 12. «Безсмертный Ангель вдохновенья»

читаемъ : «Безсмертный геній вдохновенья».

Элегія стр. 32.

Стх. 19 и 10. «Стиховъ гармонія живая
Невнятно, дико ей звучить»

читаемъ въ Нов. Лит. :

«Какъ дочь невѣжества простая
Она не любитъ Шеридъ»

Элегія. Стр. 34 — 35.

Стх. 9. «Люби чарующая сила»

читаемъ въ Нов. Лит. :

«Люби торжественная сила.»

Молитва. Стр. 36.

Стх. 4. «Но сердце мнѣ окамени».

читаемъ въ Нов. Лит. :

«Противъ страстей и бури свѣта.»

Ада. Стр. 36 — 39.

Стх. 5 — 9: «Тамъ, гдѣ въ минувшіе вѣка
Сражались вѣины Христовы,

Отважны, буйны и суровы;

Гдѣ нашъ свирѣпый Иоаннъ,»

читаемъ въ Сѣв. Цвѣтахъ :

«Тамъ, гдѣ Альбертова руки

Линила княжескаго права»

Неосторожнаго Всеслава,
Гдѣ послѣ грозный Иоаннъ.»
Стх. 37: «Потомъ покинувъ шумный свѣтъ»
читаемъ: «Потомъ покинулъ шумный свѣтъ.»

М. Н. Дириной, стр. 50.

Стх. 9 — 17 замѣнены въ Нов. Лит. слѣдующими:
«Всегда съ улыбкой благосклонной
Ты слушала прѣвѣтный гласъ
Моей души, нерѣдко сонной,
По вѣчно ревностной для васъ;
Теперь по прежнему съ поклономъ
Веселый Вами, Вамъ несущу
Мой фиміамъ предъ Аполлономъ.»

Геній, стр. 62.

Стх. 3 и 4: «Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея.»
читаемъ въ Нов. Лит.:
«Огонь отрадный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея.»

Къ Шепелеву, стр. 63.

Стх. 1 — 2: «Въ дѣлахъ вина и просвѣщенья,
Въ дѣлахъ Амура, мой Орестъ,»
читаемъ въ Певскомъ Альманахѣ:

«Въ трудахъ на жатвѣ просвѣщенья
За чарой Вакха, мой Орестъ.»

Стх. 21 и 24: «Давно, и въ явѣ и во снѣ
Меня мертвила и живила
И воцарилася во мнѣ.»

читаемъ: «Меня и въ явѣ и во снѣ
Порой мертвила и живила
И нынѣ царствуетъ во мнѣ.»

Стх. 27 — 32. «Мила, какъ Ангелъ, но едина
Такъ непритворна и скромна,
Ея чело, ея ланиты,
Ея власы, ея уста,
И очи — словно у Хариты.»

читаемъ : «Жива, какъ мѣна, но едра ли
 Такъ непритворна и вѣрна.
 Ея чело, ея ланиты,
 И грудь, и очи, и уста
 И кудри, словно у Хариты, —»

За послѣдн. стх. «Сія звѣзда души моей?»

читаемъ : «Вотъ все, товарищъ! дай же руку;
 Не позабудь — скорѣе къ намъ.
 Да снова мы стихи, науку,
 Вино и горе по-поламъ.»

Къ Вульффу, Тютчеву и Шеллеву, стр. 85 — 89.

Вмѣсто стх. 21 — 25 читаемъ въ Альманахѣ :
 «Во мнѣ раждалось вдохновенье,
 Возвышенъ имъ, я воспиталъ
 Мое спокойное презрѣнье
 Къ гласу вѣтреныхъ похвалъ,
 Я поклялся : молвы привѣтовъ
 Не слушать въ подвигъ святомъ,
 И по ристалищу постовъ
 Промчатся съ громомъ и огнемъ.»

Къ нянь А. Пушкина, стр. 89.

Стх. 1, въ изд. 1833 :

«Васильевна, мой свѣтъ, забуду ли тебя?»

читаемъ : «Свѣтъ Родионовна, забуду ли тебя?»

Стх. 16 : «Намъ баловало вкусъ и жажды своеволие»

читаемъ : «Намъ баловало вкусъ и жажды своеволие»

Развалины, стр. 111.

Стх. 4 : «Безмоавенъ горній лѣсъ и пр.»

читаемъ : «Чуть дышетъ вѣтерокъ.»

Стх. 15 : «И гибли! — Радостный приютъ моей мечты!»

читаемъ : «И гибли! — Божество и рай моей мечты!»

А. Н. Степанову, стр. 112.

Стх. 36 и 37 : «Воспомянаны золотыя про мѣръ возвышенныхъ
 суетъ»

читаемъ : «Воспомянаны благія про мѣръ плѣнительныхъ
 суетъ»

Къ А. Н. Пушкину, стр. 116,

Стх. 5 — 16 замѣнены слѣдующими:

«Хиля сладостнаго полны.
Мы лежали, а вдали
Двухъ костровъ живыя волны
Разливались и росли;
Мы смотрѣли яркимъ окомъ
На товарищю, они въ состязанн высокомъ
Буйно смѣли, легкимъ скокомъ
Пролетали чрезъ огни!
Въ насъ кипѣла, въ насъ бурлила
Чародѣйственная сила
Думъ разгульныхъ, удачныхъ,
Чистыхъ, чудныхъ и святыхъ!»

Стх. 25: Разсудительной, ученой»

читаемъ: «Романтической, ученой»

Стх. 34: «Загулявшіеся други»

читаемъ: «Праздномыслящіе други»

Вмѣсто 40 и проч.

читаемъ: «Разговоръ небрежно сонный:

Хохоть, споръ и крикъ — но вотъ

На лазурный неба сводъ

Свѣточъ мрака благосклонный

Мѣсяцъ пышно возстаетъ.

Всѣ уйдутъ — а я на ложе

Повергаюсь въ тишинѣ —

И надежда — завтра тоже

Усладительна ли мнѣ?

Элегія, стр. 122.

Стх. 1 и 2: «Ты восхитительна! ты пышно разцвѣтаешь»

«И это чувствуешь — и гордо щеголяешь»

читаемъ: «Ты восхитительна, ты всѣхъ обворожаешь»

«Какъ величаво ты и гордо щеголяешь».

Стх. 15: «Имъ соблазнилась ты»

читаемъ: «Онъ милъ твоей душѣ»

Стх. 20: «Онъ смѣлыя стопы желѣзомъ окриливъ»

читаемъ: «Онъ легкія стопы желѣзомъ окриливъ»

Стх. 23 и 24: «О немъ мечтаешь ты, твой небезгрѣшный сонъ.
То нѣжно скрашенъ имъ, то жарко возмущенъ».
читаемъ: «О немъ мечтаешь ты, твой одинокій сонъ.
Неотразимо имъ украшенъ и смущенъ».

Памяти Маркова, стр. 123.

Стх. 18: «Погибъ ты . . . при чужихъ водахъ»
читаемъ: «Угасъ ты — при чужихъ водахъ»
Стх. 26—29: Твои радушныя заботы
Живое чувство красоты .
Во мнѣ питали; нѣжно ты —
читаемъ: «Какъ сладко мнѣ твои заботы
«Питали чувство красоты!
«Съ какою нѣжностію ты».

Прощальная пѣсня, стр. 140.

Стх. 8: «Веселыми очами встрѣчу я»
читаемъ: «Восторга полнъ, увижу снова я»
Стх. 23: «Про васъ и Дерптъ, про милыя мѣста»
читаемъ: «Про васъ, друзья, про милыя мѣста».

ПОГРѢШНОСТИ.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
Стран. 27, строка 13	свѣтлѣющей	свѣтлѣющей
» 47, » 28	вольненіе	волненіе

административного управления
и в области формирования
сферы ^{услуг} ~~услуг~~ и средств

Сфера услуг и средств

~~сфера~~

+

~~сфера~~ услуг и средств
сферы услуг и средств = сфере услуг:
~~сфера~~ услуги, посредники, оптимизация
услуг и средств

+

услуги, посредники, оптимизация
услуг и средств
услуги и средств
услуги и средств

услуги и средств

услуги и средств

услуги и средств